

ISSN 2072-9391

№ 1 (61) Март 2022

№ 1 (61) March 2022

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2022

Главный редактор

Конев Андрей Николаевич,
начальник Академии управления
МВД России, доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация.

Заместитель главного редактора

Чистобородов Илья Григорьевич,
врио заместителя начальника
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ

АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2022

№ 1 (61)

март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Воронин Михаил Юрьевич, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Джоробекова Арзыгуль Мамаянусовна, заместитель начальника Академии МВД Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке, доктор юридических наук, профессор;

Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Енгиларян Ваге Гургенович, профессор кафедры уголовного процесса Ереванского государственного университета Республики Армения, доктор юридических наук, профессор;

Елагин Александр Георгиевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Киричек Евгений Владимирович, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Кононов Анатолий Михайлович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологии и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Корякин Илья Петрович, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук;

Лексин Иван Владимирович, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент;

Мелёхин Александр Владимирович, профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Мионов Анатолий Николаевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны

общественного порядка Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Можяева Ирина Павловна, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук;

Мулукаев Роланд Сергеевич, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Невский Сергей Александрович, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1, доктор юридических наук, профессор;

Орлов Владислав Николаевич, профессор кафедры организации исполнения наказаний Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доцент;

Осокин Роман Борисович, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Победкин Александр Викторович, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Пожарский Дмитрий Владимирович, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Рельев Артём Григорьевич, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Солдатов Александр Петрович, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Цепелев Валерий Филиппович, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Мартыненко Наталия Эдуардовна (секретарь), профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Andrei N. KONEV,

Dr. of Technology, Candidate of Law,
Associate Professor, Head of Management
Academy of the Ministry of the Interior
of Russia. Moscow. Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Ilya G. CHISTOBORODOV,

Acting Deputy Head of the Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law.
Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2022

№ 1 (61)

March

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Board of the Journal

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Associate Professor, Professor
at the Department of State and Law Disciplines (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Mikhail Yu. VORONIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute
of International Law and Justice (Moscow State Linguistic University).
Moscow. Russian Federation;

Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert
of the Russian Federation, Professor at the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Arzygul' M. DZHOROBKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head
for Science at General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry
of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;

Zhanat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head
for Scientific Work at Makan Yesbulatov Almaty Academy
of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan.
Nur-Sultan. Republic of Kazakhstan;

Vage G. ENGIBARYAN, Dr. of Law, Professor, Professor
of the Department of Criminal Procedure (Yerevan State University
of the Republic of Armenia). Yerevan. Republic of Armenia;

Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor, Professor
at the Department of Management of Public Order Services
at the Center for Command Games (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Evgeniy V. KIRICHYOK, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the
Educational Methodical Work Management (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Anatolij M. KONONOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert
of the Russian Federation, Professor of the Department of State Law
Disciplines (K. G. Razumovsky Moscow State University
of technologies and management (the First Cossack University)).
Moscow, Russian Federation;

Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head for Scientific Work
at the Barimbek Beysenov Karaganda Academy of the Ministry
of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Karaganda.
Republic of Kazakhstan;

Ivan V. LEKSIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department
of the Legal Foundations for Management at the Faculty
(Lomonosov Moscow State University). Moscow. Russian Federation;

Alexander V. MYELYOHIN, Dr. of Law, Professor,
Professor at the Department of the State Building and Law
(University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation). Moscow. Russian Federation;

Anatolij N. MIRONOV, Dr. of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Public Protection Bodies Management
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).
Moscow. Russian Federation;

Irina P. MOZHAeva, Dr. of Law, Chief Researcher
at the Department of the Studying Branch Management Problems
at the Research Center (Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Roland S. MULUKAYEV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher
at the Department of the History of the Interior Ministry
of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Sergej A. NEVSKIY, Dr. of Law, Professor, Deputy Head
of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia – Head of the Research Center No. 1. Moscow. Russian Federation;

Vladislav N. ORLOV, Dr. of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Organization of Execution
of Punishments (Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary
Service). St. Petersburg. Russian Federation;

Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty
for Training Research and Teaching Staff (Kikot Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Moscow.
Russian Federation;

Alexander V. POBEDKIN, Dr. of Law, Professor,
Head at the Department of the Criminal Policy
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).
Moscow. Russian Federation;

Dmitry V. POZHARSKY, Dr. of Law, Associate Professor, Head of State and
Legal Disciplines Department (Management Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia). Moscow. Russian Federation;

Artem G. REPYEV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of State and
Legal Disciplines Department (Academy of Management of the Ministry of
Internal Affairs of Russia). Moscow. Russian Federation;

Alexander P. SOLDATOV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher
at the Department of the History of the Interior Ministry
of Russia Problems Studying at the Research Center
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow.
Russian Federation;

Valeriy F. TSEPELEV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert
of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL)). Moscow.
Russian Federation;

Natalia E. MARTYHENKO (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor
at the Department of the Criminal Policy (Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation.

Над номером работали

Е. В. Белик
П. А. Рогов

М. А. Фильчагина
Н. А. Якушева

Техническая верстка: А. А. Мельникова

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-75592
от 19 апреля 2019 г.

При использовании
материалов ссылка на журнал
«Труды Академии управления
МВД России» обязательна.

Подписано в печать 31.03.2022.
Формат 60×84 1/8.

Объем 19,30 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 68 экз. Заказ № 15у.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.pf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
при Министерстве науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 12.00.01 (5.1.1),
12.00.02, 12.00.14 (5.1.2), 12.00.08,
12.00.09, 12.00.11, 12.00.12 (5.1.4).
© Академия управления МВД России, 2022

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2022
№ 1 (61)

март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Иванов П. И. Оперативно-розыскная наука о частной теории
организации оперативно-розыскной деятельности.....8
Репьев А. Г. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы.....17

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Новикова Ю. О. Организационно-правовые основы и результаты
деятельности Комитета о судо-сберегательных и промышленных
товариществах в России конца XIX – начала XX в. 25

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

- Лукашов Н. В. Методические аспекты обучения руководителей органов
внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации
ситуационного управления 36
Ульянов А. Д. Научный инструментарий оценки эффективности
управленческой деятельности в территориальных органах МВД России.....48

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Антонов И. А., Сатдинов Л. В. Факторы, препятствующие установлению
объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления 61

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

- Баранов В. В. Некоторые проблемы расследования и противодействия
расследованию экстремистских преступлений, совершаемых
с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации 70
Кольцов Д. В. Проверочная закупка и оперативный эксперимент в легальной
предпринимательской деятельности. Правовые позиции Европейского Суда.....81
Лапин В. О. Предварительная проверка сообщений о преступлениях в сфере
предпринимательской деятельности: криминалистический аспект.....90
Сибилькова А. В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме
развития криминалистики 101
Шпагина Ю. В. Уголовно-процессуальное познание при производстве
дознания в сокращенной форме 110

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Акимжанов Е. С. К вопросу о компетенции субъектов, осуществляющих противодействие домашнему насилию в Республике Казахстан	116
Сайтходжаев Б. Х. Проблемы совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике в современных условиях	122
Хакимзода А. Х. Отдельные аспекты правового положения несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации.....	131
Хозикова Е. С. Использование защитных кабин в залах судебных заседаний: российский и зарубежный опыт.....	138

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Егоров А. А. Теория правонарушения и юридическая ответственность в трудах классиков дореволюционной российской юриспруденции А. Н. Радищева (1749–1802) и А. П. Кунцына (1783–1840).....	149
Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Войска НКВД СССР в решениях и материалах Государственного комитета обороны	159

Worked with issue

E. V. Belik
P. A. Rogulyov

M. A. Filchagina
N. A. Yakusheva

Technical layout: A. A. Melnikova

The journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is required.

Print is signed 31.03.2022

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 19,30 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 68 copies. Order № 15y.

Published 4 times a year.

Negotiable price.

Address of the Editorial Office and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.

E-mail: ebelik3@mvd.ru

Subscription index

at the General catalogue

«Pressa Rossii»: 15548.

Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing

of the Publishing Department

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher

Attestation Commission

of the Ministry of Science and High

Education the Russian Federation

journal «Proceedings

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior

of Russia» is included in the list

of reviewed scientific journals,

in which major scientific results

of dissertations for the degree

of doctor and candidate of sciences

should be published by scientific

specialties: 12.00.01 (5.1.1), 12.00.02,

12.00.14 (5.1.2), 12.00.08, 12.00.09,

12.00.11, 12.00.12 (5.1.4).

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2022

№ 1 (61)

March

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENT

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Ivanov P. I. Operational-Investigative Science of the Private Theory of the Organization of Operational-Investigative Activities.....8
- Rep'ev A. G. Latent Version of Blanket Legal Design 17

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

- Novikova Yu. O. The Organizational and Legal Bases and Results of the Activities of the Committee on Savings and Industrial Partnerships in Russia Late XIX – Early XX Century 25

MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

- Lukashov N. V. Methodological Aspects of Training of Heads of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation on the Basics of Theory and Organization of Situational Management.....36
- Ul'yanov A. D. Scientific Tools for Assessing the Effectiveness of Management Activities in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia 48

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- Antonov I. A., Satdinov L. V. Factors Hindering the Establishment of Objective Truth and Criminal Procedural Means of Overcoming them 61

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Baranov V. V. Some Problems of Investigation and Counteraction to the Investigation of Extremist Crimes Committed Using Telecommunications and Computer Information.....70
- Kol'cov D. V. Verification Purchase and Operational Experiment in Legal Business Activity. Legal Positions of the European Court of Justice.....81
- Lapin V. O. Preliminary Checks of Business Crime Reports: Criminalistic Aspect 90
- Sibil'kova A. V. Psychological Aspects of Interrogation Tactics in the Paradigm of Criminology Development 101
- Shpagina Yu. V. Criminal Procedural Cognition in the Course of Inquiry in an Abbreviated Form 110

For attention of the authors

The journal «Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the «Science» section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double «blind» peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

- Akimzhanov Y. S.** To the Question of the Competence of Subjects Engaged in Combating Domestic Violence in the Republic of Kazakhstan 116
- Saitkhodzhaev B. Kh.** The Problems of Improving Road Safety in the Kyrgyz Republic in Modern Conditions 122
- Hakimzoda A. H.** Certain Aspects of the Legal Status of a Minor in Criminal Proceedings under the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation 131
- Hozikova E. S.** Use of Protective Cabins in Courtrooms: Russian and Foreign Experience 138

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

- Egorov A. A.** The Theory of Offense and Legal Responsibility in the Works of the Classics of Pre-Revolutionary Russian Jurisprudence A. N. Radishchev (1749–1802) and A. P. Kunitsyn (1783–1840) 149
- Mulukaev R. S., Malygin A. Ya.** NKVD Troops of the USSR in Decisions and Materials of the State Defense Committee 159

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

ПЁТР ИВАНОВИЧ ИВАНОВ,
главный научный сотрудник
отдела по исследованию проблем
отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

PYOTR IVANOVICH IVANOV,
Chief Researcher of the Department for Research
of Problems of Branch Management of the Research Center,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of Russian Federation
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Work;
Operative Investigative Activity.

ORCID 0000-0002-2367-3369

УДК 351.745.7

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-8-16

Дата поступления: 30 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Оперативно-розыскная наука о частной теории организации оперативно-розыскной деятельности

Operational-Investigative Science of the Private Theory of the Organization of Operational-Investigative Activities

Аннотация

Актуальность: изучение и анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, состояния криминогенной ситуации, правоприменительной практики и монографических работ, посвященных общей теории оперативно-розыскной деятельности, показывает, что общая теория оперативно-розыскной деятельности, выступающая сегодня как наука, несколько отстает от реально сложившейся ситуации вокруг указанной деятельности и теории. Практика в одиночку ищет пути оптимальной ее организации, действенные механизмы, соответствующие сегодняшним реалиям, которые во многом диктуют необходимость приведения

Abstract

The relevance: the study and analysis of legislative and other regulatory legal acts, the state of the criminogenic situation, law enforcement practice and monographic works devoted to the general theory of operational investigative activity shows that the general theory of operational investigative activity, acting today as a science, is somewhat lagging behind the actual situation around this activity and theory. Practice alone is looking for ways to optimally organize it, effective mechanisms that correspond to today's realities, which largely dictate the need to bring the so-called "general theory of operational investigative activity" system into working order –

в рабочее состояние так называемой системы «общая теория оперативно-розыскной деятельности – частная теория ее организации», потому что она в полной мере не работает, как этого требует сложившаяся оперативная обстановка.

Отсутствует целостное понимание частной теории как системы научных принципов, идей, обобщающих оперативно-розыскную практику деятельности оперативных подразделений по борьбе с преступностью, и отражающих ее закономерностей. Объективно назрела необходимость углубленного изучения совокупности обобщенных положений, образующих частную теорию организации оперативно-розыскной деятельности (мы полагаем, что частная теория организации оперативно-розыскной деятельности должна выступать не только как неотъемлемая часть общей теории, но и как отдельный ее раздел).

Постановка проблемы: как показывает оперативно-розыскная практика, повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности невозможно или крайне затруднительно без наличия научно обоснованных рекомендаций, разрабатываемых с учетом совокупности положений, которые наряду с терминами, понятиями и категориями должны содержаться в частной теории организации оперативно-розыскной деятельности. Отсутствие ее существенным образом влияет на повышение эффективности (оптимизацию) оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, суть проблемы, связанной с разработкой частной теории организации оперативно-розыскной деятельности, заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью в качественно новой совокупности научно обоснованных положений, образующих систему научных принципов, идей, обобщающих практический опыт органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и отражающих закономерности организации, тактики и методики осуществления оперативно-розыскной деятельности, и неполнотой современных представлений о сущности и содержании ее организации и тактики, правовом их регулировании, соответствующем современным концептуальным основам.

Цель исследования: получение новых научных знаний, необходимых при разработке частной теории организации оперативно-розыскной деятельности, выступающей неотъемлемой частью общей теории оперативно-розыскной деятельности.

Методы исследования: общенаучные, включающие формально-логические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, выдвижение гипотез), частнонаучные (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов).

Результаты и ключевые выводы: Представляется, что наличие частной теории организации

the private theory of its organization”, because it does not fully work as required by the current operational situation.

There is no holistic understanding of private theory as a system of scientific principles, ideas that generalize the operational investigative practice of the activities of operational units to combat crime, and reflect its patterns. Objectively, there is a need for an in-depth study of the totality of generalized provisions that form a private theory of the organization of operational investigative activities (we believe that a private theory of the organization of operational investigative activities should act not only as an integral part of the general theory, but also as a separate section of it).

The problem statement: as operational investigative practice shows, improving the efficiency of operational investigative activities is impossible or extremely difficult without the availability of scientifically sound recommendations developed taking into account the totality of provisions that, along with terms, concepts and categories, should be contained in the private theory of the organization of operational investigative activities. The absence of it significantly affects the increase in efficiency (optimization) of operational investigative activities.

In our opinion, the essence of the problem associated with the development of a private theory of the organization of operational investigative activities is to resolve the existing contradiction between the need for a qualitatively new set of scientifically based provisions forming a system of scientific principles, ideas summarizing the practical experience of bodies engaged in operational investigative activities and reflecting the patterns of organization, tactics and methods of operational investigative activities, and the incompleteness of modern ideas about the essence and content of its organization and tactics, their legal regulation, corresponding to modern conceptual foundations.

The purpose of the study is to obtain new scientific knowledge necessary for the development of a private theory of the organization of operational investigative activities, which is an integral part of the general theory of operational investigative activities.

The research methods: general scientific, including formal-logical (analysis, synthesis, generalization, abstraction, hypotheses), private scientific (observation, questioning, interviewing, content analysis of documents).

The results and key conclusions: It seems that the existence of a private theory of organization allows to minimize as much as possible the possible mistakes made by the heads of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian

позволяет максимально минимизировать возможные ошибки, допускаемые руководителями территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации и их оперативных подразделений при принятии решений в рамках документирования преступных действий лиц, осуществлении розыскной работы, по делам оперативного учета, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: *общая теория оперативно-розыскной деятельности; частная теория организации оперативно-розыскной деятельности; автономный характер; диалектическая взаимосвязь теорий; научно обоснованные предложения и рекомендации.*

Federation and their operational units when making decisions within the framework of documenting criminal actions of persons, carrying out investigative work, on operational accounting cases, when conducting operational investigative activities, using the results of operational investigative activities in the process of proving a criminal case.

Keywords: *general theory of operational investigative activity; private theory of the organization of operational investigative activity; autonomous nature; dialectical interrelation of theories; scientifically based proposals and recommendations.*

Вызовы и угрозы, перечисленные в документах стратегического планирования¹, подталкивают (побуждают) правоохранительные органы к необходимости поиска эффективных приемов и способов противодействия им с тем, чтобы вовремя нейтрализовать совокупность факторов и не дать им возможность нанесения материального ущерба либо максимально минимизировать последствия. Среди такого рода мер надлежащая организация оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) является не менее важной, поскольку она не дает перерасти, в частности, угрозам в противоправные уголовно наказуемые деяния путем своевременного получения первичных данных, содержащих сведения о таких противоправных действиях и лицах, к ним причастных.

Важно помнить, что организация ОРД как и сама деятельность имеют давнюю историю. Изучению генезиса организации ОРД и зарождению идеи о частной теории исследователи придают особое значение. Мы полагаем, что это заслуживает такой оценки.

Говоря об исторических корнях возникновения и дальнейшего их развития, мы исходим из следующего положения: не зная прошлое (историю зарождения), трудно определить перспективы развития самой ОРД и ее организации (очертить параметры на будущее).

Уже сегодня уверенно можно заявить о том, что организация ОРД имеет глубокие корни, как сама деятельность². Однако из-за ограниченности объема настоящей статьи мы не станем дальше развивать эту мысль. Данный вопрос, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения.

Между тем отметим, что истоки оперативно-розыскной деятельности ее основоположники (А. И. Алексеев, В. Г. Бобров, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, Г. К. Синилов и др.) справедливо связывали с сыскной работой в Российской империи (XVIII — начало XX в). По их мнению, современная отечественная теория ОРД стала формироваться с начала 1960-х гг.

Разделяя мнение указанных ученых, хотим подчеркнуть, что этот процесс сопровождался созданием предпосылок для зарождения частной теории организации ОРД. Однако исследователи вовремя не смогли его заметить. Мы в своих работах уже обращались к этому вопросу, показывая почву формирования и ее особенности [9].

Думается, что ключевым термином частной теории, как видно из ее названия, является организация³. Прежде чем углубиться в суть за-

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Обращение к истории зарождения, становления и развития идеи вначале об организации ОРД, затем о разработке частной ее теории позволяет проследить тенденции и особенности развития каждого указанного этапа, глубже понять их закономерности, а также выстроить научно-теоретическую модель частной теории организации ОРД, соответствующую сегодняшним реалиям.

³ Мы придерживаемся следующей позиции: частная теория организации ОРД призвана помочь руководителям ОВД и их оперативных подразделений правильно организовать оперативно-розыскную работу. Организовать — значит сообщать стройный вид, упорядочить что-нибудь, объединять кого-нибудь для какой-нибудь цели посредством реализации совокупности процессов или действий,

явленной нами темы, мы сочли необходимым вначале определиться, что же означает само слово «организация». Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы обратились к словарю⁴. Организация (лат. *organize* — сообщаю стройный вид, устраиваю) имеет несколько значений: а) внутренняя упорядоченность, взаимодействие, согласованность более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением; б) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого. Приведенное толкование охватывает широкий круг вопросов, поэтому мы решили более подробно остановиться лишь на том, что организация есть один из основных элементов управления органами внутренних дел, она предполагает внутреннюю упорядоченность, согласованность процессов и действий, ведущих к достижению поставленной цели. Думается, что такое ее понимание — общепризнанное, содержащее в себе концептуальные положения сущностного плана. С учетом этого в исследовательских целях под организацией нами понимается надлежащее обеспечение субъектом управления деятельности подчиненных органов и их должностных лиц в целях успешной реализации государственной политики, в частности, в сфере обеспечения экономической безопасности. Как видим, система организации базируется на элементарном и функциональном подходах. Элементарный подход позволяет выделить в данной системе взаимосвязанные компоненты: объекты (институциональные и индивидуальные), субъекты (непосредственные и опосредованные) и процесс (обеспечение субъектом деятельности объекта) организации. В свою очередь функциональный подход позволяет рассмотреть данную систему, с одной стороны, как взаимосвязанные функции управления, обеспечивающие ОРД (информационная, аналитическая, контроль и др.), с другой — как взаимосвязанные направления организации (организация получения первичной информации, ее проверки и использования).

Несмотря на определенные успехи, до сего времени в рамках предмета теории ОРД ученые не могли определиться с понятием, сущностью и содержанием организации ОРД. Точки зрения в этом плане у них разделились. Одни (В. М. Атамжигитов⁵, В. Г. Бобров, К. К. Горяинов) оста-

новились на том, что содержание организации составляют меры организационно-управленческие и организационно-тактические (справедливости ради отметим, что изначально эти термины (формулу) в теорию ОРД ввел профессор В. А. Лукашов). Другие (Э. В. Марзаев, В. В. Сонин, А. В. Солдатов, С. В. Харченко, А. Б. Янишевский) высказали несколько иную позицию, суть которой заключается в том, что содержание организации все же представляет научно обоснованный комплекс действий теоретического, правового, организационно-тактического характера. Автор настоящей статьи также придерживается такой позиции.

На сегодня существует и такая точка зрения, согласно которой организация все же элемент управленческой деятельности, а потому организация ОРД может быть рассмотрена как средство ее упорядочения. Она по существу носит обеспечительный характер и в этом плане создает предпосылку для повышения эффективности деятельности. Речь идет о ее оптимизации. Такой подход в свое время неоднократно высказывали в своих научных работах Б. Е. Богданов, Е. В. Токарев [6], Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов.

Споры, дискуссии и полемика вокруг указанного термина продолжаются и сегодня в новых условиях цифровой трансформации [14; 17, с. 153], глобализации. Теория ОРД вступила на очередной этап своего развития, плавно перейдя в оперативно-розыскную науку. Это совершенно новый этап, который качественным образом отличается от предыдущего.

На основе изучения и анализа литературных источников мы остановились на том, что организация ОРД все же подразумевает строгий порядок, глубокую продуманность запланированных оперативно-розыскных действий, внутреннюю упорядоченность структурных ее элементов. При этом хотим подчеркнуть, что указанные действия, взятые в комплексе, взаимосвязаны теснейшим образом между собой и направлены на обеспечение оптимизации деятельности оперативных подразделений полиции. Из-за ограниченности объема статьи мы не будем дальше развивать мысль о понятии «организация», хотя на этот счет, как уже нами отмечалось, существует достаточно много суждений. Данный вопрос, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения. Между тем еще раз хотим подчеркнуть, что под организацией ОРД мы склонны понимать базирующую-

ведущих к установлению, формированию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого: операциями, действиями, людьми [12, с. 15].

⁴ Современное управление: энциклопедический справочник. Москва, 1997. Т. 1. С. 56.

⁵ Приведем одну точку зрения, что касается понятия «организация ОРД ОВД». В частности, вот что пишет профессор В. М. Атамжигитов: организация оперативно-розыскной деятельности органов

внутренних дел представляет собой комплекс (систему) специальных организационных мер, используемых руководителями органов внутренних дел, их оперативных подразделений и иными субъектами в целях эффективного применения оперативно-розыскных сил, мероприятий, методов, форм и средств для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

ся на законах и подзаконных нормативных правовых актах научно организованную систему действий с учетом складывающейся оперативной обстановки, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений путем принятия управленческих решений, включающих совокупность мер теоретического, правового, организационного и тактического плана.

Из приведенных определений можно вывести сущность организации ОРД, которая заключается в наведении установленного порядка в системе органов внутренних дел, чтобы сотрудники добросовестно выполняли возложенные на них обязанности.

Руководители территориальных ОВД и их оперативных подразделений должны добиваться качества организации ОРД, которое непосредственно влияет:

- на ее результативность через целенаправленное разграничение компетенций (полномочий) оперативных подразделений полиции и их специализацию по отдельным направлениям деятельности. Отсюда мы рассматриваем результативность как количественный показатель указанной деятельности;

- эффективность осуществляемых ими действий через затраты имеющихся в распоряжении оперативных подразделений ресурсов. Таким образом, эффективность выступает как качественный показатель названной деятельности. *(При наименьших затратах средств научиться (стремиться) добиваться наибольших результатов)*. Складывающиеся на сегодня условия (ограниченность сил и средств, появление новых видов преступности, прежде всего, киберпреступности [2; 15; 13, с. 307], ее высокотехнологичность [3; 18]) требуют экономного расходования имеющихся ресурсов.

Из вышесказанного следует, что организация выступает как инструмент оптимизации ОРД. Благодаря упорядоченности деятельности, удастся достичь ее результативности и эффективности⁶.

Учитывая это, следует иметь в виду, что в центре внимания руководителей территориальных органов Министерства органов внутренних дел Российской Федерации и их оперативных подразделений должна находиться организация рассматриваемого вида деятельности.

Возвращаясь к частной теории организации ОРД, заметим, что она, как и общая теория, имеет сложную структуру, составными элементами которой являются: понятия, термины, категории, цели, задачи, функции, принципы⁷,

обстоятельства (факторы)⁸, закономерности⁹, тенденции. В настоящей статье мы не ставим перед собой цель раскрыть их содержание, поскольку в своих предыдущих работах уже неоднократно касались этих вопросов [8; 7]. Во избежание возможных повторов не планируем снова к ним возвращаться.

В обобщенном виде структура частной теории, на наш взгляд, состоит из двух взаимосвязанных частей: 1) общей информационно-познавательной части, включающей в первую очередь понятие, сущность, содержание; 2) программно-прикладной (прагматической) части, состоящей из типичных оперативно-тактических ситуаций и программы по их разрешению; типичных оперативно-розыскных версий и программы по их проверке; способов и приемов разработки и проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), а также из форм и направлений взаимодействия с оперативными подразделениями полиции и органов, осуществляющих ОРД.

Считаем необходимым отметить, что частная теория преследует несколько целей, а именно: совершенствование общей теории ОРД, оперативно-розыскного законодательства, а также поиск средств и методов повышения эффективности ОРД, которая, например, в плане обеспечения экономической безопасности¹⁰ определяется *четырьмя* взаимосвязанными между собой параметрами:

1) непрерывным осуществлением анализа и мониторинга оперативно-розыскного и иного законодательства на предмет выявления проблемных вопросов, связанных с определением достаточности нормативной правовой базы для реализации в системе органов внутренних дел государственной политики по обеспечению экономической безопасности в первую очередь бюджетобразующих отраслей экономики;

ципы: законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, активность и наступательность, приоритет упреждающих и профилактических мер, комплексное использование сил и средств, сочетание целей, задач и практической деятельности. Названные принципы могут быть успешно реализованы на практике при одном немаловажном условии — при должной (надлежащей) организации ОРД.

⁸ Под факторами нами рассматриваются вызовы и угрозы. Вызовы — это совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы, например, экономической безопасности. Сами угрозы есть комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба государственным интересам. Основными факторами, обуславливающими качественное изменение криминальной среды, на наш взгляд, выступают: процесс глобализации, прозрачность границ, незаконная миграция, IT-преступления, этническая организованная преступность, киберпреступность.

⁹ Под закономерностью нами понимаются объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц.

¹⁰ Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760.

⁶ Под эффективностью нами понимается достижение поставленных перед управлением и управляемой системой (перед организацией) целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.

⁷ Частной теории организации ОРД присущи следующие прин-

2) укомплектованностью подразделений ЭБиПК квалифицированными специалистами, способными противодействовать вызовам и угрозам экономической безопасности Российской Федерации;

3) организационно-методическим обеспечением для эффективного выявления и документирования противоправных деяний в приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел. Такое обеспечение прежде всего ориентировано на новые виды преступных деяний экономической и коррупционной направленности;

4) принятием действенных мер по обеспечению возмещения материального ущерба, причиненного указанными видами преступлений. Такая работа должна проводиться как на этапе доследственной проверки материалов, так и в процессе расследования преступлений экономической и коррупционной направленности.

Разработку и введение в научный оборот частной теории мы рассматриваем как очередной этап развития общей теории ОРД.

Говоря об этом, по нашему мнению, следует учесть два момента: а) среди множества частных теорий в структуре общей теории ОРД особняком на сегодня стоит частная теория организации ОРД, которая вполне могла бы служить относительно самостоятельным разделом общей теории; б) возникновение этой разновидности теории не самоцель, а вполне объективный процесс, конечной целью которого и явилось бы формирование данной теории¹¹, представляющей систему научных положений, обобщающих практический опыт борьбы с преступностью и отражающих закономерности организации, тактики и методики осуществления ОРД по ее противодействию.

В связи со сказанным отметим, что на сегодня существуют довольно веские основания для того, чтобы утвердительно заявить — частной теории организации быть.

Среди них можно выделить *такие основания, как:*

- создание предпосылок для единообразного исполнения законодательства в сфере ОРД;

- стремление (нацеленность) достичь желаемый результат при наименьших затратах материальных и иных ресурсов путем наиболее эффективного выполнения возложенных на субъекты ОРД обязанностей. В этом ключе частная теория организации ОРД нацелена на решение двуеди-

ной задачи: поиск путей повышения эффективности указанного вида деятельности; разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования организации ОРД;

- возможность своевременного устранения любых нарушений закона посредством принятия установленных действующими нормативными правовыми актами мер, в том числе привлечения к ответственности виновных, допустивших их;

- обеспечение упорядоченности деятельности субъектов ОРД при решении задач, стоящих перед ними.

Вряд ли можно претворить в жизнь нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, игнорируя закономерности и принципы организации ОРД. Общая теория ОРД не дает готовых рецептов решения тех или иных вопросов, связанных с организацией ОРД. Данная теория лишь вооружает методологией ее познания для нахождения верных и обоснованных решений. Следовательно, потребность в теории организации ОРД объективно существует, и она во многом коррелируется с теми задачами и функциями, о которых на сегодня знает общая теория. Их объединяет единая цель, ради которой эти теории должны быть выстроены в единую систему [1; 11, с. 63]. Эта цель — поиск путей повышения эффективности ОРД, ее оптимизации.

Складывается впечатление, что частная теория организации ОРД «отпочковывается» (отделяется) от общей теории ОРД, но это вовсе не означает, что она претендует на относительно самостоятельную отрасль знания, поскольку она зародилась в недрах общей теории ОРД и до сего времени остается на ее платформе (в составе ее структуры). Кроме того, следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство, что общая теория ОРД¹² совершенствуется (развивается) посредством возникающих (зарождающихся) частных оперативно-розыскных теорий и учений. Мы при этом усматриваем то, что возникновение *частной теории организации ОРД* — это очередной этап развития общей теории, отличающийся от предыдущих усилением качественной ее составляющей. Иначе говоря, мы наблюдаем переход количества в новое качество посредством эволюции.

Частная теория организации ОРД не отрывается от общей теории, перспективы и тенденции ее развития предполагают дальнейшее совершенствование оперативно-розыскной нау-

¹¹ Основными чертами частной теории организации ОРД выступают: ее проявление как объективный фактор развития оперативно-розыскной науки; обеспечительный характер теории; научный инструмент; «автономность»; затрагивание области управленческой деятельности; обязательность внутриведомственного и межведомственного взаимодействия; комплексность; динамичность; удовлетворение растущих потребностей; постоянный оперативно-розыскной мониторинг состояния оперативной обстановки.

¹² В 1970-е годы теория ОРД стала развиваться как относительно самостоятельная наука, имея при этом свой предмет, метод и систему знаний [16, с. 98].

ки [5]. Ее отличие, разграничение в основном проводится по предмету данных теорий. Если в общей теории мы ведем речь о достаточно широком его спектре, то в частной теории предмет значительно уже, ибо он сфокусирован только на отдельно взятое направление — упорядочение ОРД, формы и методы которой разнятся лишь в зависимости от решаемых задач. Так, например, при получении первичных данных, представляющих оперативный интерес, источниками, их содержащими, могут быть: опубликованные в открытом доступе материалы средств массовой информации, тематические сайты и форумы, новостные ленты — так называемый веб-серфинг, информационные ресурсы [4, с. 199].

Вкратце остановимся на перспективах развития частной теории организации ОРД в рамках оперативно-розыскной науки. Нами уже отмечалось, что возникновение, становление и дальнейшее ее развитие теснейшим образом связаны с общей теорией ОРД. Частная теория организации ОРД прошла те же этапы, что и общая теория. Однако при этом рассматриваемая нами теория не копирует общую теорию. Хотя у отдельных исследователей может сложиться и такое впечатление. Это исключено по одной причине: ею двигает стремление прочно закрепиться, чтобы быть относительно самостоятельной теорией в общей системе.

Говоря об этом, невольно возникает множество вопросов: каковы ее перспективы развития, что нового можно ожидать в будущем, не случится ли так, что частная теория растворится в общей теории ОРД. Эти и другие вопросы нами уже рассматривались, в своих работах мы постарались на них ответить, поэтому полагаем, что нет особой надобности повторяться.

Нельзя не отметить то, что в содержательном плане общая теория и частная теория организации взаимно дополняют друг друга, особенно в новых условиях — *цифровой трансформации*. Происходящие перемены в обществе оказывают на них внешнее воздействие, которое во многом обусловлено процессом глобализации. Ее основными направлениями, на наш взгляд, на сегодня выступают: деятельность транснациональных корпораций, имеющих свои финансы по всему миру; глобализация финансовых рынков; международная экономическая инте-

грация в рамках отдельных регионов; создание международных организаций в экономической и финансовой сферах (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация). Оперативно-розыскная наука должна развиваться с учетом этих перемен и теоретически осмыслить через призму своего предмета последствия процесса глобализации: как позитивные, так и негативные [10]. Частная теория организации ОРД как ее неотъемлемая часть не может оставаться в стороне от решения этой стратегической задачи.

Подытоживая сказанное, отметим следующее.

Во-первых, под частной теорией организации ОРД нами понимается система научных принципов, идей, обобщающих оперативно-розыскную практику деятельности оперативных подразделений по борьбе с преступностью и отражающих ее закономерности. Наличие такой теории могло бы служить теоретической предпосылкой для разработки методических рекомендаций, предложений и научных положений, отражающих степень эффективности рассматриваемой деятельности.

Во-вторых, предлагаемая нами научно-теоретическая модель частной теории организации ОРД представлена в виде сложноструктурного системного образования, состоящего из совокупности научных принципов, идей, сформулированных на основе обобщения оперативно-розыскной практики, накопленного при этом опыта, системы закономерностей, отражающих возникновение, становление и развитие указанной теории.

В-третьих, разработка (формирование) частной теории организации ОРД — объективный процесс, продиктованный, прежде всего, сложившейся криминогенной ситуацией и состоянием организации указанной деятельности по ее стабилизации. Данная теория вполне обоснованно могла бы претендовать на относительную самостоятельность в системе общей теории, имея свой собственный предмет и методологию.

В-четвертых, предложенный авторский вариант научно-теоретической модели частной теории организации ОРД — это первый шаг, сделанный нами в направлении формирования этой теории, которая, на наш взгляд, может служить отправной точкой для последующих исследований в этом направлении.

Список литературы:

1. Афанасьев В. Т. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6.
2. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятель-

References:

1. Afanas'ev V. T. O sistemnom podhode v social'nom poznanii // Voprosy filosofii. 1973. № 6.
2. Batoev V. B., Semenchuk V. V. Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoj deyatel'nosti: prob-

- ности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
3. Брюхнов А. А., Марков А. И., Петренко А. В. Характеристика преступности в сфере высоких технологий и ее предупреждение // Философия права. 2021. № 3 (98).
 4. Демянчук Е. В. Мониторинг сети Интернет как мероприятие, проводимое с целью получения оперативно значимой информации // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: труды XIV Международной научной конференции, проведенной 24–25 мая 2005 г. Москва, 2005.
 5. Иванов П. И. Актуальные вопросы развития оперативно-розыскной науки на современном этапе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: материалы международной научно-практической конференции (Минск, 26 февраля 2021 г.). Минск, 2021.
 6. Иванов П. И. Вклад профессора Е. В. Токарева в разработку частной теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. 2016. № 7.
 7. Иванов П. И. Некоторые вопросы об оперативно-розыскной науке (методология и перспективы ее развития) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1 (57).
 8. Иванов П. И. Перспективы и тенденции развития оперативно-розыскной науки // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань, 2021.
 9. Иванов П. И. Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3 (60).
 10. Иванов П. И., Шитов А. С. Актуальные проблемы цифровизации ОРД // Технологии информационного общества и развитие теории ОРД: сборник статей межведомственной конференции (15 ноября 2019 г.). Москва, 2020.
 11. Климов И. А., Сазонова Н. И. Основные системообразующие понятия теории оперативно-розыскной деятельности и их роль в ее формировании и конкретизации // Научный портал МВД России. 2008. № 1.
 12. Колесников И. И., Валов С. В., Гаврилов Б. Я. Организация расследования преступлений органами внутренних дел: курс лекций / под ред. И. И. Колесникова. Москва, 2011. Ч. 1.
 13. lemy protivodejstviya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).
 3. Bryuhnov A. A., Markov A. I., Petrenko A. V. Harakteristika prestupnosti v sfere vysokih tekhnologij i ee preduprezhdenie // Filosofiya prava. 2021. № 3 (98).
 4. Demyanchuk E. V. Monitoring seti Internet kak meropriyatie, provodimoe s cel'yu polucheniya operativno znachimoy informacii // Informatizaciya i informacionnaya bezopasnost' pravoohranitel'nyh organov: trudy XIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, provedennoj 24–25 maya 2005 g. Moskva, 2005.
 5. Ivanov P. I. Aktual'nye voprosy razvitiya operativno-rozysknoj nauki na sovremennom etape // Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravoohranitel'nyh organov: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 26 fevralya 2021 g.). Minsk, 2021.
 6. Ivanov P. I. Vklad professora E. V. Tokareva v razrabotku chastnoj teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del // Zakon i pravo. 2016. № 7.
 7. Ivanov P. I. Nekotorye voprosy ob operativno-rozysknoj nauke (metodologiya i perspektivy ee razvitiya) // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2021. № 1 (57).
 8. Ivanov P. I. Perspektivy i tendencii razvitiya operativno-rozysknoj nauki // Sbornik nauchnyh statej po itogam Nedeli rossijskoj nauki v Ryazanskom filiale Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya. Ryazan', 2021.
 9. Ivanov P. I. Chastnaya teoriya organizacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti v sisteme obshchej teorii (v poryadke postanovki problemy) // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 3 (60).
 10. Ivanov P. I., Shitov A. S. Aktual'nye problemy cifrovizacii ORD // Tekhnologii informacionnogo obshchestva i razvitie teorii ORD: sbornik statej mezhvedomstvennoj konferencii (15 noyabrya 2019 g.). Moskva, 2020.
 11. Klimov I. A., Sazonova N. I. Osnovnye sistemoobrazuyushchie ponyatiya teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti i ih rol' v ee formirovanii i konkretizacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2008. № 1.
 12. Kolesnikov I. I., Valov S. V., Gavrilov B. Ya. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij organami vnutrennih del: kurs lekcij / pod red. I. I. Kolesnikova. Moskva, 2011. Ch. 1.
 13. Lyashenko V. R. Pozitivnye i kriminologicheskie tendencii ispol'zovaniya kriptovalyuty v Rossijskoj Federacii // Sbornik nauchnyh statej po itogam Nedeli Rossijskoj nauki v Ryazanskom

13. *Ляшенко В. Р.* Позитивные и криминологические тенденции использования криптовалюты в Российской Федерации // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань, 2021.
14. *Пырчев С. В.* Тенденции организованной преступности в развивающемся цифровом мире // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54).
15. *Репецкая А. Л.* Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 января 2021 г.). Москва, 2021.
16. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2014.
17. *Фещенко П. Н.* К вопросу о личности «цифрового преступника» и его жертвы // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения): сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 января 2021 г.). Москва, 2021.
18. *Чубейко С. В., Довиденко П. Ю.* Теневой Интернет как элемент развития информационных технологий и преступности // Философия права. 2021. № 3 (98).
19. *Филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань, 2021.*
14. *Pyrchev S. V.* Tendencii organizovannoj prestupnosti v razvivayushchemsya cifrovom mire // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2 (54).
15. *Repeckaya A. L.* Kriptoprestupleniya kak sledstvie cifrovizacii prestupnosti // Cifrovye tekhnologii v bor'be s prestupnost'yu: problemy, sostoyanie, tendencii (Dolgovskie chteniya): sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 27 yanvarya 2021 g.). Moskva, 2021.
16. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2014.
17. *Feshchenko P. N.* K voprosu o lichnosti «cifrovogo prestupnika» i ego zhertvy // Cifrovye tekhnologii v bor'be s prestupnost'yu: problemy, sostoyanie, tendencii (Dolgovskie chteniya): sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 27 yanvarya 2021 g.). Moskva, 2021.
18. *Chubejko S. V., Dovidenko P. Yu.* Tenevoj Internet kak element razvitiya informacionnyh tekhnologij i prestupnosti // Filosofiya prava. 2021. № 3 (98).

Для цитирования:

Иванов Петр Иванович. Оперативно-розыскная наука о частной теории организации оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 8–16.

For citation:

Ivanov Pyotr Ivanovich. Operational-Investigative Science of the Private Theory of the Organization of Operational-Investigative Activities // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 8–16.

АРТЕМ ГРИГОРЬЕВИЧ РЕПЬЕВ,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

ORCID 0000-0003-0718-698X

УДК 340.13

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-17-24

Дата поступления: 23 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

ARTEM GRIGORYEVICH REP'EV,
Professor of the Department of State and Legal Disciplines,
Doctor of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: rejev-artem@yandex.ru

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and the State;
the History of the Teachings on Law and the State.

Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы

Latent Version of Blanket Legal Design

Аннотация

Актуальность: статья посвящена общетеоретическому анализу такой разновидности нормы российского права, как бланкетная с латентным способом закрепления. Автором выдвигается и аргументируется гипотеза о тенденции увеличения отсылочного способа правового регулирования в целом и его скрытого варианта в частности. Осуществлено сущностное и содержательное рассмотрение причин использования латентного способа конструирования бланкетного предписания, закономерностей его технико-юридического опосредования как с позиции доктрины права, так и современного законодательства, а также правоприменительной практики.

Постановка проблемы: анализ доктринальных источников российского и международного права, современных нормативных правовых актов и правоприменительной практики показал, что увеличение количества норм права с бланкетным вариантом правового регулирования – явление в целом закономерное и тенденциозное, вызванное как объективными факторами, так и субъективными причинами. Установление способов технико-юридического выражения скрытого варианта бланкетного предписания непосредственно в тексте нормативного правового акта, выявление видов латентных конструкций изложения бланкетной

Abstract

The relevance: the article is devoted to a general theoretical analysis of such a variety of the norm of Russian law as a blanket norm with a latent method of fixation. The author puts forward and argues a hypothesis about the tendency to increase the reference method of legal regulation in general, and its hidden version – in particular. An essential and meaningful consideration of the reasons for the use of the latent method of designing a blanket prescription, the laws of its technical and legal mediation both from the point of view of the doctrine of law, and modern legislation, as well as law enforcement practice, was carried out.

The problem statement: analysis of doctrinal sources of Russian and international law, modern regulatory legal acts and law enforcement practice showed that the blanket version of legal regulation is a generally natural and tendentious phenomenon, caused both by objective factors and subjective reasons. The establishment of methods of technical and legal expression of the hidden version of the blanket prescription directly in the text of the normative legal act, the identification of types of the latent version of the presentation of the blanket norm will affect the effectiveness of legal regulation of public relations.

The aim of the study: to fill in the absence in the legal doctrine of a full-fledged idea of the latent method of designing a blanket legal norm; Identi-

нормы скажется на эффективности правового регулирования общественных отношений.

Цель: восполнить отсутствие в юридической доктрине полноценного представления о латентном способе конструирования бланкетной правовой нормы; выявить причины их появления и установить риски, обусловленные интерпретацией и последующей реализацией.

Методология: филологический способ познания, эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: формально-юридический подход, метод толкования правовых норм.

Результаты и ключевые выводы: доказываем, что латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы без четкого и однозначного указания на источник правового регулирования либо не отвечающий требованию истинности обеспечивает декларативность восприятия ее содержания, содержит серьезные риски интерпретации и дефекты правореализации. При этом абсолютно ложный вариант латентного конструирования бланкетной правовой нормы недопустим с учетом отсылок к несуществующим правовым положениям, которые должны обеспечивать правовое регулирование системы национальной безопасности, правопорядка и защищенности граждан.

Ключевые слова: правовая норма; латентность; бланкетная норма; правотворчество; юридическая техника; дефекты; правовые риски.

tify the reasons for their occurrence and identify the risks posed by interpretation and subsequent implementation.

The methodology: philological way of cognition, empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private science methods: a formal legal approach, a method of interpreting legal norms.

The results and key conclusions: it is proved that the latent version of the design of a blanket legal norm, without a clear and unambiguous indication of the source of legal regulation, or which does not meet the requirement of truth, ensures the declarative perception of its content, contains serious risks of interpretation and defects in legal implementation. At the same time, an absolutely false version of the latent design of a blanket legal norm is not permissible, taking into account references to non-existent legal provisions that should ensure the national security system, law and order and the security of citizens.

Keywords: legal norm; latency; blanket norm; law-making; legal technique; defects; legal risks.

Введение. Понятие, содержание, способы технико-юридического формулирования нормы российского права¹, несмотря на обилие работ в этой части, по-прежнему воспринимаются неоднозначно. В результате сложилось несколько направлений (школ) интерпретации феномена «правовая норма» в целом.

Одни авторы воспринимают ее как правило поведения. В их числе, к примеру, Д. А. Керимов, который рассматривает норму как «организованное в определенной структуре и выраженное в установленной форме общее правило, регулирующее типичное общественное отношение или одну из сторон этого отношения» [7, с. 62].

В трудах представителей Нижегородской правовой школы превалирует тяготение к восприятию правовой нормы как обеспечиваемого государством указания общего характера [3, с. 10; 8, с. 20; 13, с. 44–47].

Ученые Саратовской юридической школы традиционно вкладывают в содержание правовой нормы суть государственного предписания [2, с. 179; 4, с. 15; 18, с. 54]. Аналогичное восприятие правовой нормы имеет место и в работах иных авторов [5, с. 6].

Полагаем, что в ракурсе обозначенной тематики главенствующее значение приобретает не сама форма государственно-властной установки (будь она выполнена в виде правила, указания или предписания), а ее характер, потенциал воздействия на общественные отношения. Юридическая норма, по С. С. Алексееву, — это первый элемент механизма правового регулирования [1, с. 33–34]. В этом же свете о механизме правового регулирования, но с большим уклоном на ключевой характер и общее социальное значение именно правовой нормы писал В. П. Казимирчук. Автор раскрыл суть трансформации правовых норм в поведение людей, последовательно остановившись на вопросах: доведения правовых норм до всеобщего сведения; постановки в нормах социально полез-

¹ Оговоримся, что в рамках данной работы словосочетания «норма права» и «правовая норма» используются как синонимичные, несмотря на имеющиеся в науке точки зрения относительно их смыслового и содержательного несовпадения.

ной цели; поддержки правом социально полезных образцов поведения и, наконец, социально-правового контроля [12, с. 69–94].

Обозначенные положения красноречиво говорят о сложностях воздействия права на социум, необходимости повышения способности нормы права более предметно регулировать общественные отношения и в то же время не загромождать массив законодательства, стремиться к сбалансированности федерального нормативного, подзаконного и местного правотворчества. Достичь этой цели в определенной степени позволяет бланкетная правовая норма.

Содержательные и технико-юридические закономерности использования бланкетной правовой нормы. Интерес к проблематике бланкетного предписания вызван, с одной стороны, увеличением их количества в сравнении с положениями прямого действия, а с другой — неоднозначным восприятием бланкетной нормы (и как позитивного, и как негативного явления), в особенности, если способ формулирования явно не указывает на необходимость обращения к иным источникам, то есть латентного варианта конструирования.

Прежде всего отметим, что рост масштабов использования бланкетных норм — явление закономерное и тенденциозное. По словам председателя Государственной Думы Российской Федерации VII и VIII созывов В. Володина, «Госдума вышла на системное принятие взаимоувязанных законов»². По всей видимости, данные процессы стали следствием укрепляющихся межотраслевых связей в системе российского права в целом. Это относится и к взаимопроникновению институтов и субинститутов в рамках охранительных правоотношений, и к интеграции элементов правовой системы внутри регулятивного воздействия на общественные отношения.

Что касается неоднозначности общего восприятия бланкетного способа правового регулирования, то об этом говорит тот факт, что данный аспект неоднократно подвергался исследованию как теоретиками права, так и в рамках отраслевого юридического знания [9; 10; 14; 17]. При этом ученые через призму причин использования бланкетной нормы выделяли как их преимущества, так и недостатки.

К примеру, Д. А. Керимов бланкетный вариант конструирования правовой нормы связывал с таким приемом законодательной техники, как дополнение. Автор убежден, что дополнение следует применять «для указания на то, что содержащаяся в данном кодифицированном сборнике статья в каком-либо отношении раз-

вивается или конкретизируется другими статьями правовых актов (или правового акта), не вошедшими в этот кодификационный сборник. Благодаря применению системы отсылок и дополнений знакомящийся с данной статьей получает точные сведения о том, где помещены связанные с ней постановления» [7, с. 89].

Соглашаясь в целом с такой трактовкой причин использования законодателем бланкетных предписаний, сделаем уточнение по форме технико-юридического воплощения. Думается, что бланкетные нормы опосредуются в тексте правового акта не только благодаря дополнениям, но и изъятиям [20, с. 219]. В частности, М. М. Сперанский писал, что законы «могут допустить некоторые различия, дать некоторым сословиям преимущества пред другими, установить в общем законе некоторые изъятия. Сие изъятия и сие преимущества суть то, что называется преимуществами в правах состояния» [19, с. 96]. Мы полагаем, что только при совокупном применении дополнений и изъятий могут достигаться цели бланкетного правового регулирования. К примеру, «такой тип правового преимущества, как привилегия, реализуется в основном с помощью норм-изъятий, а льгота в виде компенсаций и пособий — норм-дополнений. И те, и другие создают вспомогательные права и возможности, но первые для гарантирования уже имеющихся возможностей правового статуса и его усиления, а вторые — для выравнивания правового статуса субъекта пользования с “базовым” правовым статусом всех людей» [16, с. 179–180].

Отдельные авторы видят несомненные удобства бланкетного способа регулирования. В частности, А. Нашиц к ним относит «большую концентрацию нормативного материала и избегание излишних повторений» [11, с. 181]. У Р. М. Пшипий — это стабильность и гибкость закона [14, с. 4]. В аналогичном ключе об использовании бланкетных норм высказывались и иные авторы. Так, коллектив ученых под руководством В. Н. Кудрявцева, считая такой прием оправданным, обращали внимание на неизбежные трудности при «пользовании нормативным материалом», что ведет к «снижению его эффективности» [21, с. 118–119]. Полагаем, что в числе этих трудностей особое место занимает отсылка, которая умышленно (за счет несовершенной законодательной формулировки) или нет (ввиду запаздывания с принятием необходимой нормы) прячется от правоприменителя. Речь идет, как ранее указывалось, о латентном варианте конструирования бланкетного правового предписания, что предполагает не явную отсылку, а скрытую, завуалированную (от лат. *latentis* — скрытый, невидимый). Для начала

² Госдума седьмого созыва провела последнее заседание // Рос. газ. 2021. 18 июня.

определим, с помощью каких средств и приемов достигается подобный эффект, выделим наиболее типичные виды латентного варианта бланкетной нормы, а затем обратимся к рискам, обусловленным их использованием.

Латентный вариант конструирования бланкетной нормы: техника исполнения и практика реализации. К типовым средствам конструирования бланкетных норм относятся законодательные оговорки: «в установленном порядке», «в установленные сроки», «при наличии уважительных причин», «в исключительных случаях» [15] и пр. Однако при латентном варианте конструирования бланкетного правового предписания толкование правоприменителем такого приема, как законодательная оговорка превращается в настоящее искусство познания нормативного материала и его «духа». Лексические конструкции: «как правило», «а также в иных случаях», «иными законодательными актами», «если законом не предусмотрено иное» — весьма ярко свидетельствуют о попытках очень тонко и завуалированно создать конструкцию для отсылки правоприменителя. При этом перечень источников, которыми он должен руководствоваться для правильного и непротиворечивого восприятия основного предписания, может отсутствовать либо не являться исчерпывающим. К слову, даже Основной закон нашего государства не менее шести раз прибегает к названной оговорке. Приведем лишь один пример.

Частью 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации определено: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»³. Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что сама «Конституция Российской Федерации предполагает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан»⁴. Приведенный далеко не полный перечень решений высшей судебной инстанции иллюстрирует широту и разнообразие оснований введения подобного режима ограничения доступа к информа-

ции. Следовательно, использование латентного варианта конструирования бланкетного правового предписания повышает декларативность его внутреннего содержания и регулятивного действия.

Латентный способ конструирования бланкетной правовой нормы по форме отражения в нормативном правовом акте может быть *относительно определенным* и *абстрактным*. В первом случае законодательный акт не явно, но все же дает правоприменителю возможность установить для себя ориентир касательно данных правоотношений в случае возникновения необходимости конкретизации порядка действия предписания. К примеру, п. 4 ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции») закрепляется один из случаев, дающих основание сотруднику применить огнестрельное оружие. Речь идет о задержании «лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности»⁵. Казалось бы, законодатель предметно очертил содержательные рамки уголовного закона, к которым правоприменитель должен обратиться, для того чтобы соотнести пресекаемое им противоправное деяние и его возможную квалификацию, а именно главы: 16 (Преступления против жизни и здоровья) и 21 (Преступления против собственности) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)⁶. Однако системное восприятие норм уголовного закона, содержащих в себе в качестве объекта охранительных отношений, например, здоровье, позволяет утверждать, что данные границы куда более широкие. В частности, большая часть уголовно наказуемых деяний, перечисленных в гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», преимущественно относящихся к категории «тяжкие и особо тяжкие», в качестве объекта посяательства определяют здоровье человека⁷. Следовательно, законодательный орган не только не указывает на необходимость обращения к конкретным нормам, которые детализируют, конкретизируют отправное положение, а лишь контурно дает направление поиска той самой нормы. Полагаем, подобный подход не совсем оправдан. Напомним, что речь идет о реализации monopolного права на применение огнестрельного оружия в отношении человека. Сотруднику по-

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П, от 18 февраля 2000 г. № 3-П; определения Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О, от 29 января 2009 г. № 3-О-О, от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 дек.

лиции при противодействии преступному посягательству необходимо в условиях кратчайшего временного промежутка соотнести положения ФЗ «О полиции» с текстом УК РФ и взаимовязанными с ним актами толкования, что в сложившихся обстоятельствах выглядит просто утопично.

В случае с абстрактной разновидностью законодательный акт не только прямо не указывает на положение нормативного акта, детализирующее основное предписание, но еще и содержит формулировку (преимущественно оценочную), как правило, не соотносящуюся с какими-либо формально определенными признаками, а порой и не укладывающуюся в общепринятую модель регулирования тех или иных отношений. К примеру, Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (п. 1 ч. 1 ст. 4) определяется исчерпывающий перечень административных ограничений, устанавливаемых в отношении указанной категории граждан судом. При этом одно из таких ограничений содержит абстрактную формулировку: «запрещение пребывания в определенных местах»⁸. Несмотря на то что органам суда от дано полномочие в порядке усмотрения самостоятельно определять категорию подобных мест, Верховный Суд Российской Федерации задал вектор, установив пределы подобного усмотрения, хотя и в форме примера: «выбор вида административных ограничений не может носить произвольный характер. Так, если лицо совершило преступление в состоянии алкогольного опьянения, суд вправе рассмотреть вопрос о запрете посещения мест общественного питания, в которых осуществляется продажа спиртных напитков»⁹. Казалось бы, вышеуказанная норма Федерального закона не выглядит бланкетной, не обязывает правоприменителя в императивном порядке обращаться к дополнительным источникам правового регулирования, однако практика показывает иную картину. Соответствующие статистические данные свидетельствуют, что более чем в 80 % случаев при вменении этого вида административного ограничения судебные органы руководствуются указанной рекомендацией и выносят решение о запрете посещения мест, реализующих спиртную продукцию¹⁰.

⁸ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

⁹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 // Рос. газ. 2017. 24 мая.

¹⁰ Обзор о практике реализации территориальными органами МВД России полномочий по осуществлению административного

Относительно истинности регламентирующей правовой нормы, латентный способ конструирования бланкетного предписания может быть *условно реальным* или *ложным*. В качестве примера первого из названных видов можно привести норму ст. 135 Конституции Российской Федерации, предполагающей возможность созыва Конституционного собрания для решения вопроса о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Основного закона. До настоящего времени, к сожалению, не определен порядок формирования данного института, его конституционно-правовой статус, структура и функциональные возможности деятельности. Разработан лишь проект соответствующего федерального конституционного закона, перспективы принятия которого неочевидны¹¹. Условный характер истинности данного предписания нами воспринимается по причине отсутствия фактически сложившихся общественных отношений, требующих своего разрешения путем применения данной нормы. Ввиду того что не имелось потребности в созыве данного органа в исторической ретроспективе, мы допускаем гипотетическую возможность ее возникновения в обозримом будущем.

Нельзя в том же ключе высказаться о примерах абсолютной ложности ряда бланкетных норм, поскольку отношения, регулируемые ими, действительно требуют скорейшего воздействия со стороны права. Речь идет о норме ч. 6 ст. 79 УК РФ, устанавливающей, что «контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом». Спрятанная за ширму эффектного наименования структура, которая могла бы осуществлять деятельность по предупреждению со стороны указанных граждан преступлений, фактически отсутствует. По некоторым данным, в процессе работы над формулировкой данного нормативного положения планировалось создание так называемой службы «пробации», которая могла бы обеспечить полноценную ресоциализацию лиц после оказания на них воздействия пенитенциарной системы (оказание психологической помощи, предоставление возможности пройти профессиональную переподготовку, обеспечение консультационной юридической поддержкой и пр.) [6].

надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, а также положительном опыте работы в данном направлении. Документ опубликован не был.

¹¹ О Конституционном собрании Российской Федерации: проект федерального конституционного закона № 1046036-7 (текст по сост. на 28 октября 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL : <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 07.10.2021).

Реализация планов не была завершена. На существующие субъекты профилактики противоправных деяний в лице участковых уполномоченных полиции, уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации соответствующие обязанности по контролю за их поведением не возложены¹². Практика отдельных регионов свидетельствует, что вопрос возложения соответствующих обязанностей решается по субъективному усмотрению, не единообразно, с превалированием делегирования ее сотрудникам полиции¹³. Между тем последние, не обладая реальными юрисдикционными полномочиями по осуществлению контроля за поведением указанных граждан, не будучи процессуально защищенными в рамках этой деятельности, имеют и без того шесть категорий лиц, в отношении которых необходимо осуществлять профилактическую работу. Уместно, полагая, здесь обозначить риски, образующиеся вследствие сложившейся ситуации, поскольку преступления, совершаемые лицами, имеющими преступный опыт, давно перестали быть гипотетически предполагаемым явлением. Имевшаяся на протяжении последних пяти лет динамика снижения числа ранее судимых лиц, повторно совершивших уголовно наказуемое деяние, в первом полугодии 2021 г. сменилась ростом на 2,8 % (до 134 095 деяний по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.)¹⁴.

Выводы. Правовая норма, для того чтобы быть эффективной, в обязательном порядке должна быть отражением существующего уровня правосознания и правовой культуры как населения, так и профессионального сообщества, учитывать развитие правоприменительной практики и пр. Однако это не означает, что в случае примитивного восприятия обществом нормативного правового материала, скромных достижений на поприще непротиворечивого правоприменительно-

го процесса и правовая норма должна быть «бедной» в содержательном и лингвистическом отношениях. Наоборот, государству путем развития правового просвещения, уделяния особого внимания совершенствованию правореализационных механизмов следует повышать доверие к многоуровневому правовому регулированию, в том числе посредством бланкетной правовой нормы, не забывая, безусловно, о повышении качества правотворческого процесса.

Сегодня использование законодательными органами бланкетных правовых норм — явление закономерное, в большей степени вынужденное, свидетельствующее, с одной стороны, о процессах усиления взаимных связей элементов российской правовой системы, а с другой — направленное на экономию правового пространства (в рамках рамочного федерального законодательства), перенос акцентов правотворчества на уровень подзаконного. Латентный вариант бланкетного предписания, в свою очередь, — крайне сложная конструкция в части технико-юридического оформления и непротиворечивости содержания, требующая очень высоких правотворческих компетенций.

На латентное использование бланкетной конструкции часто указывают лексические конструкции, выступающие правовыми оговорками: «как правило», «а также в иных случаях», «если законом не предусмотрено иное» и др. Наиболее «опасный» для правоприменителя вариант латентного использования бланкетного предписания — без употребления правовых оговорок и иных текстуальных изъятий и дополнений, со ссылкой на какое-либо явление (феномен, правовой институт, правовую норму), в реальности не существующее.

Латентный вариант конструирования бланкетной правовой нормы без четкого и однозначного указания на источник правового регулирования либо не отвечающий требованиям истинности обеспечивает декларативность восприятия ее содержания, детерминирует серьезные риски интерпретации и дефекты правореализации. Среди них и нарушение основополагающих прав человека (на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, доступ к информации), и коррупционные факторы.

Убеждены, что абсолютно ложный вариант латентного конструирования бланкетной правовой нормы вовсе не допустим. Примеры законодательства, содержащие отсылки к несуществующим правовым положениям, особенно в тех сферах общественных отношений, которые касаются национальной безопасности, обеспечения правопорядка и защищенности граждан, требуют скорейшего дополнения.

¹² Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 (в ред. 23.04.2012) // СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947; О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205.

¹³ Апелляционное постановление Суда Чукотского автономного округа от 14 февраля 2017 г. по делу № 22к-2/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sud-chukotskogo-avtonomnogo-okruga-chukotskii-avtonomnyi-okrug/> (дата обращения: 07.10.2021); Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 16 августа 2018 г. по делу № 22-925/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e5kBOYPuAWWJ/> (дата обращения: 07.10.2021).

¹⁴ Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25094008/> (дата обращения: 07.10.2021).

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва, 1966.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
3. Баранов В. М. Поощрительная норма советского социалистического права: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1975.
4. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
5. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. Санкт-Петербург, 2009.
6. Жир В. С. Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых лицами, освобожденными условно-досрочно // Современные проблемы борьбы с преступностью: перспективы и пути решения: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. Х. П. Пашаев. Горно-Алтайск, 2018.
7. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. Москва, 1962.
8. Кипарисов Ф. Г. Бланкетные нормы российского права (доктрина, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.
9. Лясколо А. Толкование бланкетных признаков ст. 176 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 6.
10. Марышева Н. И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // Журнал российского права. 2018. № 11.
11. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с румын. И. Фодор; под ред. Д. А. Керимова и А. В. Мацкевича. Москва, 1974.
12. Право и социология / В. П. Казимирчук, Р. А. Сафаров, С. В. Боботов [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. Москва, 1973.
13. Пшеничников М. А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.
14. Пшипий Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

References:

1. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. Moskva, 1966.
2. Bajtin M. I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov, 2001.
3. Baranov V. M. Pooshchritel'naya norma sovetskogo socialisticheskogo prava: avtoref. ... dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1975.
4. Belousov S. A. Zakonodatel'nyj disbalans (doktrina, teoriya, praktika): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2015.
5. Davydova M. L. Normativno-pravovoe predpisanie: priroda, tipologiya, tekhniko-yuridicheskoe oformlenie. Sankt-Peterburg, 2009.
6. Zhir V. S. Problemy preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh licami, osvobozhdenymi uslovno-dosrochno // Sovremennye problemy bor'by s prestupnost'yu: perspektivy i puti resheniya: materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh / отв. ред. Н. П. Пашаев. Горно-Алтайск, 2018.
7. Kerimov D. A. Kodifikaciya i zakonodatel'naya tekhnika. Moskva, 1962.
8. Kiparisov F. G. Blanketnye normy rossijskogo prava (doktrina, praktika, tekhnika): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novograd, 2021.
9. Lyaskalo A. Tolkovanie blanketnyh priznakov st. 176 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2014. № 6.
10. Marysheva N. I. Obratnaya otsylka v mezhdunarodnom chastnom prave: rossijskoe zakonodatel'stvo // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 11.
11. Nashic A. Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika / per. s rumyn. I. Fodor; pod red. D. A. Kerimova i A. V. Mackevicha. Moskva, 1974.
12. Pravo i sociologiya / V. P. Kazimirchuk, R. A. Safarov, S. V. Bobotov i dr.; отв. ред. Yu. A. Tihomirov, V. P. Kazimirchuk. Moskva, 1973.
13. Pshenichnov M. A. Garmonizaciya rossijskogo zakonodatel'stva (teoriya, praktika, tekhnika): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novograd, 2011.
14. Pshipij R. M. Blanketnaya dispoziciya ugolovno-pravovoj normy: doktrinal'noe ponimanie, zakonodatel'nye podhody k konstruirovaniyu i problemy primeneniya (na primere glavy 22 UK RF): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2015.
15. Rep'ev A. G. Konkretizaciya pravovoj normy posredstvom tekhniko-yuridicheskoy ogovorki (na primere slovosochetaniya «v sluchae») // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 10.

15. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. № 10.
16. Репьев А. Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. И. Н. Сенякина. Москва, 2020.
17. Решняк М. Г. Бланкетные уголовно-правовые нормы: проблемы действия во времени и в пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1.
18. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1987.
19. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. Санкт-Петербург, 1845.
20. Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016.
21. Эффективность правовых норм / Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Москва, 1980.
16. Rep'ev A. G. Preimushchestva v prave i zakonodatel'stve: monografiya / pod red. I. N. Senyakina. Moskva, 2020.
17. Reshnyak M. G. Blanketnye ugovorno-pravovye normy: problemy dejstviya vo vremeni i v prostranstve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. № 1.
18. Senyakin I. N. Special'nye normy sovetskogo prava / pod red. M. I. Bajtina. Saratov, 1987.
19. Speranskij M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. Sankt-Peterburg, 1845.
20. Sumenkov S. Yu. Isklyucheniya v prave: obshcheteoreticheskij analiz: dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2016.
21. Effektivnost' pravovyh norm / Kudryavcev V. N., Nikitinskij V. I., Samoshchenko I. S., Glazyrin V. V. Moskva, 1980

Для цитирования:

Репьев Артём Григорьевич. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 17–24.

For citation:

Rep'ev Artem Grigoryevich. Latent Version of Blanket Legal Design // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 17–24.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА НОВИКОВА,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Российская Федерация, 600000, г. Владимир,
ул. Студенческая, д. 8
E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

YULIA OLEGOVNA NOVIKOVA,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
Vladimir State University named after
Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Russian Federation, 600000, Vladimir,
Studencheskaya St., 8
E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 34.047

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-25-35

Дата поступления: 29 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Организационно-правовые основы и результаты деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России конца XIX – начала XX в.

The Organizational and Legal Bases and Results of the Activities of the Committee on Savings and Industrial Partnerships in Russia Late XIX – Early XX Century

Аннотация

Актуальность: кооперация конца XIX – начала XX в. в России являлась весьма заметным и прогрессивным общественным движением, объединившим огромные массы населения вокруг идеи повышения экономического и культурного уровня жизни. Идеологами кооперативной мысли кооперация рассматривалась не только как хозяйственное или некоммерческое предприятие, но главным образом как широкое общественное движение со своей идеологией, направленной на образование, просвещение, воспитание в самом широком смысле.

Постановка проблемы: однако, несмотря

Abstract

The relevance of the study: the cooperation of the late XIX – early XX century in Russia was a very noticeable and progressive social movement that united huge masses of the population around the idea of improving the economic and cultural standard of living. The ideologists of cooperative thought considered cooperation not only as an economic or non-profit enterprise, but also mainly as a broad social movement with its ideology aimed at education, enlightenment, education in the broadest sense.

The problem statement: however, despite the rapid growth in the number of cooperative as-

на стремительный рост количества кооперативных объединений различных типов, уже к концу XIX в. молодое кооперативное движение встретилось с многочисленными проблемами различного характера: 1) отсутствие системы общероссийского кооперативного законодательства; 2) отсутствие специальных знаний членов кооперативов по организационным, финансовым, делопроизводственным и иным основам деятельности товариществ; 3) отсутствие просветительской деятельности и пропаганды кооперативных идей среди кооперативных деятелей и потенциальных участников кооперативного движения и пр.

Поскольку государственная власть понимала особую роль кооперации в деле повышения благосостояния населения, развития товарно-денежных отношений, необходимо было выработать не только правовую основу, которая бы урегулировала деятельность кооперативных объединений, но и сформировать развитую, структурно многогранную систему, состоящую из кооперативов различных видов, их союзных объединений, а также таких государственных кооперативных институтов различного уровня, которые бы взяли на себя роль не только организационного, но и просветительского характера. Иными словами, необходимо было сформировать единую систему кооперации, которая бы функционировала как цельное явление общественно-экономической жизни, развивающейся в русле государственной социально-экономической политики.

Цель исследования: провести анализ организационных и правовых снов деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России конца XIX – начала XX в. Определить роль данного кооперативного центра в деле распространения кооперации в Российской империи этого периода.

Методы: историко-генетический, сравнительный, системный, метод экспликации понятия, общелогические методы и приемы познания.

Результаты и ключевые выводы: в статье сделан вывод о том, что с момента начала деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, санкционированной государственной властью, отмечается рост кооперативных объединений в России. Этому способствовала деятельность данного кооперативного центра в деле не только пропаганды и теоретической разработки вопросов кооперативной деятельности, но и практической реализации поставленных целей как теоретиками, так и практиками российской кооперации, которая выразилась в выработке основных положений нормативных актов, регулирующих деятельность кредитных, ссудо-сберегательных и потребительских кооперативов на этапе не только ста-

sociations of various types by the end of the XIX century, the young cooperative movement faced numerous problems of various kinds: 1) the absence of a system of all-Russian cooperative legislation; 2) the lack of special knowledge of cooperative members on organizational, financial, clerical and other fundamentals of the activities of partnerships; 3) lack of educational activities and promotion of cooperative ideas among cooperative leaders and potential participants of the cooperative movement, etc.

Since the state authorities understood the special role of cooperation in improving the welfare of the population, the development of commodity-money relations, it was necessary to develop not only a legal framework that would regulate the activities of cooperative associations, but also to form a developed, structurally multifaceted system consisting of cooperatives of various types, their union associations, as well as such state cooperative institutions of various levels that would take on the role of not only organizational, but also educational. That is, it was necessary to form a unified system of cooperation that would function as an integral phenomenon of socio-economic life developing in line with the state socio-economic policy.

The purpose of the study: to analyze the organizational and legal dreams of the activities of the Committee on Savings and Loan and industrial partnerships in Russia of the late XIX – early XX century. To determine the role of this cooperative center in the spread of cooperation in the Russian Empire of this period.

The methods: historical-genetic, comparative, systematic, method of explication of the concept, general logical methods and techniques of cognition.

The results and key conclusions: the article concludes that since the beginning of the activities of the Committee on Savings and Loan and Industrial Partnerships, sanctioned by the state authorities, there has been an increase in cooperative associations in Russia. This was facilitated by the activity of this cooperative center in not only the promotion and theoretical development of issues of cooperative activity, but also the practical implementation of the goals set by both theorists and practitioners of Russian cooperation, which was expressed in the development of the main provisions of regulations governing the activities of credit, savings and consumer cooperatives at the stage of not only the formation, but also the development of their practical goals.

As a result of the analysis of the Committee's activities, it is clear that this cooperative institute was not a nominal advisory body under the Moscow society of agriculture, but played a huge role in the formation and implementation of both state

новления, но и развития их практических целей.

В результате анализа деятельности Комитета видно, что данный кооперативный институт был не номинальным совещательным органом при Московском обществе сельского хозяйства, а играл огромную роль в формировании и реализации как государственной политики в целом, так и правотворческой деятельности уполномоченных органов в сфере организации и развития кооперативного движения в Российской империи конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: кредитная кооперация; кооперативное объединение; кооперативный центр; потребительская кооперация; кооперативное движение; кооперативное законодательство; кооперативное строительство; кредитная кооперация.

policy as a whole and the law-making activities of authorized bodies in the field of organization and development of the cooperative movement in the Russian Empire at the end of the XIX – early XX century.

Keywords: credit cooperation; cooperative association; cooperative center; consumer cooperation; cooperative movement; cooperative legislation; cooperative construction; credit cooperation.

Кооперативное движение конца XIX – начала XX в. в России являлось весьма заметным и прогрессивным общественным движением, объединившим огромные массы населения вокруг идеи повышения экономического и культурного уровня жизни. Идеологами кооперативной мысли кооперация рассматривалась не только как хозяйственное или некоммерческое предприятие, но главным образом как общественное движение со своей идеологией, направленной на образование, просвещение, воспитание в самом широком смысле [14; 15; 18].

Однако, несмотря на стремительный рост количества кооперативных объединений различных типов, уже к концу XIX в. молодое кооперативное движение встретилось с многочисленными проблемами различного характера: 1) отсутствие системы общероссийского кооперативного законодательства; 2) отсутствие специальных знаний членов кооперативов по организационным, финансовым, делопроизводственным и иным основам деятельности товариществ; 3) отсутствие просветительской деятельности и пропаганды кооперативных идей среди кооперативных деятелей и потенциальных участников кооперативного движения и пр.

Поскольку государственная власть понимала особую роль кооперации в деле повышения благосостояния населения, развития товарно-денежных отношений, необходимо было выработать не только правовую основу, которая бы урегулировала деятельность кооперативных объединений, но и сформировать развитую, структурно многогранную систему, состоящую из кооперативов различных видов, их союзных объединений, а также таких государственных кооперативных институтов различного уровня, которые бы взяли на себя роль не только организационного, но и просвети-

тельского характера. Иными словами, необходимо было сформировать единую систему кооперации, которая бы функционировала как цельное явление общественно-экономической жизни, развивающейся в русле государственной социально-экономической политики.

Одним из первых таких кооперативных институтов, созданных самой крупной на тот момент общественной организацией – Московским обществом сельского хозяйства (далее – МОСХ; Общество) в 1871 г., был Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в г. Москве (далее – Комитет) и Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах [19, с. 4] (далее – Санкт-Петербургское отделение; Отделение). Деятельность Комитета и Отделения была санкционирована Министерством государственных имуществ, которое утвердило 6 ноября 1871 г. Программу (Устав) Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Императорском Московском обществе сельского хозяйства¹.

Учреждение данного Комитета при МОСХ вполне логично, поскольку МОСХ, получившее титул «Императорское», к концу XIX в. стало центром, координировавшим деятельность аграрных сил страны. Нельзя не согласиться с мнением многих ученых-историков о том, что вышеуказанное Общество соединяло в своей деятельности передовой опыт науки и аграрной политики, которые ранее развивались практически изолированно друг от друга² [7]. Ставя устав-

¹ Программа Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства. Москва, 1871.

² Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России: материалы

ной целью развитие сельского хозяйства во всей России в целом и в южной ее части в частности³, объединяя силы ученых-аграрников, землевладельцев, просветителей в вопросах улучшения и интенсификации сельского хозяйства, МОСХ сыграло важную роль в развитии российского кооперативного общественного движения в конце XIX века, а также выступило центром притяжения кооператоров, точкой содействия кредитной и сельскохозяйственной кооперации [6].

В отчете МОСХ за 1838 г. указывалась необходимость учреждения «вспомогательных комитетов» с целью привлечения к участию в деятельности Общества большего количества представителей сельского хозяйства, интенсификации обмена теоретическими и практическими знаниями и опытом [2, с. 25].

Известный лидер идеологов кредитной кооперации России конца XIX в., который разрабатывал теоретические основы и принципы ее функционирования, действительный статский советник, экономист, исследователь земельных отношений и проблем самоуправления А. И. Васильчиков возглавил Санкт-Петербургское отделение Комитета, полагая, что данный кооперативный институт должен сыграть выдающуюся роль в пропаганде идей кооперации вообще и кредитной кооперации в особенности [5, с. 32]. А. И. Васильчиков, понимая необходимость наличия финансового капитала в деревне для развития сельского хозяйства, считал, что кредит, как и просвещение, здравоохранение, продовольствие должен быть «народным», то есть «общедоступным», вкладывая в это понятие три обязательных составляющих признака: 1) территориальная обособленность кредита; 2) личная направленность; 3) «мелкий» объем средств, круг участников и срок кредита [4, с. 22–23].

К 1870 г. идеи повышения материального благосостояния и духовного уровня российского крестьянства через развитие кооперативного движения в целом и кредитной кооперации в частности стали разделять многие земские, государственные, кооперативные деятели. Так, в указанном году князем А. И. Васильчиковым был образован «Петербургский кружок», членами которого стали А. В. Яковлев — известный российский общественный деятель, действительный статский советник, гласный Петербургской городской думы, мировой судья г. Москвы, теоретик кооперации; Н. П. Ключанов — известный российский общественный деятель, председатель Ветлужского уездного земства; Е. В. Де-Роберти — социолог, философ-неопозитивист; Н. Н. Фирсов — пред-

седатель Новгородской губернской земской управы; В. Ф. Лугинин — помещик Костромской губернии, основатель первого в России ссудо-сберегательного товарищества [3].

На очередном Съезде МОСХ 27 декабря 1870 г. А. И. Васильчиков в своем докладе особо подчеркнул важность краткосрочного сельского кредита, что впоследствии выразилось в основных положениях резолюции Съезда по данному вопросу, а именно:

1) для успеха развития сельского хозяйства и сельскохозяйственных промыслов необходимо распространение кредита;

2) наиболее удобная форма кредитных учреждений для сельскохозяйственных промыслов — кредитные товарищества, учреждаемые только для мелкого, личного, краткосрочного кредита.

Эти теоретические воззрения нашли свое отражение в решении Съезда МОСХ о формировании специального Комитета по вопросам содействия развитию кооперативного движения. Более того, тем решением МОСХ с целью выработки основных норм устава Комитета была сформирована комиссия при Обществе, куда вошли А. И. Васильчиков, А. В. Яковлев, а также действующие члены МОСХ: И. А. Брылкин, Н. В. Верещагин (организатор первых кооперативов по переработке молока), А. И. Кошелев, З. Н. Мухортов, В. П. Перцов, Д. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, А. И. Чупров.

Указанные видные земцы-кооператоры, состоявшие в «Петербургском кружке», не только разрабатывали теоретические основы российской кооперации, но и пути практической реализации данных идей. Понимая, что для активного вовлечения крестьянства в кооперативное движение необходима система нормативных правовых актов, регулирующих вопросы построения и развития кооперативной системы в России, институт попечительства российской кооперации не только со стороны образованных классов, но и со стороны государственного и частного финансирования, идеологи кооперации с 1871 г. стали реализовывать эти начинания в рамках деятельности Комитета при МОСХ.

В результате с 1871 г. теоретические идеи приверженцев кооперативного строительства переходят в плоскость практики не только на местечковом уровне, но и на общероссийском. Программа Комитета, утвержденная, как указывалось выше, Министерством государственных имуществ, являлась его учредительным документом, поскольку именно с момента ее утверждения Комитет начинает свою деятельность, и определяла его правовой статус.

При этом следует сразу отметить, что этот документ был достаточно неопределенным и устанавливал статус Комитета весьма размыто. По сути, общественное формирование, созданное частной

научной конференции, посвященной 200-летию Императорского Московского общества сельского хозяйства. 22–23 сентября 2020 года. Москва, 2020.

³ Устав Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1891.

инициативой, оказалось подведомственно государственному учреждению и действовало на государственные ассигнования. Так, формально Комитет был подведомствен, по аналогии с МОСХ, Министерству государственных имуществ. Однако де-факто находился в ведении Министерства финансов. Именно Министерство финансов формировало 70 % бюджета Комитета, открывало единовременные пособия на его содержание, предоставляло здание Министерства для периодических заседаний его членов [12, с. 104]. Это объяснимо с точки зрения того, что кредитная кооперация в целом находилась в ведении Министерства финансов. Так, еще положением Комитета министров от 21 марта 1869 г. об учреждении Феллинской ссудо-сберегательной кассы законодатель наделил Министра финансов «по сношению с Министром внутренних дел» разрешать деятельность такого рода учреждений «собственной властью» путем утверждения образцовых уставов ссудо-сберегательных товариществ⁴.

Однако в соответствии с п. 2 Программы Комитета его деятельность имела постоянный характер, целью которой было содействие распространению в России сельских ссудных и промышленных товариществ. При этом содействие кооперативным организациям устанавливалось по шести направлениям: 1) разработка и утверждение положения, регламентирующего деятельность ссудных товариществ; 2) разработка уставов ссудных и промышленных кооперативных товариществ; 3) ходатайство перед Комитетом министров по вопросу учреждения данных уставов, а соответственно, содействие в учреждении кооперативов; 4) сбор и анализ статистических данных о деятельности ссудных и промышленных товариществ; 5) выработка понятийного аппарата кооперации; 6) популяризация кооперативного движения через распространение методической литературы и выработка решений по возникающим на практике вопросам⁵.

Установление именно этих направлений деятельности первого общественного кооперативного центра было неслучайно. Они четко отражали те проблемные вопросы, которые, по мнению теоретиков и практиков кооперации, тормозили развитие этого общественного движения в России.

Во-первых, отсутствовали специальные знания в области устройства и деятельности кооперативных товариществ кредитной кооперации со стороны крестьянства, присутствовало не-

понимание ими роли кооперации в деле повышения их благосостояния. Так, например, Владимирский губернатор В. Н. Струков в письме председателю губернской управы П. И. Николаеву в 1971 г. отмечал, что активному распространению ссудо-сберегательных товариществ во Владимирской губернии мешали «...в народе замкнутость, осторожность и недоверие ко всякого рода товариществам»⁶. Губернатор особо отметил, что недобросовестность, которая обнаружилась при открытии подобного общества в ковровских железнодорожных мастерских, подрывала доверие народа в связи с неоднократными случаями растрат «со стороны волостных старшин и других лиц сельского управления» [13, с. 131].

Во-вторых, отсутствовала правовая база (кроме утвержденных уставов первых кооперативов), которая бы четко регламентировала деятельность кооперативов, определяла их юридический статус в общероссийском масштабе. Более того, несмотря на то что первые ссудо-сберегательные товарищества в России вели свою деятельность на основании утвержденных правительством уставов, единого образцового устава на данный момент времени не было выработано. Как отмечал А. В. Яковлев, в различных губерниях все нормативные документы такого характера были весьма разнообразны и в некоторых случаях противоречили самой сущности кооперативного объединения [19, с. 4].

Задачи Программы Комитета, которые были закреплены в п. 2, на деле реализовывались в том, что Санкт-Петербургское отделение вырабатывало «нормальные», типовые уставы для ссудо-сберегательных товариществ, которые регулировали вопросы их правового статуса как субъектов частноправовых отношений, учитывая все многообразие регионов страны и групп населения. Обязательным условием приобретения фактической и юридической силы правового акта «нормальными» уставами было то, что они проходили процедуру официального опубликования в Собрании узаконений и распоряжений Правительства.

Исходя из анализа основных положений первого типового устава ссудо-сберегательных товариществ, разработанных Комитетом, можно сделать вывод, что те теоретические воззрения на кредитование крестьянства А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева, о которых мы говорили выше, практически в полной мере отразились на практике. Разработанный Комитетом в 1871 г. образцовый (типовой) Устав ссудо-сберегательного товарищества в целом содержал нормы: 1) определения места образования товарищества вплоть до названия уезда и перечня лиц этого уезда, являющихся его участниками (принцип территориальной обособленности); 2) всесословный

⁴ Об учреждении Феллинской ссудо-сберегательной кассы в г. Феллин Лифляндской губернии и предоставлении Министру Финансов, по сношению с Министром Внутренних дел, разрешать таковые учреждения собственной властью: положение Комитета министров от 21 марта 1869 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Отделение 1.

⁵ Программа Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства. Москва, 1871.

⁶ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 107. Л. 20б.

и внегендерный характер товариществ, состоящих из лиц, достигших 21-летнего возраста, проживавших на территории деятельности товарищества, получивших данное право путем закрытого голосования; 3) круговая порука за лиц, вступивших в товарищество; 4) право всех без исключения членов товарищества на кредитование; 5) павшее начало — 50 руб.; 6) органами управления товариществ являлись правление, совет, общее собрание с обозначенными компетенциями и пр.

Кроме того, типовой Устав регламентировал права и обязанности пайщиков товарищества: 1) участвовать в общем собрании с правом голоса, быть избранным в члены правления и совета, быть поручителем, осуществлять денежные вклады и получать ссуды, участвовать в распределении прибыли товарищества; 2) обязательное внесение пая, обязательство по займам личным и по поручительству, исполнять нормы Устава, а также решения общего собрания и правления⁷.

Таким образом, первый типовой Устав, разработанный Комитетом в 1871 г., содержащий 124 пункта, достаточно четко регламентировал правовой статус ссудо-сберегательных товариществ, учитывая, что это был первый опыт правового урегулирования нового, только формирующегося экономического явления общественной жизни.

При этом следует отметить, что образцовый (типовой) Устав имел рекомендательный характер и определял лишь основные направления деятельности ссудо-сберегательных товариществ. Кооператоры, основываясь на положениях образцового Устава, разрабатывали и утверждали уставы собственных образованных товариществ, которые не только детально урегулировали процесс создания и деятельности кооперативов, но и выработали положения по контролю, отчетности и управлению ими.

В целом выработка Комитетом образцового Устава, который носил позитивный характер, закрепляя в нем некоторые демократические принципы и отражая мысли теоретиков и практиков кооперативного движения в России, имело важное практическое значение для развития кооперации на данном этапе развития. По подсчетам А. П. Корелина, в результате пропагандистской, методической и административной деятельности Комитета в период с 1871 по 1877 г. в Российской империи возникло 966 ссудо-сберегательных товариществ [8].

Возвращаясь к нормам Программы первого кооперативного центра, следует отметить, что состав членов Комитета определялся двумя категориями — действительные и почетные. При этом действительными членами Комитета могли стать

все желающие по письменному заявлению, входящие в состав МОСХ. Почетные члены Комитета могли не являться членами МОСХ. Данный статус приобретался путем закрытого голосования по инициативе одного из действующих членов Комитета (п. 3—6)⁸.

Организационный состав Комитета был представлен председателем, получавшим данный статус на год путем избрания из действующего состава членов, при этом нормы Устава не обозначили категорию членов Комитета, к которой председательствующий должен был принадлежать (п. 7—8)⁹.

Источниками формирования бюджета с целью финансового обеспечения деятельности Комитета законодатель определил средства бюджета МОСХ, а также временные и постоянные денежные взносы действующих членов Комитета и их пожертвования.

Правовой статус Санкт-Петербургского отделения также был урегулирован Программой Комитета. По сути, права и обязанности Комитета и Отделения были идентичными. Программа определила основные направления деятельности, нацеленные на развитие кооперативного движения в России данных кооперативных центров, определив самостоятельность деятельности каждого. Однако при этом нельзя утверждать, что они действовали обособленно друг от друга. Финансовое обеспечение шло не только по пути членских взносов и пожертвований членов Отделения, но и за счет помощи Комитета.

Решение вопросов принципиального характера, например таких, как выработка основных положений нормальных уставов ссудо-сберегательных товариществ и изменений в них, должно было производиться при обсуждении и выработке консенсуса обоих кооперативных центров; на основе данного принципа решались вопросы и изменения положений Программы Комитета, а также изменений алгоритма взаимодействия Комитета и Отделения (п. 16—23)¹⁰. Пунктом 17 данного документа члены Отделения были наделены правами действительных членов Комитета.

Именно с принятием данной Программы государство утверждает нормы, направленные на расширение сети кооперативных институтов — особых местных отделов (далее — отделы), носящих название по месту их нахождения. Так, п. 28 означенного документа урегулирован вопрос подведомственности и отчетности отделов. В частности, комитетские отделы получали разрешение на открытие деятельности в определенной местности только после утверждения «дозво-

⁷ Устав ссудо-сберегательного товарищества // Яковлев А. В. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Санкт-Петербург, 1872.

⁸ Программа Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства. Москва, 1871.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

ления» Министерством государственных имуществ по представлению МОСХ. При этом фактическую реализацию данного «дозволения» предпринимал губернатор путем выдачи разрешения на это открытие после получения письменного разрешения соответствующего Министерства.

Такая многоступенчатая административная система открытия местных отделов Комитета свидетельствует о неоднозначности отношения государственной власти к развитию нового общественного явления конца XIX в. С одной стороны, понимание уполномоченными органами государственной власти роли развития кооперации для российской деревни — это реальный и прогрессивный шаг на пути повышения благосостояния населения, повышения их духовного и просветительского уровня. С другой — сильная идеологическая и практическая поддержка развития новых общественных институтов, образовавшихся на основе демократических принципов самоорганизации, самодеятельности, финансовой независимости, со стороны не только отдельных кооператоров — теоретиков и практиков на местах и в центре, но уже и государственных институтов настораживала самодержавие, которое с большой долей неприятия относилось к любым проявлениям общественных начал, выходящим за рамки государственных устоев контроля и опеки [8].

Кроме того, Программа крайне скудно закрепила права Комитета, обозначив ими только право непосредственного взаимодействия Комитета с местными отделами, оставив право непосредственной работы с высшими правительственными учреждениями Московскому обществу сельского хозяйства, а также признание необходимости изменений норм Устава членами Комитета, однако наделив правом утверждения данных изменений исключительно Московское общество сельского хозяйства.

Исходя из закрепленных норм правоустанавливающего акта Комитета можно утверждать, что правовой статус данного кооперативного института определен как консультативно-исполнительный орган, наделенный определенными правами и обязанностями в кооперативной отрасли, подконтрольный государственным структурам.

Основными документами, которые содержали сведения о деятельности Комитета, являлись его ежегодные отчеты. Отчеты, содержащие освещение вопросов состояния дел открытых товариществ, типовые уставы, статистические сведения о кредитной кооперации, информацию о займах и ссудах членов товариществ и пр., предоставлялись ежегодно в Московское общество сельского хозяйства, а также рассылались всем членам Комитета и Отделения, всем товариществам, губернским управам, губернаторам, газетам и жур-

налам, освещавшим вопросы распространения кооперации [12, с. 115].

При этом следует отметить, что издательская деятельность Комитета в принципе имела огромное значение в деле распространения кредитной кооперации. Более того, данное направление деятельности имело мотивационно-учредительный характер и претендовало на то, чтобы быть внедренным в систему экономического развития страны в целом и общественных структур. Так, в 1872 г. представители Комитета и его Отделения издали брошюры под названиями «Сельские ссудо-сберегательные товарищества» (А. В. Яковлев [19]), «Крестьянские кредитные учреждения Московской губернии» (В. Ю. Скалон [11]), «Сельские ссудо-сберегательные товарищества Новгородской губернии» (Н. Н. Фирсов [17]), «Где и как дешево добыть денег» (Н. Д. Фан-дер-Флит [16]), «Мелкий земельный кредит в России» (А. И. Васильчиков, А. В. Яковлев [4]), и др.

Кроме того, большое место в работе Комитета и Отделения занимал вопрос разъяснения делопроизводства, счетоводства, управления в кооперативных товариществах. Так, к 1872 г. был не только выработан типовой Устав товариществ, но и опубликован образец заполнения данного документа; были составлены Правила счетоводства и отчетности товариществ; разработаны типовые формы по отчетности [12, с. 119].

Съезды представителей ссудо-сберегательных товариществ, имевшие совещательный характер, в различных губерниях также проходили под эгидой Комитета и отделений. С 1870 по 1884 г. было организовано шесть съездов: 1-й Псковский (1875 г.); 1-й Московский (1876 г.); 2-й Московский и Смоленский (1876 г.); 2-й Псковский (1879 г.); Мелитопольский (1879 г.); 3-й Псковский (1884 г.) [18; 12, с. 121].

Таким образом, 1870–1880 гг. обозначились для Комитета и его Отделения как, с одной стороны, период поэтапной разработки и окончательного формирования его правового статуса, целевого определения деятельности, урегулирование сферы юрисдикции. С другой — период осмысления роли кредитной кооперации в России теоретиками и практиками, представление этих умозаключений на суд государственной власти, а также реализация данных целевых установок на практике, переходящей от пропаганды к реальной помощи кооперативным товариществам в организации объединений и их деятельности.

Следующей вехой в развитии деятельности Комитета следует считать 1890-е гг. Вся государственная политика этих лет в области кооперативного строительства была пересмотрена под влиянием неурожая 1891–1892 гг., острой нехватки денег у крестьянства для выкупа земельных наделов, бедственного финансового положения большей части крестьянского населения,

роста государственных инвестиций в развитие индустриализации страны и пр. Именно с этого времени правительство стало рассматривать кооперацию как один из эффективных механизмов построения сети экономических структур, нацеленных на подъем и модернизацию сельского хозяйства, развитие товарно-денежных отношений, взаимопомощь граждан.

В эти годы законодатель предпринял, основываясь на многократных ходатайствах членов Комитета, несколько значимых шагов в направлении развития кооперативного законодательства. Так, в 1893 г. с подачи представителей Отделения П. Л. Корфа (председательствующий Отделения), П. А. Соколовского (секретарь), П. Н. Исакова (секретарь) в Министерстве финансов под председательством С. Ю. Витте был рассмотрен вопрос о пересмотре Устава Государственного банка в области предоставления мелкого краткосрочного кредита. Результатом этой работы явилось утверждение нового Устава Государственного банка 6 июня 1894 г., который в п. 1 закрепил одной из целей своей деятельности выдачу краткосрочных кредитов для содействия развития торговли, промышленности, сельского хозяйства и кредитоспособности¹¹. Новеллами Устава Государственного банка, статьями 139 и 140, законодателем было разрешено выдавать ссуды посредникам мелкого кредитования, в числе которых были и «частные кредитные установления» — ссудо-сберегательные товарищества и другие кредитные учреждения.

Вместе с тем к 1894 г. в результате совещательной деятельности представителей Комитета и Министерства финансов был выработан проект первого общего закона, который регламентировал деятельность кооперативных объединений мелкого кредита. Так, 1 июля 1895 г. было Высочайше утверждено Положение об учреждениях мелкого кредита, которое дало начало формированию общего законодательства в области кредитной кооперации, закрепив четкий правовой статус кредитных объединений, определив их место в кредитной системе Российской империи и превратив последних в полноправных поставщиков финансовых услуг населению.

Более того, после принятия первого нормативного правового акта 1895 г. продолжалась работа по выработке новых типовых уставов кредитных учреждений. В 1896 г. Министром финансов были утверждены два типовых устава для ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, в разработке положений которых принимал непосредственное участие П. А. Соколовский — секретарь и редактор отчетной деятельности Отде-

ления Комитета¹². Поскольку Положение 1895 г. унифицировало права кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, новые типовые уставы 1896 г. различались лишь нормой формирования основного капитала (кредитных — на беспаявом начале; ссудо-сберегательных — на паевом).

Наряду с этим следует отметить, что Комитет обращал внимание и разрабатывал нормативную базу не только для кредитной кооперации. С 1870-х гг. в сфере внимания Отделения Комитета были и потребительские товарищества. Потребительская кооперация, целью которой было посредством объединения жителей для совместной организации хозяйственной деятельности повышение уровня, условий и образа жизни, в первые годы своего существования в России развивалась преимущественно в среде чиновничьего сословия, служащих фабрик, заводов, железных дорог. В связи с тем что к 1870-му г. в России насчитывалось около 370 потребительских обществ, к этому времени в теории и практике потребительской кооперации на первый план выдвинулись разработка основ ее внутреннего строительства и внешних основ ее регулирования.

Результатами теоретических воззрений на развитие потребительской кооперации в 1874 г. становится труд И. Х. Озерова, активного члена Московского общества потребителей «Взаимная польза» и члена Отделения Комитета, «Общества потребителей: Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России, и краткое руководство к основанию и ведению потребительных обществ», содержащий богатый материал фактического состояния действующих товариществ и опубликованный Санкт-Петербургским отделением Комитета [10].

Понимая роль потребительских обществ в деле интенсификации хозяйственной деятельности и улучшения условий жизни населения, в 1897 г. образуется Постоянная комиссия по делам потребительских обществ при Комитете о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в Санкт-Петербурге [1]. Предполагалось, что обозначенная особая Постоянная комиссия станет неким кооперативным центром потребительских объединений, действующим в интересах молодой российской потребительской кооперации [18, с. 45].

Нижегородским съездом представителей потребительских обществ, организованным по инициативе Отделения Комитета (председательствующим которого был Н. П. Исаков — уполномоченный член Отделения), прошедшим 4–16 августа 1896 г., были сформулированы следующие

¹¹ Высочайше утвержденный Устав Государственного банка от 6 июня 1894 г. [Электронный ресурс]. URL: http://fox-notes.ru/gezetz/gesetz_RUS_030713_04.htm (дата обращения: 21.10.2021).

¹² Отчет Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (21-й). Санкт-Петербург, 1896. С. 5.

решения, непосредственно касающиеся вышеуказанного кооперативного центра:

1) организовать при Комитете и его Отделении «особое бюро», задачами которого было бы исполнение постановлений Общего съезда потребительских товариществ, ревизия деятельности потребительских обществ, издание периодической печати, касающейся вопросов развития потребительской кооперации и пр.;

2) организовать союз и периодические съезды потребительских обществ с выработкой соответствующего проекта положения;

3) выработать проект положения о потребительских обществах и проект образцового устава, регламентирующего их деятельность;

4) организовать сбор статистических данных о деятельности объединений данного вида кооперации;

5) составить правила счетоводства и отчетности потребительских товариществ и др. [10, с. 187].

Первым практическим мероприятием по реализации резолюций Съезда 1896 г. Отделением Комитета была создана, как гласило принятое решение, Постоянная комиссия по делам потребительских обществ. Задачи данного совещательного органа при Отделении были определены в следующих формулировках: 1) сбор сведений, касающихся деятельности потребительских обществ, действовавших в России и за рубежом; 2) обсуждение общих теоретических начал деятельности потребительских товариществ; 3) решение практических проблем, возникающих в деятельности товариществ данного вида кооперации; 4) методическое сопровождение текущей деятельности объединений; 5) содействие деятельности потребительских обществ перед правительством¹³.

Отчет Постоянной комиссии по делам потребительских обществ за 1897 г. содержит сведения о членах Комиссии, вошедших в нее по представлению Отделения Комитета. В нее вошли шесть человек: П. Н. Исаков, В. Г. Яроцкий, Н. А. Рейтлингер, С. С. Хвастунов, В. Г. Семенов¹⁴.

Вторым важным результатом работы Комиссии была выработка проекта нормального устава потребительских обществ. В результате данной работы 13 мая 1897 г. Министром внутренних дел был утвержден Нормальный устав потребительных обществ с приложением инструкций для заведующего магазином, правления и совета потребительского общества, а также форм отчетности, заимствованных из издания Австрийского союза кооперативных обществ¹⁵. Вместе с данным Уста-

вом губернаторам был разослан циркуляр хозяйственного Департамента Министерства внутренних дел, в котором министр дал право последним учреждать потребительские общества на основе утвержденного Нормального устава, а также производить замену уже существующих уставов обществ на утвержденный¹⁶. Более того, Нормальный устав закрепил ежегодную подотчетность обществ губернаторам и Хозяйственному департаменту Министерства внутренних дел (п. 54), на основании данных которых общество могло быть ликвидировано.

Устав в п. 1 определил целью потребительских обществ удовлетворение потребностей членов потребительского общества через приобретение товаров домашнего обихода и потребления, а также делание накоплений из прибыли общества. Потребительские общества приобрели статус юридического лица с ограниченной ответственностью (п. 67) и, как следствие, право приобретать или арендовать движимое и недвижимое имущество для осуществления своей деятельности, быть субъектами правоотношений на договорной основе, быть членами других хозяйствующих субъектов (п. 2). Более того, в отличие от объединений кредитной кооперации (ссудо-сберегательных), основной капитал товариществ данного вида кооперации мог формироваться за счет вступительных платежей, пая, займов (п. 6). Конкретный возрастной ценз для членов товарищества Уставом не был обозначен, однако норма п. 12 установила, что ими не могут быть обучающиеся, нижние чины действительной военной службы и лица, имеющие ограничение прав по судебному решению. Управление делами общества возлагалось на общее собрание членов, собрание уполномоченных и правление с предоставлением особых полномочий (п. 25).

Таким образом, с 1897 г. потребительская кооперация при колоссальной поддержке Отделения Комитета (Постоянной комиссии) получила формально-юридическое оформление на уровне государственной власти.

При этом широта задач, возложенных государством на Комитет, в направлении развития кооперативного движения и эффективности его деятельности, стремительный рост кооперативных товариществ различных видов, все большее вовлечение населения в деятельность кооперативных организаций в начале XX в. заставила законодателя пересмотреть Программу (уставный документ) данного кооперативного центра. 12 февраля 1904 г. была утверждена Программа Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промыш-

¹³ Отчет Постоянной Комиссии по делам потребительных обществ за 1897 г. 1-й отчетный год. Санкт-Петербург, 1898. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 3–4.

¹⁵ Нормальный устав потребительных обществ: (утв. 13 мая 1897 г.) с приложением инструкций для заведующего магазином, правления и совета потребительского общества, а также форм от-

четности, заимствованных из издания Австрийского союза кооперативных обществ / изд. Н. П. Гибнер. Москва, 1898.

¹⁶ Циркуляр хозяйственного Департамента Министерства внутренних дел губернаторам от 13 мая 1897 г. № 4190.

ленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства¹⁷. Исходя из п. 5 указанного документа видно, что структура Отделения значительно расширилась и определилась подведомственность отдельных видов кооперации специальным отделам, которые выполняли роль научно-методических и организационных секций. Первый отдел занимался вопросами кооперативных учреждений мелкого кредита; второй — вопросами промышленных товариществ и артелей добывающей и обрабатывающей промышленности; третий — вопросами потребительских обществ и товариществ.

С 1909 г. Отделение Комитета начало издавать серьезное периодическое издание, транслировавшее не только теоретические знания по кооперации, но и практические рекомендации по всем видам кооперативного движения — журнал «Вестник кооперации».

Таким образом, становится очевидным, что с момента создания Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в г. Москве и его Отделения в Санкт-Петербурге в 1871 г. и до начала XX в. членами Комитета была проделана весьма значительная работа, направленная на решение широкого круга вопро-

сов, начиная от выработки положений нормальных уставов различных типов кооперативных объединений и взаимодействия с органами государственной власти по их претворению в жизнь и заканчивая привлечением средств для осуществления просветительской и издательской деятельности, позволившей обеспечить популяризацию и развитие кооперации в Российской империи.

При этом с работой Комитета неразрывно связан рост его авторитета и влияния как в среде самих кооператоров, так и в органах государственной власти, уполномоченных на принятие решений в означенной сфере. Об этом свидетельствуют постепенная конкретизация правового положения Комитета, изначально весьма размытого и усеченного, рост его самостоятельности, предоставление дополнительных прав, расширение сети территориальных представительств, а также активное участие в организации съездов кооператоров. Сказанное дает нам основания утверждать, что Комитет не просто существовал в качестве номинального совещательного учреждения при МОСХ, но и играл достаточно существенную роль в формировании и реализации как государственной политики в целом, так и правотворческой деятельности уполномоченных органов в сфере организации и развития кооперативного движения в Российской империи конца XIX начала XX в.

¹⁷ Программа Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства. Санкт-Петербург, 1904.

Список литературы:

1. Болотова Е. Ю. Деятельность Постоянной комиссии по делам потребительских обществ в конце XIX — начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8 (121).
2. Боровский М. П. Исторический обзор пятидесятилетней деятельности Императорского общества сельского хозяйства Южной России с 1828 по 1878. Одесса, 1878.
3. Бочкарева Е. С. Первый опыт организации ссудо-сберегательных товариществ в России в XIX в. // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75).
4. Васильчиков А. И., Яковлев А. В. Мелкий земельный кредит в России. Санкт-Петербург, 1876.
5. Вахитов К. И. Кооператоры России: история кооперации в лицах. Москва, 2016.
6. Козлов С. А. «Залог успеха лежит в общей дружной работе»: Московское общество сельского хозяйства (1820—1930 гг.) // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 2.
7. Козлов С. А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820—1930 гг.): в 3 т. Москва, 2020.

References:

1. Bolotova E. Yu. Deyatel'nost' Postoyannoj komisii po delam potrebitel'skih obshchestv v konce XIX — nachale XX v. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 8 (121).
2. Borovskij M. P. Istoricheskij obzor pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Imperatorskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva Yuzhnoj Rossii s 1828 po 1878. Odessa, 1878.
3. Bochkareva E. S. Pervyj opyt organizacii ssudo-sberegatel'nyh tovarishchestv v Rossii v XIX v. // Omskij nauchnyj vestnik. 2009. № 1 (75).
4. Vasil'chikov A. I., Yakovlev A. V. Melkij zemel'nyj kredit v Rossii. Sankt-Peterburg, 1876.
5. Vahitov K. I. Kooperatory Rossii: istoriya kooperacii v licah. Moskva, 2016.
6. Kozlov S. A. «Zalog uspekha lezhit v obshchej družnoj rabote»: Moskovskoe obshchestvo sel'skogo hozyajstva (1820—1930 gg.) // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. 2021. T. 13. № 2.
7. Kozlov S. A. «Sluzhenie interesam vsej strany»: Moskovskoe obshchestvo sel'skogo hozyajstva (1820—1930 gg.): v 3 t. Moskva, 2020.
8. Korelin A. P. Kooperativnoe zakonodatel'stvo v Rossii i zapadnyj opyt // Otechestvennaya is-

8. *Корелин А. П.* Кооперативное законодательство в России и западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. URL: <https://российская-история.рф/archive/1996-2> (дата обращения: 21.10.2021).
9. *Лубков А. В.* Война. Революция. Кооперация. Москва, 1997.
10. *Озеров И. Х.* Общества потребителей: Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России и краткое руководство к основанию и ведению потребительных обществ. Санкт-Петербург, 1894.
11. *Скалон В. Ю.* Крестьянские кредитные учреждения Московской губернии // Вестник Европы. 1877. № 4.
12. *Соколовский А. В.* Кооперативный кредит в России в конце XIX — начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2007.
13. *Соколовский П. А.* Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. Санкт-Петербург, 1890.
14. *Тотомианц В. Ф.* Потребительные общества: История, теория и практика. Санкт-Петербург, 1908.
15. *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. Москва, 1989.
16. *Фан-дер-Флит Н. Ф.* Где и как дешево добыть денег. Санкт-Петербург, 1872.
17. *Фирсов Н. Н.* Сельские ссудо-сберегательные товарищества Новгородской губернии. Санкт-Петербург, 1872.
18. *Хейсин М. Л.* История кооперации в России. Ленинград, 1926.
19. *Яковлев А. В.* Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Санкт-Петербург, 1872.
20. *Корелин А. П.* Кооперативное законодательство в России и западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. URL: <https://российская-история.рф/archive/1996-2> (дата обращения: 21.10.2021).
9. *Lubkov A. V.* Vojna. Revolyuciya. Kooperaciya. Moskva, 1997.
10. *Ozerov I. H.* Obshchestva potrebitel'ej: Istoricheskij ocherk ih razvitiya v Zapadnoj Evrope, Amerike i Rossii, i kratkoe rukovodstvo k osnovaniyu i vedeniyu potrebitel'nyh obshchestv. Sankt-Peterburg, 1894.
11. *Skalon V. Yu.* Krest'yanskije kreditnye uchrezhdeniya Moskovskoj gubernii // Vestnik Evropy. 1877.
12. *Sokolovskij A. V.* Kooperativnyj kredit v Rossii v konce XIX — nachale XX veka: dis. ... d-ra ist. nauk. Ivanovo, 2007.
13. *Sokolovskij P. A.* Deyatel'nost' zemstva po ustrojstvu ssudo-sberegatel'nyh tovarishchestv. Sankt-Peterburg, 1890.
14. *Totomianc V. F.* Potrebitel'nye obshchestva: Istoriya, teoriya i praktika. Sankt-Peterburg, 1908.
15. *Tugan-Baranovskij M. I.* Social'nye osnovy kooperacii. Moskva, 1989.
16. *Fan-der-Flit N. F.* Gde i kak deshevo dobyt' deneg. Sankt-Peterburg, 1872.
17. *Firsov N. N.* Sel'skie ssudo-sberegatel'nye tovarishchestva Novgorodskoj gubernii. Sankt-Peterburg, 1872.
18. *Hejsin M. L.* Istoriya kooperacii v Rossii. Leningrad, 1926.
19. *Yakovlev A. V.* Sel'skie ssudo-sberegatel'nye tovarishchestva. Sankt-Peterburg, 1872.

Для цитирования:

Новикова Юлия Олеговна. Организационно-правовые основы и результаты деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России конца XIX — начала XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 25–35.

For citation:

Novikova Yulia Olegovna. The Organizational and Legal Bases and Results of the Activities of the Committee on Savings and Industrial Partnerships in Russia late XIX — Early XX Century // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 25–35.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ органов внутренних дел

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУКАШОВ,
ведущий научный сотрудник отдела
по исследованию стратегических проблем
управления научно-исследовательского центра,
кандидат физико-математических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: akadem11@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.11 — судебная деятельность,
прокурорская деятельность, правозащитная
и правоохранительная деятельность.

ORCID 0000-0002-4603-7533

УДК 34.07

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-36-47

Дата поступления: 3 августа 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

NIKOLAJ VASIL'EVICH LUKASHOV,
Leading Researcher of the Department
for the Study of Strategic Management Problems
of the Research Center,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: akadem11@yandex.ru

Scientific Speciality:
12.00.11 — Judicial Activities,
Prosecutorial Activities,
Human Rights and Law Enforcement.

Методические аспекты обучения руководителей органов внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации ситуационного управления

Methodological Aspects of Training of Heads of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation on the Basics of Theory and Organization of Situational Management

Аннотация

Целью работы является обоснование и представление практических рекомендаций, направленных на совершенствование методических основ обучения руководителей органов внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации ситуационного управления.

Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования системы государственного управления, в том числе на основе

Abstract

The purpose of the study is to substantiate and present practical recommendations aimed at improving the methodological foundations of training the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the basics of theory and organization of situational management.

The relevance of the work is due to the need to improve the system of public administration, including on the basis of situational manage-

технологий ситуационного управления, что согласуется с требованиями соответствующих указов и постановлений Президента и Правительства Российской Федерации.

Научная новизна работы состоит в системном подходе к проблеме, применении закона соответствия формы и содержания к системе управления органами внутренних дел, обобщении теории административной емкости, разработанной Ф. Р. Дунаевским в начале XX в. применительно к современным технологиям ситуационного управления, введении в научный оборот авторского определения термина «ситуационное управление».

В основе *методологии* исследования – технология информационного моделирования реальной оперативной обстановки на территории обслуживания органа внутренних дел. Для разработки методической базы обучения руководителей органов внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации ситуационного управления необходимо решить проблему накопления соответствующего опыта и компетенции в ведомственной системе образования. В качестве одного из направлений решения проблемы предлагается наработка необходимого опыта и набора компетенций профессорско-преподавательским составом с использованием активных методов обучения на основе игр и учений, создание виртуальной реальности средствами современных информационных технологий. Соответствующий опыт и методика разработаны в Академии управления МВД России. В результате проведенного исследования обосновано применение технологий ситуационного управления в интересах органов внутренних дел Российской Федерации как наиболее многочисленного и многофункционального федерального органа исполнительной власти для расширения пределов «административной емкости» лица, принимающего решение, в соответствии с теорией Ф. Р. Дунаевского. Предлагается принять положения, связанные с развитием технологий ситуационного управления, как дальнейшее развитие идеологии формирования системы центров оперативного управления. Описана методическая база обучения руководителей органов внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации ситуационного управления, сформированным в Академии управления МВД России. Обоснована необходимость их использования в учебном комплексе ситуационного управления, соответствующем по возможностям ситуационному центру МВД России, что позволит проводить учебные мероприятия по обучению новым технологиям управления в условиях, максимально приближенных к реальным.

ment technologies, which meets the requirements of relevant decrees and resolutions. The President and the Government of the Russian Federation.

The scientific novelty of the work consists in a systematic approach to the problem, the application of the law of conformity of form and content to the management system of internal affairs bodies, the generalization of the theory of administrative capacity developed by F. R. Dunaevsky in the early twentieth century, in relation to modern technologies of situational management, the introduction into scientific circulation of the author's definition of the term «situational management».

The research methodology is based on the technology of information modeling of the real operational situation in the territory of the service of the internal affairs body. In order to develop methodological foundations for teaching the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation the basics of the theory and organization of situational management, it is necessary to solve the problem of accumulating relevant experience and competence in the departmental education system. As one of the ways to solve the problem, it is proposed to gain the necessary experience and a set of competencies by the teaching staff using active teaching methods based on games and exercises, the creation of virtual reality by means of modern information technologies. The relevant experience and methodology have been developed at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. As a result of the conducted research, the use of situational management technologies in the interests of the internal affairs bodies of the Russian Federation as the most numerous and multifunctional federal executive authority to expand the limits of the administrative capacity of the decision-maker, in accordance with the theory of F. R. Dunaevsky, is justified. It is proposed to adopt provisions related to the development of situational management technologies as a further development of the ideology of the formation of a system of operational management centers. The methodological basis of training of heads of internal affairs bodies of the Russian Federation on the basics of theory and organization of situational management formed at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia is described. The necessity of their use in the situational management training complex corresponding to the capabilities of the situation center of the Ministry of Internal Affairs of Russia is justified, which will allow conducting training activities on teaching new management technologies in conditions as close as possible to real ones.

Ключевые слова: органы внутренних дел; социальное управление; теория административной емкости; ситуационный центр; ситуационное управление.

Keywords: internal affairs bodies; social management; theory of administrative capacity; situational center; situational management.

Современное общество, для которого характерно неуклонное разделение труда на фоне развития как «традиционных» индустриальных, так и наиболее современных информационных компьютерных технологий (далее — ИКТ), которые «являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века»¹, испытывает потребность в совершенствовании систем социального управления, которые должны соответствовать формирующимся новым реалиям.

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята 22 июля 2000 г. лидерами стран «Большой Восьмерки» // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

В условиях глобализации, которая затрагивает все стороны человеческих взаимоотношений, «решительно и последовательно ломает множество устоявшихся, сложившихся за века институтов, механизмов, форм, рамок, в которых протекала и протекает жизнь человеческого сообщества и каждого человека. Причем речь идет... и о нормативно-правовых аспектах жизни» [6, с. 422].

Как показывает история развития человечества, каждому технологическому укладу соответствует своя специфическая общественная организация и система социального управления, основанная на праве [10] (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие общественной организации системе права и ИКТ

Вид общественно-экономической формации	Характер правовой системы	Вид развивающейся информационной технологии	Приблизительное время возникновения (лет назад)
Первобытно-общинный строй	Обычное право	Человеческая речь	50 тыс.
Рабовладельческие и раннефеодальные государства	Писанные законы	Письменность	5 тыс.
Феодальные государства	Кодификация законодательства	Книгопечатание	500
Буржуазные государства	Конституционное право, верховенство конституции	Электричество и электросвязь	150
Развитые социалистические и капиталистические государства	Развитие и примат международного права	Компьютеры	70
Глобальные системы надгосударственного управления	Сближение и унификация мировых правовых систем	Телекоммуникационные технологии	30

Очевидно, что система управления общественными отношениями, основанная на праве, или в более узком смысле — система государственного управления, должна соответствовать технологическому укладу.

В первой половине XX в. наша страна располагала самой передовой в мире системой государственного управления, созданной на основе достижений передовой отечественной науки, что и было признано во всем мире. Так, известный английский ученый Стаффорд Бир в начале 1960-х гг. утверждал следующее: «Высокоразвитые в промышленном отношении страны Запада вынуждены встретиться с силь-

ным давлением с Востока. Признаки в этом отношении явно зловещие. Поразительные темпы развития в России, например, не являются исключительно плодом одной железной воли и самопожертвования. Спутники не выводятся на орбиту постами и молитвами... Нам жизненно необходим какой-то принципиально новый путь развития... Кандидатом на эту роль является наука об управлении» [1, с. 12–13]. С тех пор западная цивилизация, сделав ставку на использование передовых, в первую очередь информационных технологий управления, достигла выдающихся результатов в деле развития экономики.

В нашей стране этот период совпал с гонениями на кибернетику, искусственным замедлением развития необходимых для формирования нового типа организации и технологического уклада ИКТ, а также тесно связанных с ними технологий микроэлектроники². В ходе проведения «рыночной реформы» 1960-х гг. был свернут уникальный проект создания государственной автоматизированной системы обработки информации (ОГАС), которая была призвана качественно повысить эффективность управления народным хозяйством³.

В то же время стремительное развитие общественных отношений, прежде всего связанных с углублением специализации, разделением труда, внедрением современных информационных технологий, привело к резкому увеличению объема управленческой и правовой информации. Таким образом, мы подошли к рубежу XXI столетия с системой социального управления, не отвечающей требованиям нового технологического уклада. Неслучайно этот вопрос на протяжении последних лет остается в центре внимания руководства страны. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин 16 июля 2004 г. издал Указ «О мерах по совершенствованию государственного управления»⁴, а через два года, 30 марта 2006 г., сформирована специальная комиссия по данному вопросу⁵.

К сожалению, уже в 2008 г. указом Д. А. Медведева, бывшего в то время президентом страны, ее функционал и полномочия существенно сузили, сведя работу к решению частных кадровых вопросов, связанных с реформированием и развитием государственной службы⁶.

Между тем ситуация в сфере государственного управления диктовала необходимость проведения его качественного реформирования, и 7 мая 2012 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан Указ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»⁷.

Результатом его исполнения стало принятие более тридцати нормативных правовых актов различного уровня, придавших новый импульс проводимым реформам. Тем не менее качественных изменений достигнуть не удалось по причине несоответствия повышающихся требований к содержанию управления – его гибкости и оперативности, сложившимся организационным формам, остающимся, несмотря на автоматизацию документооборота, по существу на прежнем уровне развития, в том числе и в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

В настоящее время система управления органами внутренних дел (далее – ОВД) даже в повседневных условиях испытывает перегрузку, что требует принятия качественных мер, направленных на ее модернизацию. При осложнении оперативной обстановки объем поступающей информации возрастает многократно. Для решения этой проблемы традиционно в соответствии с имеющимися нормативными правовыми актами создаются оперативные штабы, однако они не располагают штатными единицами и технологическими возможностями для обработки дополнительной информации, организации связи и управления. В результате соответствующая нагрузка в значительной мере ложится на имеющиеся дежурные службы, что, с одной стороны, осложняет работу последних, а с другой – снижает эффективность деятельности оперативных штабов, поскольку не удовлетворяет в полной мере их потребностям в обработке управленческой и иной необходимой информации.

В результате при развертывании оперативных штабов имеет место дефицит оперативной информации, возникают проблемы в обеспечении надежной связи с подразделениями. Проблема назрела уже давно (рис. 1), однако решить ее до настоящего времени не удавалось.

Проблема соответствия формы содержанию является фундаментальной, имеет философские корни и достаточно глубоко изучена, начиная с древнегреческих ученых Платона и Аристотеля. Как известно, противоречие между формой и содержанием разрешается изменением формы, переставшей соответствовать новому содержанию [16]. В этом контексте существенной проблемой формы сложившейся отечественной командно-административной системы является углубление разделения труда и непрерывное возрастание потоков правовой и управленческой информации, что вызывает перегрузку содержания. В результате руководитель, лицо, принимающее решение (далее – ЛПР), испытывает трудности с оценкой оперативной обстановки и своевременной выработкой верных решений, доведением их до многочисленных ис-

² Как убивали микроэлектронику в СССР. URL: <https://new.topru.org/kak-ubivali-mikroelektroniku-v-sssr/> (дата обращения: 28.07.2021).

³ Проект ОГАС: несбывшееся грядущее. URL: <https://aftershock.news/?q=node/528922> (дата обращения: 28.07.2021).

⁴ О мерах по совершенствованию государственного управления [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 16 июля 2004 г. № 910. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 30 марта 2006 г. № 285. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам реформирования и развития государственной службы (вместе с Положением о Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам реформирования и развития государственной службы) [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 15 декабря 2008 г. № 1775. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рис. 1. Среднее количество приказов, подписываемых ежемесячно Министром внутренних дел СССР/России с 1973 по 2020 г.
(R^2 – коэффициент достоверности пунктирной линии приближения)

полнителей и последующим контролем исполнения. Перегрузка ЛПР, как было показано отечественным ученым Ф. Р. Дунаевским, происходит вследствие превышения лимита «административной емкости», что далее будет рассмотрено подробнее. Это требует принятия качественных решений, в первую очередь связанных с цифровой трансформацией формы управления. В МВД России еще в 1996 г.⁸ предусматривалось создание системы реагирования на чрезвычайные ситуации посредством объединения органов управления в едином блоке, для чего предполагалось укрепить дежурные части и значительно повысить статус начальников штабов всех уровней. Нормативными актами, подготовленными в рамках реализации данной концепции, для обеспечения работы оператив-

ных штабов предполагалось создание центров оперативного управления (далее – ЦОУ). Однако эта работа не была доведена до логического завершения.

В современных условиях для решения этой задачи предполагается использовать информационные и телекоммуникационные технологии. Функционал и идеология ЦОУ схожи, но не идентичны относительно более современному явлению, такому как ситуационный центр (далее – СЦ), активно развиваемому во многих сферах социального управления. Функционал СЦ более ориентирован на информационно-аналитическое обеспечение принятия решений в складывающихся ситуациях или обстоятельствах. ЦОУ более ориентирован на непосредственное управление силами и средствами (см. табл. 2). При соответствующем расширении функционала как ЦОУ, так и СЦ эти различия нивелируются.

⁸ О Концепции развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: приказ МВД России от 20 марта 1996 г. № 145.

Таблица 2

Некоторые функциональные отличия ЦОУ и СЦ

Функция	Реализация в ЦОУ	Реализация в СЦ
Непрерывный сбор, обработка и анализ информации, необходимой для оперативного управления ОВД	В полном объеме	Частично (в рамках ситуации)

Окончание табл. 2

Функция	Реализация в ЦОУ	Реализация в СЦ
Информирование руководства ОВД об оперативной обстановке	В полном объеме	Частично (в рамках ситуации)
Подготовка и направление оперативной информации в вышестоящий территориальный орган, а также местные органы власти и управления, органы ФСБ и прокуратуры	В полном объеме	Частично (в рамках ситуации)
Непрерывное оперативное управление нарядами и другими силами и средствами, привлекаемыми к охране общественного порядка, борьбе с преступностью	В полном объеме	Частично
Формирование и согласование с внешними субъектами информационного взаимодействия перечня сведений и источников информации, необходимых для выполнения поставленных совместных задач	Частично	В полном объеме
Формирование прогнозов и моделирование вариантов развития ситуации в сфере обеспечения правопорядка при осложнении оперативной обстановки и принятии решения о переводе СЦ (ЦОУ) в режимы повышенной готовности или кризисной ситуации	Частично	В полном объеме
Подготовка справочной информации об оперативной обстановке для доклада руководству Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций в рамках системы распределенных ситуационных центров (СРСЦ)	Частично	В полном объеме
Поддержка принятия решений на основании прогнозов и моделирования вариантов развития ситуации в сфере обеспечения правопорядка	Частично	В полном объеме

Таким образом, предлагается принять положения, связанные с развитием технологий ситуационного управления (далее – СУ), как дальнейшее развитие идеологии формирования системы ЦОУ.

Развитие ЦОУ/СЦ и в целом технологий СУ в системе МВД России находится в стадии становления. Практический опыт их применения имеют лишь некоторые региональные ОВД (Москва, Санкт-Петербург, Казань и др.). При этом вопросы методического, организационного, штатного обеспечения внедрения технологий СУ в оперативно-служебную деятельность решаются в каждом случае индивидуально. Следовательно, необходимо принятие комплексных мер для системного решения данной проблемы на основе приведения в соответствие имеющейся формы и реального содержания управления.

Одним из приоритетных направлений такой трансформации является использование технологий СУ. В связи с этим было закономерно издание Указа Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 г. № 648 «О формировании системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия»⁹.

⁹ О формировании системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия: Указ Президента РФ от 25 июля 2013 г. № 648. Опубликован не был. Цит. по: Об утверждении Положения о ситуационном центре Гу-

В настоящее время наша страна осуществляет поэтапное внедрение технологий СУ на фоне широкомасштабной цифровизации экономики, предполагающей автоматизацию функций (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями на основе ИКТ¹⁰.

Потребность в «цифровизации» обусловлена в первую очередь необходимостью преодоления последствий «информационного взрыва», осуществления обработки лавинообразно возрастающего объема информации, вызванного углублением разделения труда и необходимостью осуществления координации между отдельными элементами усложняющихся общественно-экономической и политической систем.

Увеличение количества взаимосвязей ведет к усложнению общественных отношений между центральными органами и исполнителями

бернатора области (ред. от 26 марта 2021 г.) [Электронный ресурс]: распоряжение Губернатора Ярославской области от 12 августа 2014 г. № 384-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428665923> (дата обращения: 29.07.2021).

¹⁰ Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564542375> (дата обращения: 29.07.2021).

с неизбежным катастрофическим «разбуханием» промежуточного, бюрократического звена, что предвидел и наглядно показал еще в начале XX века Федор Романович Дунаевский (1887–1960), руководивший в 1921–1930 гг. одной из научных организаций, решавших¹¹ задачи научной организации управления, — Харьковским институтом труда (Всеукраинский институт труда (ВИТ)), специализировавшимся на проблемах интеллекта, профессионального отбора, использования счетно-аналитической техники и организационного анализа [11]. Федор Романович создал успешно примененную для последующего становления органов советского государственного управления теорию «административной емкости», определяющую возможность ЛПР руководить определенным, ограниченным количеством лиц. Было показано, что как превышение, так и занижение определенного оптимального числа приводит к снижению эффективности управления.

На тот период проблему расширения пределов «административной емкости» предлагалось решать путем создания промежуточных звеньев некоего принципиально нового типа, не обладающего недостатками «традиционной» бюрократии, и с помощью использования технических средств управления.

Однако уровень развития социального управления и вычислительной техники того времени не позволили решить данные задачи. К тому же необходимость их решения в то время далеко не всем представлялась очевидной, поскольку углубление специализации еще не порождало того информационного взрыва, с которым столкнулась современная цивилизация.

Сегодня теория Ф. Р. Дунаевского представляется особенно актуальной с учетом возможностей современных ИКТ и технологий социального управления, позволяющих эффективно решать обозначенные выше задачи расширения пределов административной емкости ЛПР. Наиболее подходящей организационной формой для этого представляется использование СЦ, предоставляющих максимальные возможности по расширению административной емкости ЛПР и оперативному управлению многочисленными разнородными силами и средствами.

Ситуационный центр как форма реализации технологий СУ в общем виде представляет собой объединенные в одном или несколь-

ких смежных помещениях рабочие места для персонала, обеспечивающего сбор и обработку необходимой информации (в том числе анализ и прогноз), выработку управленческих решений, доведение их до исполнителей и контроль исполнения, внешнее взаимодействие и выполнение ряда прочих задач, как правило, с использованием современных ИКТ и средств коллективного отображения информации.

При правильной организации работы технологии СУ на базе СЦ позволяют многократно расширить ряд возможностей ЛПР, в том числе увеличить «административную емкость» и повысить эффективность вырабатываемых решений.

Необходимо отметить, что само понятие «ситуационное управление» до настоящего времени не закреплено в нормативных правовых актах, а теоретические исследования по данной проблеме ведутся по нескольким направлениям.

Наиболее разработана и формализована теория СУ с позиций автоматического управления техническими системами (Д. А. Поспелов [12] и др.). Однако переложение ее положений на социальные и экономические системы при внешнем наукообразии и математической строгости, характерных для технических наук, на практике встречается с большими трудностями, обусловленными невозможностью на данном этапе развития науки достаточно точного моделирования поведения сложных социально-экономических систем, к которым относятся ОВД.

Работы классиков теории менеджмента, напротив, трактуют СУ достаточно обтекаемо, в трудно формализуемом виде. Например, Г. Кунц в обширном двухтомном исследовании трактует СУ как непосредственное управление, нацеленное на разрешение возникающих текущих задач [9].

При этом в отечественной и особенно ведомственной литературе по теории управления достаточно широко используется термин «оперативное управление» как вид деятельности, связанной с «выработкой и реализацией управленческих решений, основанных на анализе и оценке информации, характеризующей текущие изменения в оперативной обстановке, целью обеспечения организационной устойчивости и стабилизации функционирования ОВД» [4, с. 10].

Исходя из этого, термин СУ можно определить следующим образом:

Ситуационное управление — это совокупность приемов и методов подготовки и принятия управленческих решений по управлению разнородными силами и средствами для контроля оперативной обстановки в реальном масштабе времени.

¹¹ Можно назвать такие организации, как Институт техники управления (руководитель Е. Ф. Розмирович) и Отдел нормализации при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции (Н. А. Витке), Таганрогский институт научной организации производства (П. М. Ерманский), Казанский институт научной организации труда (И. М. Бурдянский), Лаборатория по изучению труда при Институте мозга в Ленинграде (академик В. М. Бехтерев), Отдел научной организации труда при Коммунистической академии (академик О. А. Ерманский) и ряд других.

Система МВД России как один из самых многочисленных и многофункциональных органов исполнительной власти (далее — ФОИВ) нашей страны фактически является одним из лидеров по разработке и внедрению технологий СУ. Закономерно, что 22 мая 2018 г. был издан приказ МВД России «О Ситуационном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹², а 16 ноября 2018 г. утверждено положение о последнем¹³.

Данными документами СЦ МВД России определяется как внештатное подразделение «для информационно-аналитического и телекоммуникационного обеспечения» управления силами и средствами подразделений центрального аппарата, территориальных подразделений, иных органов и организаций, созданных для решения задач, возложенных на ОВД, оперативного взаимодействия с ФОИВ, иными государственными органами и организациями, в том числе в составе системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия.

Этим было положено начало широкомасштабного внедрения в системе МВД России технологий СУ. Данная работа настоятельно требует организации обучения руководителей ОВД высшего и среднего звена использованию технологий СУ в оперативно-служебной деятельности, что предполагает соответствующее теоретическое и методическое обеспечение.

В Академии управления МВД России (далее — Академия) в настоящее время предусмотрено обучение руководителей ОВД по дисциплине «Ситуационное управление на государственном и муниципальном уровнях» [14; 13]. Объем дисциплины составляет 72 часа, в том числе 18 аудиторных, включает 8 тем (8 часов лекций и 10 часов практических занятий). В результате обучения слушатели получают минимально необходимые знания, умения и навыки в сфере ситуационного управления, включающие: основные понятия; роль и место СЦ в системе управления ОВД; правовые основы формирования и функционирования СЦ; основы управления с использованием СЦ, в том числе в особых условиях; прогнозирование оперативной обстановки; использование специализированного прикладного программного обеспечения. Обучение завершается штабной тренировкой.

¹² О Ситуационном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 22 мая 2018 г. № 318.

¹³ Об утверждении Положения о Ситуационном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации и Регламента работы Ситуационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с Перечнем субъектов формирования и потребления информационных источников и ресурсов, используемых в деятельности СЦ МВД России) (ред. от 25.11.2019): приказ МВД России от 16 ноября 2018 г. № 775.

Однако для полномасштабного перехода к использованию технологий СУ это направление обучения необходимо развивать в части расширения компетенций, увеличения охвата контингента обучаемых, что сдерживается как небольшим количеством работ по указанной проблематике [2; 7; 8; 15], так и недостаточным объемом часов, посвященных СУ, в программах обучения руководителей системы МВД России.

В работе А. Н. Григорьева, В. П. Крамаренко [3] представлен краткий обзор публикаций по использованию ситуационного подхода в обучении сотрудников правоохранительных органов. Подчеркивается, что в современных условиях усложнения социальных систем при одновременном сокращении времени на принятие решений повышается значимость отработки действий обучаемых в типовых ситуациях предстоящей оперативно-служебной деятельности.

Важно, что качественный переход к технологиям СУ в действующих ОВД невозможен без предварительного моделирования и отработки возможных вариантов в «полигонных» условиях, поскольку реальный ОВД нельзя вывести из действия даже на короткое время.

В этом заключается важное отличие системы МВД России от системы Министерства обороны — если армия в промежутках между военными действиями имеет возможность заниматься боевой подготовкой, формировать оперативный и стратегические резервы, а в ходе боев производить ротацию и переформирование частей и соединений, то в ОВД такие возможности крайне ограничены при фактически непрерывном нахождении в полностью развернутом состоянии активных действий по поддержанию общественной безопасности.

Это требует тщательной подготовки к трансформации системы управления ОВД, в первую очередь на основе новых образовательных технологий.

Важным обстоятельством также является необходимость в кратчайшие сроки научить большое количество руководителей навыкам работы в новых условиях. Проведенная для разработки методических основ такого обучения научная работа показала, что наиболее оптимально использование активных форм обучения с опорой на проведение игр и учений в обстоятельствах, максимально приближенных к реальным [5]. Практическая подготовка к данной работе осуществляется в Академии уже более 10 лет.

На первом этапе (2010–2011 гг.) в рамках реализации инновационной программы развития академии «Создание виртуальных учебных полигонов деятельности подразделений и служб органов внутренних дел на основе современных информационно-телекоммуникационных тех-

нологий» («Электронный ОВД») была создана соответствующая технологическая база.

На втором этапе (2011–2012 гг.) в рамках крупнейшей (по численности участников) в истории академии научно-исследовательской работы (далее – НИР) «Разработка учебно-методического и информационного обеспечения виртуальных учебных полигонов деятельности подразделений и служб органов внутренних дел» была разработана структура, программное обеспечение и компьютерные пользовательские интерфейсы информационной модели базового ОВД.

Одновременно на базе кафедры информационных технологий управления ОВД происходило обучение использованию программно-обеспечения и управлению сегментами информационной модели представителей всех кафедр, оснащенных полигонами.

Кафедрой информационных технологий управления ОВД с целью обеспечения возможности членам авторского коллектива и другим пользователям эффективного использования ресурсов виртуальных полигонов был разработан электронный учебник «Использование оборудования виртуальных учебных полигонов».

Весь профессорско-преподавательский состав кафедр и большинство сотрудников других служб и подразделений академии прошли обучение и переподготовку в области информационных технологий по программе «Курс технической подготовки профессорско-преподавательского состава Академии управления МВД России по использованию оборудования виртуальных учебных полигонов» объемом 60 часов (в том числе 30 аудиторных)¹⁴. Для приема зачетов по курсу была сформирована комиссия во главе с первым заместителем начальника академии.

В тот же период в рамках работ по подготовке к созданию технологической базы для проведения командно-штабных учений, координации, технологического и методического обеспечения виртуальных полигонов была разработана организационно-штатная структура Центра командно-штабных учений, которая легла в основу одноименного вновь созданного подразделения академии.

В результате интенсивной совместной работы профессорско-преподавательского состава, коллектива научного центра, отделов и служб академии создана инновационная образовательная технология, в составе которой три основных компонента:

1. Информационная модель (учебное информационное пространство), сформирован-

ная на основе реальных данных и максимально приближенная к оперативной обстановке базового ОВД.

2. Технологическая база (комплекс виртуальных полигонов) информационной модели с возможностью индивидуальной настройки в соответствии со спецификой кафедр.

3. Базовое методическое обеспечение для проведения занятий на основе единой модели с возможностью последующего расширения как массива исходных данных, так и функционала.

Творческий коллектив сотрудников Академии создал как виртуальное информационное пространство базовой модели ОВД, так и набор инструментов для поддержания его в актуальном состоянии.

Созданы программно-аппаратные комплексы для поддержания информационной модели деятельности ОВД и их служб на трех основных и одном дополнительном – международном уровне управления в соответствии с целями и задачами МВД России в сфере международного сотрудничества.

Основным элементом модели является виртуальная штатная единица – информационный образ конкретной должности в штатном расписании ОВД.

Виртуальная штатная единица содержит следующие данные:

- должностная инструкция и функциональные обязанности;
- комплект учебной оперативно-служебной документации, в том числе штатное расписание подразделения, распорядок дня, индивидуальный план, графики дежурств, отпусков и т. п.;
- подборка необходимых нормативных правовых документов, статистических данных (в виде ссылок на общую электронную библиотеку документов);
- иные материалы для создания эффекта присутствия, погружения в виртуальную реальность.

Информационная модель содержит следующие данные общего назначения:

- схемы организационно-штатной структуры органа и его подразделений;
- схемы основных внешних связей, в том числе межведомственных;
- нормативная правовая база с детализацией;
- материалы, формирующиеся в ходе текущего документооборота и делопроизводства: письма, заявления граждан, журналы учетов и т. д.;
- статистические данные, используемые в ходе оперативно-служебной деятельности;
- справочные данные общего характера;
- геопространственные данные: карты описания мест происшествий, участков местности и т. д.;

¹⁴ О технической подготовке профессорско-преподавательского состава: распоряжение начальника Академии управления МВД России от 28 февраля 2011 г. № 13.

— мультимедийные материалы: фото-, видео- и аудиозаписи.

Принципиально важным свойством модели является возможность изменения исходных данных для проведения конкретных учебных мероприятий, в том числе сквозных примеров (вводных), решения по которым затрагивают интересы сразу нескольких служб и подразделений, сформированных на основе реальной практики деятельности ОВД.

Членами авторского коллектива совершено 22 выезда в командировки, а также ряд выездов в департаменты МВД России и иные подразделения органов внутренних дел в рабочем порядке, вне командировок.

В результате обобщения представленных предложений были подготовлены три замысла единых примеров:

— *Гусь-Хрустальный* (резонансное общественно-политическое событие, произошедшее в г. Гусь-Хрустальном), *Инспекторская проверка* (действия личного состава ОВД при подготовке и проведении инспекторской проверки) (А. Н. Кадынцев), *Профилактика* (разработка и реализация мер по профилактике преступлений) (Н. Э. Мартыненко);

— *Выборы* (участие ОВД в подготовке и проведении выборов в государственные и муниципальные органы власти) (А. Н. Гугунский, В. О. Тулеев);

— *Лавина* (действия в особых условиях) (В. М. Шукин).

Детальная разработка сквозных примеров, наполнение их конкретным содержанием может производиться на основе информационной модели ОВД по мере ее наполнения.

Предполагается, что исходная, базовая структура информационной модели является общей и обязательной к использованию всеми участниками учебного процесса.

Для детализации модели с участием кафедр в соответствии с профилем преподаваемых дисциплин и направлений деятельности создаются локальные компьютерные модели и полигоны служб и подразделений ОВД с таким расчетом, чтобы полностью охватить соответствующие службы и подразделения базового ОВД (региональный и муниципальный уровни). Аналогично создается и пополняется информацией федеральный уровень путем закрепления зон ответственности кафедр за соответствующими департаментами, а при необходимости и иными ведомствами.

Перспективно также использование информационной модели для отработки важных управленческих решений на всех уровнях, в том числе при подготовке крупных общественно-политических мероприятий.

В рамках выполнения вышеупомянутой НИР подготовлена информационная и технологическая база и разработан широкий спектр учебно-методических материалов с использованием современных информационных технологий по каждой кафедре, в их числе:

— методические рекомендации «Теоретико-методологические аспекты организации электронного ОВД»; методические рекомендации «Анализ оперативной обстановки»;

— методические рекомендации «Организация деятельности оперативного штаба в особых условиях»;

— методические рекомендации «Концептуальные основы и методика проведения занятий по дисциплине “Уголовная политика с использованием электронного полигона кафедры”»;

— учебно-методические материалы «Обеспечения виртуальных учебных полигонов деятельности оперативных резервов МВД России в мирное и в военное время»;

— учебное пособие «Психологическая служба в системе управления»;

— методические рекомендации «Мониторинг социально-экономических показателей, оказывающих влияние на состояние экономической безопасности», и ряд других.

Произведена подготовка к широкомасштабному внедрению результатов НИР. Созданы уникальные возможности для качественного повышения уровня образования руководителей ОВД по применению технологий СУ с использованием инновационных образовательных технологий, для чего необходимо полномасштабное развертывание (наполнение) информационной модели базового ОВД.

Таким образом, в Академии управления МВД России сформированы методические основы обучения руководителей ОВД России основам теории и организации ситуационного управления, которые после необходимой актуализации и введения в строй Комплекса ситуационного управления, соответствующего по функциональным возможностям СЦ МВД России, позволят проводить учебные мероприятия по обучению использованию технологий СУ по управлению ОВД в условиях, максимально приближенных к реальным.

Список литературы:

1. Бир С. Кибернетика и управление производством / пер. с англ. Москва, 1965.

References:

1. Bir S. Kibernetika i upravlenie proizvodstvom / per. s angl. Moskva, 1965.

2. Гостев А. А. Ситуационный центр МВД России: перспективы развития. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/101/situational-centreof-the-ministry-of-internal-affairs-of-russia-prospects-of-development/> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Григорьев А. Н., Крамаренко В. П. Использование методологии ситуационного подхода в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56).
4. Жаглин А. В. Совершенствование информационного обеспечения оперативного управления ОВД (организационные и правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998.
5. Жевлакович И. Д., Лукашов Н. В., Шевырева О. Н. Совершенствование методики проведения активных видов учебных занятий на основе современных информационных технологий // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19).
6. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. Москва, 2013.
7. Княжев В. Б., Грищенко Л. Л. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности Ситуационного центра МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).
8. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф., Грищенко Л. Л. [и др.] Ситуационное управление в деятельности органов внутренних дел: курс лекций. Москва, 2020.
9. Кунц Г., Доннел О. С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: в 2 т. / ред., авт. предисл. Д. М. Гвишиани; пер. с англ. В. В. Рославцева, Ю. В. Семенова. Москва, 1981.
10. Лукашов Н. В., Лукашова С. С. Генезис общественной организации, информационных технологий и права в условиях формирования информационного общества // Бизнес в законе. 2015. № 5.
11. Михайличенко Д. Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921–1930 гг.) // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. 2012. Вип. 60 (№ 5).
12. Поспелов Д. А. Ситуационное управление: теория и практика. Москва, 1986.
13. Холостов К. М., Звонарева А. Ю., Семенистый А. В. [и др.]. Программа «Ситуационное управление на государственном и муниципальном уровнях» для слушателей, проходящих обучение по программе магистратуры по направлению 38.04.04 Государ-
2. Gostev A. A. Situacionnyj centr MVD Rossii: perspektivy razvitiya. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/101/situational-centreof-the-ministry-of-internal-affairs-of-russia-prospects-of-development/> (data obrashcheniya: 20.03.2020).
3. Grigor'ev A. N., Kramarenko V. P. Ispol'zovanie metodologii situacionnogo podhoda v professional'noj podgotovke sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2 (56).
4. Zhaglin A. V. Sovershenstvovanie informacionnogo obespecheniya operativnogo upravleniya OVD (organizacionnye i pravovye aspekty): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1998.
5. Zhevlakovich I. D., Lukashov N. V., Shevyreva O. N. Sovershenstvovanie metodiki provedeniya aktivnyh vidov uchebnyh zanyatij na osnove sovremennyh informacionnyh tekhnologij // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2011. № 3 (19).
6. Zor'kin V. D. Pravo v usloviyah global'nyh pere-men: monografiya. Moskva, 2013.
7. Knyazhev V. B., Grishchenko L. L. Informacionno-analiticheskoe obespechenie deyatel'nosti Situacionnogo centra MVD Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3 (55).
8. Knyazhev V. B., Majdykov A. F., Grishchenko L. L. [i dr.] Situacionnoe upravlenie v deyatel'nosti organov vnutrennih del: kurs lekcij. Moskva, 2020.
9. Kunc G., Donnel O. S. Upravlenie: sistemnyj i situacionnyj analiz upravlencheskih funkcij: v 2 t. / red., avt. predisl. D. M. Gvishiani; per. s angl. V. V. Roslavceva, Yu. V. Semenova. Moskva, 1981.
10. Lukashov N. V., Lukashova S. S. Genezis obshchestvennoj organizacii, informacionnyh tekhnologij i prava v usloviyah formirovaniya informacionnogo obshchestva // Biznes v zakone. 2015. № 5.
11. Mihajlichenko D. Yu. Vseukrainskij institut truda i stanovlenie har'kovskoj shkoly nauchnogo menedzhmenta (1921–1930 gg.) // Gileya: naukovij visnik. Zbirnik naukovih prac' / gol. red. V. M. Vashkevich. 2012. Vip. 60 (№ 5).
12. Pospelov D. A. Situacionnoe upravlenie: teoriya i praktika. Moskva, 1986.
13. Holostov K. M., Zvonareva A. Yu., Semeni-styj A. V. [i dr.]. Programma «Situacionnoe upravlenie na gosudarstvennom i municipal'nom urovnjah» dlya slushatelej, prohodiyashchih obuchenie po programme magistratury po napravleniyu 38.04.04 Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie (po zaochnoj forme obucheniya): uchebnaya programma. Moskva, 2019.

- дарственное и муниципальное управление (по заочной форме обучения): учебная программа. Москва, 2019.
14. *Холостов К. М., Звонарева А. Ю., Семенистый А. В. [и др.]*. Программа «Ситуационное управление на государственном и муниципальном уровнях» для слушателей, проходящих обучение по программе магистратуры по направлению 38.04.04 Государственное и муниципальное управление (по очной форме обучения): учебная программа. Москва, 2019.
 15. *Холостов К. М.* Ситуационные центры: теоретико-методологические и практические основы применения в организации управления органами внутренних дел Российской Федерации: учебно-методическое пособие / под ред. В. Б. Княжева, Н. В. Сердюк [и др.]; под общ. ред. В. Б. Княжева. Москва, 2019.
 16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Содержание и форма / сост.: И. Т. Касавин. 2009. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/871/soderzhanie-i-forma.htm> (дата обращения: 29.07.2021).
 14. *Holostov K. M., Zvonareva A. Yu., Semenistyj A. V. [i dr.]*. Programma «Situacionnoe upravlenie na gosudarstvennom i municipal'nom urovnyah» dlya slushatelej, prohodyashchih obuchenie po programme magistratury po napravleniyu 38.04.04 Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie (po ochnoj forme obucheniya): uchebnaya programma. Moskva, 2019.
 15. *Holostov K.M.* Situacionnye centry: teoretiko-metodologicheskie i prakticheskie osnovy primeneniya v organizacii upravleniya organami vnutrennih del Rossijskoj Federacii: uchebno-metodicheskoe posobie / pod red. V.B. Knyazheva, N.V. Serdyuk [i dr.]; pod obshch. red. V.B. Knyazheva. Moskva, 2019.
 16. *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki*. Soderzhanie i forma / sost.: I.T. Kasavin. 2009. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/871/soderzhanie-i-forma.htm> (data obrashcheniya: 29.07.2021).

Для цитирования:

Лукашов Николай Васильевич. Методические аспекты обучения руководителей органов внутренних дел Российской Федерации основам теории и организации ситуационного управления // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 36–47.

For citation:

Lukashov Nikolaj Vasil'evich. Methodological Aspects of Training of Heads of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation on the Basics of Theory and Organization of Situational Management // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 36–47.

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ УЛЬЯНОВ,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

ALEKSANDR DANILOVICH UL'YANOV,
Associate Professor of the Department of
Organization of the Activities of the Internal Affairs
Bodies of the Center for Command and Staff Exercises,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Научная специальность:
12.00.11 — судебная деятельность,
прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.11 — Judicial Activity,
Prosecutorial Activity,
Human Rights And Law Enforcement Activities.

УДК 351.741

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-48-60

Дата поступления: 1 декабря 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Научный инструментарий оценки эффективности управленческой деятельности в территориальных органах МВД России

Scientific Tools for Assessing the Effectiveness of Management Activities in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация

Актуальность исследования связана с уточнением понятия управленческой деятельности, взвешенных подходов к оценке и измерению ее эффективности. Существующие пробелы и противоречия нормативной правовой базы в сфере индивидуального труда руководителя в территориальных органах МВД России и возникающие в связи с этим вопросы организаторской работы, ее оценки вызвали необходимость написания данной статьи.

Постановка проблемы: стремление объективно оценить эффективность управленческой деятельности влияет на оптимизацию внутреннего устройства управления, ее составных элементов, поддающихся измерению. Значимость оценки состоит в том, что объективный и гибкий подход к анализу успешности работы (оценке) руководителя дает возможность глубже понимать и расставлять приоритеты в деятельности органов внутренних дел в соответствии с социально-политическими, экономическими изменениями в обществе, повышенными требованиями к созданию надежной защищенности граждан, обще-

Abstract

The relevance of the research is connected with the clarification of the concept of managerial activity, balanced approaches to the assessment and measurement of its effectiveness. The existing gaps and contradictions of the regulatory framework in the field of individual work of the head in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the issues of organizational work arising in this regard, its assessment caused the need for this article.

The problem statement: the desire to objectively assess the effectiveness of management activities affects the optimization of the internal management structure, its component elements that can be measured. The significance of the assessment lies in the fact that an objective and flexible approach to the analysis of the success of the work (assessment) of the head makes it possible to better understand and prioritize the activities of internal affairs bodies in accordance with socio-political, economic changes in society, increased requirements for the creation of reliable protection of citizens, society, and the state from criminal en-

ства, государства от преступных посягательств.

Цель исследования: обоснование и уточнение основных базовых категорий управленческой деятельности, разработка научного инструментария ее эффективности и оценки с использованием такого понятийного аппарата, как критерий, показатели, индикаторы.

Методы исследования: контент-анализ, сравнение нормативных правовых актов, анализ специальной литературы, экспресс-опрос, индукция, дедукция, моделирование.

Основные выводы:

1. Под эффективностью управленческой деятельности следует понимать результативность организаторской работы руководителей, способных при минимальных затратах кадровых, финансовых, материальных, воспитательных, иных ресурсов обеспечить решение задач, стоящих перед отдельными сотрудниками, подразделениями, органами внутренних дел.

2. Результативность управления как степень реализации запланированной деятельности и достижения конечных показателей тесным образом связана и напрямую зависит от оптимально разработанной системы оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел.

3. Оценка эффективности управленческой деятельности состоит в процессе определения степени успешности организаторской работы руководителей по обеспечению выполнения поставленных перед отдельными сотрудниками, подразделениями, органами внутренних дел правоохранительных задач за соответствующий период времени на основе установленных требований, критериев, показателей.

4. Количественно-качественные характеристики – критерии, показатели, индикаторы имеют определяющее значение для создания системы оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел и выступают ее рабочим инструментарием, становятся механизмом, превращающим эффективность из абстрактной теоретической категории в простые понятия, способные выполнять продуктивные (оценочные, конструирующие, корректирующие) функции.

5. Понятийный аппарат, связанный с определениями указанных терминов, неоднозначен, что препятствует точности восприятия, приводит к искажению смыслового содержания, тормозит преодоление терминологической путаницы и языковой несогласованности. Основным недостаток сводится к некорректному использованию неявных логических связей между указанными категориями, их смешению и употреблению как бы само собой разумеющихся. Выявленные недостатки использования критериев, показателей, индикаторов имеют место в рабочих документах (методиках) по изучению

croachments.

The purpose of the study: substantiation and clarification of the main basic categories of managerial activity, development of scientific tools for its effectiveness and evaluation using such conceptual apparatus as criteria, indicators, indicators.

The research methods: content analysis, comparison of normative legal acts, analysis of special literature, express survey, induction, deduction, modeling.

The main conclusions:

1. The effectiveness of managerial activity should be understood as the effectiveness of the organizational work of managers who are able, with minimal expenditure of personnel, financial, material, educational, and other resources, to ensure the solution of tasks facing individual employees, departments, and internal affairs bodies.

2. The effectiveness of management, as the degree of implementation of planned activities and achievement of final indicators, is closely related to and directly depends on an optimally developed system for evaluating the effectiveness of managerial activities in internal affairs bodies.

3. Evaluation of the effectiveness of managerial activity consists in the process of determining the degree of success of the organizational work of managers to ensure the fulfillment of the law enforcement tasks assigned to individual employees, divisions, and internal affairs bodies for the appropriate period of time based on established requirements, criteria, and indicators.

4. Quantitative and qualitative characteristics – criteria, indicators, indicators are crucial for creating a system for evaluating the effectiveness of managerial activities in internal affairs bodies and act as its working tools, become a mechanism that turns efficiency from an abstract theoretical category into simple concepts capable of performing productive (evaluative, constructing, corrective) functions.

5. The conceptual apparatus associated with the definitions of these terms is ambiguous, which hinders the accuracy of perception, leads to distortion of semantic content, hinders the overcoming of terminological confusion and linguistic inconsistency. The main drawback is the incorrect use of implicit logical connections between these categories, their mixing and use as if taken for granted. The identified shortcomings in the use of criteria, indicators, indicators take place in working documents (methods) for the study and evaluation of management activities in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which prevents an objective assessment of the effectiveness of the management staff in all areas of operational and service activities.

6. The presented evaluation tables of various departments (departments, main departments, di-

и оценке управленческой деятельности в территориальных органах МВД России, что мешает объективно оценить эффективность работы руководящего состава по всем направлениям оперативно-служебной деятельности.

6. Представленные оценочные таблицы различных подразделений (департаментов, главных управлений, управлений) и актуальных направлений деятельности многофункциональной системы МВД России во многих случаях не верифицируются и трудно сопоставимы в силу многообразия конкретных и специфических задач. В связи с этим отсутствует необходимость в создании универсальных (типовых) форм. Тем не менее можно сделать вывод, что одним из условий формирования ведомственных методик должен быть корректный (однозначный, непротиворечивый) и определенным образом формализованный подход, отражающий основные начала к формам и базовым измерителям доминирующих направлений деятельности.

7. На конкретном примере предложен авторский вариант использования инструментария оценки эффективности управленческой деятельности в территориальных органах МВД России в обновленном формате оценочной таблицы и ее содержательном наполнении.

Ключевые слова: управленческая деятельность; руководитель; оценка; эффективность; результативность; идеология оценки; технология оценки; успешность руководителя; управленческие решения; критерий; показатели; индикаторы.

rectorates) and current activities of the multifunctional system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in many cases are not verified and are difficult to compare due to the variety of specific and specific tasks. In this regard, there is no need to create universal (standard) forms. Nevertheless, it can be concluded that one of the conditions for the formation of departmental methods should be a correct (unambiguous, consistent) and formalized approach in a certain way, reflecting the basic principles to the forms and basic measures of the dominant directions of activity.

7. On a concrete example, the author's version of the use of tools for assessing the effectiveness of managerial activity in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the updated format of the table and its content is proposed.

Keywords: managerial activity; manager; evaluation; efficiency; effectiveness; evaluation ideology; evaluation technology; manager's success; management decisions; criterion; indicators; indicators.

В социальных системах процесс управления рассматривается как направленное воздействие субъекта управления на объект управления, организация его деятельности. Управление в любых организациях можно представить как сознательное и волевое воздействие руководителя на систему в целом и структурные подразделения, обеспечение слаженности для повышения эффективности их функционирования и решения актуальных задач¹.

Результативность² управления тесным образом связана и напрямую зависит от оптимально

разработанной системы оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел. Оценка — мнение о ценности, уровне, значимости чего-либо. Оценка включает в себя процесс и результаты определения степени выполнения стоящих задач за соответствующий период времени на основе установленных требований, критериев, показателей. Оценка, применительно к нашему исследованию, содержит две составляющие: идеологию (миссию, цели и назначение), несущую в себе нравственную и правовую основу, и технологию (методические, инструментальные средства, приемы, методы (то, что в науке называется научным инструментарием), образующие в совокупности технологический цикл³). На схеме это выглядит следующим образом:

¹ Управлять — направлять ход движения кого-, чего-нибудь, руководить действиями кого-, чего-нибудь (Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва, 2017. С. 668).

² Результативность (effectiveness) — степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов (п. 3 ГОСТ 12.0.230.3-2016. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Оценка результативности и эффективности (введен в действие приказом Росстандарта от 31 мая 2017 г. № 471-ст) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Научный инструментарий — совокупность взаимообусловленных способов, приемов, средств, которые с обоснованных методологических позиций исследователя используются в разных комбинациях для достижения поставленных целей анализа.

Схема

Идеология оценки деятельности является одним из ключевых моментов управленческого труда, ибо в оценке выражается прямая связь организационного воздействия и эффективности работы сотрудника, подразделения, органа внутренних дел. Формирование идеологии оценки служит ориентиром для должностных лиц руководящего состава, указывает на то, к чему надо стремиться, в каком направлении изменяться и совершенствоваться. Технология оценки обусловлена идеологией и служит ее реализации. Идеология оценки, не подкрепленная адекватной ей технологией, превращается в ничем не обеспеченную декларативность [10, с. 49].

Значимость оценки состоит в том, что объективный и гибкий подход к измерению успешности работы (оценке) дает возможность научному сообществу глубже понимать, а вышестоящему руководству расставлять приоритеты в деятельности ОВД в соответствии с социально-политическими, экономическими изменениями в обществе, повышенными требованиями к созданию надежной защищенности граждан, общества, государства от преступных действий. Кроме того, система взвешенных оценок определяет уровень соответствия руководителя установленным требованиям и перспективы его дальнейшего роста, формирует компетентностный (уровень имеющихся знаний, обладание соответствующими умениями и навыками) потенциал должностных лиц руководящего состава, осознание личной ответственности за процесс и конечные результаты выполняемой ими организаторской работы, стимулирует управленческий труд, являющийся составной частью социальной политики государства [7]. Некоторые авторы более категоричны и напрямую связывают оценку результатов труда с состоянием национальной безопасности страны⁴.

⁴ Чем больше удельный вес недооцененных и переоцененных людей в стране, тем больше вероятность снижения ее национальной безопасности [11, с. 133].

Неоднозначным является вопрос о формулировке понятия «эффективность управленческой деятельности» и его сущностном содержании. Подавляющее большинство авторов под эффективностью понимают результативность деятельности аппарата управления по обеспечению нормального функционирования организации и достижению поставленных перед ней целей.

Для осуществления любого управленческого труда необходима определенная основа, то есть те ресурсы, которые будут способствовать достижению выбранной цели. Их разнообразие включает в себя: нормативную правовую базу, властные полномочия; методы и процесс управления; кадровые; информационные ресурсы, материально-техническое обеспечение; интеллектуальные и временные затраты и др. Предполагается, что соотношение затрат должно быть адекватным полученным результатам, то есть той задаче, которая выбрана изначально. Отсюда понятие эффективности управленческой деятельности включает в себя достижение максимально полезного результата при минимальных ресурсных затратах, усилиях [1]. Вместе с тем данная формулировка требует пояснения. Управленческая деятельность в социальных системах — это качественная категория. Будет некорректным говорить о линейных связях результатов и затрат в многофакторной жизненной среде. Поэтому при учете КПД (коэффициента полезного действия) эффективности управления следует иметь в виду следующие аспекты:

- действительно ли образовался положительный эффект от управленческого воздействия или это результат совокупности нелинейных причинно-следственных связей, объективных факторов, благоприятно сложившихся в зоне ответственности или действующих в социуме;

- что изначально стало источником возникновения конечного позитивного результата, то есть что конкретно повлияло на исходный результат;

— как на конечный результат повлияли сформулированные целевые установки, конкретные задачи, выбранные приоритетные направления деятельности по их решению, предполагаемые модели оргструктурного построения и собственно функционирования системы.

Сопоставление затраченного управленческого труда с конечными итогами правоохранительной деятельности дает возможность оценить их действительную полезность, скорректировать последующую продуктивную работу. Таким образом, под эффективностью управленческой деятельности следует понимать результативность организаторской работы руководителей, способных при минимальных затратах кадровых, финансовых, материальных, воспитательных, иных ресурсов обеспечить решение задач, стоящих перед отдельными сотрудниками, подразделениями, органами внутренних дел.

В понятийный аппарат, применяемый для определения степени успешности организаторской работы руководителей по обеспечению выполнения поставленных перед отдельными сотрудниками, подразделениями, органами внутренних дел правоохранительных задач за соответствующий период времени, входит использование таких важных количественно-качественных характеристик, как критерии, показатели, индикаторы. Данные категории имеют определяющее значение для создания системы оценки эффективности управленческой деятельности в органах внутренних дел и выступают ее рабочим инструментарием. По сути, они и являются механизмом, превращающим эффективность из абстрактной теоретической категории в простые понятия, способные выполнять продуктивные (оценочные, конструирующие, корректирующие) функции. Однако в специальной литературе понятийный аппарат, связанный с определениями указанных терминов, неоднозначен. Нередко их смешивают, что препятствует точности восприятия, приводит к искажению смыслового содержания, тормозит преодоление терминологической путаницы и языковой несогласованности. Основным недостаток сводится к небрежному использованию неявных логических связей между указанными категориями и употреблению их как бы само собой разумеющимися.

В теории и практике качественную сторону полученного результата принято обозначать термином «критерий»⁵, который представ-

ляет из себя взвешенное и объективное мерило оценки, наилучший признак качественного созидательного труда, своего рода эталон, позволяющий судить о его результативности (производительности), определить, классифицировать, придать реальный вес тем или иным аспектам изучаемого явления [2, с. 27]. Например, критериями качества управления являются максимизация оперативности как высокого уровня готовности и быстроты реакции по противодействию нежелательным ситуациям в оперативной обстановке; оптимальности, связанной с выбором оптимального решения, адекватного сложившейся обстановке; результативности как степени достижения итогов работы. При этом в понятие результативности входят последствия управленческих решений. Так, в соответствии с регламентом коллегии МВД России⁶ в процесс подготовки вопросов для рассмотрения на заседании коллегии включается и прогноз результатов от реализации предлагаемых управленческих решений, направленных на улучшение положения дел. Иными словами, применительно к предмету исследования то состояние, к которому должны стремиться лица, занимающие руководящие должности в системе МВД России при реализации своих функций⁷. В технических дисциплинах абсолютный критерий обозначается максимумом, который выражается в ста процентах. На практике в социальных системах нереально достигнуть абсолютной значимости, потому за критерии оценки принимаются относительные (заданные, усредненные) желаемые величины в границах фактической ресурсной обеспеченности.

В органах внутренних дел критерии индивидуальной оценки руководителей нашли свое правовое закрепление в приказе МВД России № 77-2012 г.⁸ К ним относятся: измерение и оценка деловых и профессиональных качеств руководящего состава с использованием пара-

⁶ П. 12 приложения 2 к приказу МВД России от 15 августа 2011 г. № 948 «О коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, совещании у Министра внутренних дел Российской Федерации и совещании у заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 23.12.2020).

⁷ Например, критериями оценки эффективности управленческой деятельности могут быть: объем работы, связанный с уровнями управления; качество исполнения (соответствие требованиям нормативных правовых актов, тщательность, аккуратность и точность); профессионализм в работе (четкое и ясное понимание смысла выполняемой работы и всего того, что с ней связано); личные качества (внешность, общительность, лидерские качества, честность); коммуникабельность (способность и желание работать с коллегами, руководством и подчиненными для достижения совместных целей); надежность (сознательность, точность, следование соблюдению графика личной работы); разумная инициативность [6].

⁸ П. 3 приложения 2 к Инструкции по организации и проведению инспектирования, контрольных и целевых проверок деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 29.04.2021)).

⁵ Критерий (др.-греч. κριτήριον — способность различения, средство суждения, мерило) — признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям (мере). (Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва, 2017. С. 256; Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. Москва, 2003. С. 329.)

метрического анализа⁹, тестирования; стилевое поведение руководителя и практикуемые им методы управления; оценивание механизма разработки, принятия, реализации управляющих решений и контроля за их реализацией; эффективность взаимодействия с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, правоохранительными органами; оценка потенциала руководящего состава в обеспечении эффективного управления силами и средствами, подчиненными органами и подразделениями.

Основное назначение критерия оценки работы — по возможности точно наметить ту планку, определить реальную точку отсчета (репер), при достижении которой можно говорить об успешности решения поставленных задач и, соответственно, оценить результативность управления, эффективность воздействия на управляемую систему, в конечном счете — эффективность достижения целей управления, без чего сами понятия «управление» и «эффективное управление» лишены конкретного содержания, теряют реальные очертания и смысловую значимость. При определении критериев эффективности управления во внимание принимаются данные, которые характеризуют статистику организации (оргструктурное, штатное и кадровое построение, материально-техническое и финансовое обеспечение ОВД). Например, в следственных подразделениях МВД России при проверке по направлению «Управление подчиненными органами и подразделениями» изучается и оценивается состояние функциональной структуры подразделения: наличие положения о следственном подразделении и соответствие его содержания требованиям ведомственных нормативных правовых актов; соответствие организационной структуры подразделения типовой схеме и состоянию оперативной обстановки; наличие должностных инструкций на всех сотрудников, полнота определения их прав и обязанностей в соответствии с занимаемой должностью и фактической деятельностью, определение ответственности за их несоблюдение; упорядоченность и эффективность организационных связей между подразделениями органа предварительного следствия; рациональное распределение обязанностей между сотрудниками¹⁰.

⁹ Параметрический анализ (применительно к теме) — аналитический метод исследования, связанный с процессом структурного, функционального и информационного анализов и выявления детерминированных зависимостей между управленческим и исполнительским уровнями в организациях (подразделениях) для оценки эффективности системы управления на основе определения количественных значений ее показателей. Например, одним из элементов параметрического анализа является анонимный опрос подчиненных подразделения в отношении своего руководителя о качестве и потенциале его организаторских способностей при решении оперативно-служебных задач правоохранительной деятельности.

¹⁰ П. 12.1 Методики организации и проведения проверок на-

Они с качественно-количественной стороны отражают надежность функционирования подразделений, их устойчивость, управляемость. На основании других критериев, характеризующих динамику процессов управления, выявляется оперативность принятия управленческих решений, ритмичность функционирования, непрерывность, способность адаптироваться к осложнениям в оперативной обстановке.

Названные оценочные параметры и их умелая реализация в значительной мере зависят от аппарата управления (профессионализма его сотрудников, их опытности, ответственности), и если эти параметры количественно выявить с помощью отобранных показателей, то этим самым косвенно будет выявлена эффективность управления по заданным критериям.

Критерии оценки эффективности управленческой деятельности представляют собой основания, на базе которых делается вывод о ее полезности, результативности. Важность выбора правильных критериев оценки эффективности определяется тем, что итоговый результат управленческой деятельности в решении правоохранительных задач может быть ошибочно признан удовлетворительным, если показатели избраны неверно. Например, в приложении 1 к Руководству по изучению и оценке деятельности штабных подразделений территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на окружном, межрегиональном и региональном уровне в ходе инспекторских, контрольных и целевых проверок (утв. распоряжением МВД России от 24 апреля 2012 г. № 1/3236 «Об изучении и оценке деятельности штабных подразделений и инспекций территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровне», утратило силу) информационно-аналитическое обеспечение руководителя проверяемого органа расценивалось удовлетворительно, когда «...регулярно осуществляется комплексный анализ оперативной обстановки в регионе и прогноз состояния преступности». Здесь налицо количественный подход к оценке и игнорирование качества работы при ответе на вопрос: насколько использование выводов и предложений, вытекающих из анализа и прогноза оперативной обстановки в регионе, помогло осуществлению правоохранительной деятельности? Информационно-аналитическую работу нельзя оценивать только по количеству подготовленных документов, по числу занятых ею сотрудников и нагрузке на них. Ее критериями должны служить научная обоснованность, надежность аналитических вы-

правлений деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России (приложение 3 к распоряжению МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России»).

водов и степень использования предложений аналитиков в управленческих документах.

Именно этот подход в настоящее время взят за основу при измененной системе критериев по направлению «Анализ и прогноз состояния преступности, выработка мер по укреплению правопорядка», когда в анализируемых информационно-аналитических материалах, направляемых в различные инстанции (МВД России, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления, другие органы), содержатся проблемные вопросы правоохранительной деятельности и конкретные предложения по их разрешению на соответствующем уровне¹¹.

Критерии эффективности обретают свое истинное назначение при помощи определенной совокупности взаимосвязанных и обусловленных между собой показателей. Показатель¹² как характеристика наблюдаемого объекта, процесса или его результата выражается в количественном формате и может оценивать эффективность управления во времени и пространстве, отображая статический и динамический аспекты критерия. Показатели придают числовую либо качественную определенность критериям, позволяют измерить степень¹³ выраженности соответствующего критерия в оцениваемом явлении, играют приводную роль по отношению к критерию¹⁴. Термин «показатель», являясь характеристикой результативности и эффективности, дает возможность определить его количественную меру и осуществить необходимые сравнения и оценки [9, с. 9]. Интегральный показатель оценки эффективности управленческой деятельности на практике выражается простой качественной формулировкой — *соответствие занимаемой должности*.

По содержательному значению показатели делятся: на положительные, количественный рост которых свидетельствует об увеличении эффективности деятельности, и отрицательные, ког-

да их количественная величина свидетельствует о снижении эффективности труда¹⁵. Показатели могут быть абсолютными, фиксирующими первичное конкретное состояние процесса, относительными, которые рассчитываются по первичным показателям, выраженным в статистических сведениях, обобщенными, представленными в виде конечного (итогового) цифрового обозначения, интервальными, фиксирующими данные за определенный временной промежуток, а также взвешенными, преобразованными с учетом фиксированных коэффициентов относительной значимости, необходимых для выделения важности тех или иных направлений деятельности, учета трудозатрат, необходимых при достижении результатов, и стимулирования деятельности¹⁶. В практике широко используются целевые показатели, которые требуются для измерения и анализа прогнозируемых (возможных) конечных итогов запланированных мероприятий¹⁷.

Роль показателей важна в силу того, что существует опасность необъективной оценки, когда останутся без рассмотрения важнейшие сферы управленческой деятельности, и, наоборот, при их избытке в потоке информации затеряются ключевые вопросы организаторской работы руководителя [8, с. 220]. С другой стороны, «работа на показатели» наносит ущерб достижению общих задач правоохранительной деятельности и дискредитирует органы внутренних дел. Так, в ходе инспекторских проверок выявление фактов нацеливания личного состава на достижение количественных показателей при осуществлении оперативно-служебной деятельности расценивается отрицательно с решением вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности руководителей и сотрудников проверяемого органа¹⁸. Показатели разрабатываются в соответствии с требованиями, которые в удобной для восприятия форме можно отразить в таблице (табл. 1).

¹¹ П. 1.2 таблицы оценки управленческой деятельности (приложение к Методике изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России, утв. распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 «Об утверждении Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России»).

¹² То, по чему можно судить о развитии и ходе чего-нибудь. (Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва, 2017. С. 447.)

¹³ Степень — сравнительная количественно-качественная величина, характеризующая какое-либо явление, процесс. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1042890> (дата обращения: 18.10.2021).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915».

¹⁵ Приложение 1 к распоряжению МВД России от 2 февраля 2016 г. № 1/738 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России».

¹⁶ П. 10 Руководства по ведомственной оценке деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном уровне (приложение 1 к распоряжению МВД России от 6 ноября 2015 г. № 1/9078 «О системе изучения и оценки деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном уровне»).

¹⁷ П. 14.2 Методических основ по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования (утв. распоряжением МВД России от 16 октября 2020 г. № 1/11674 «Об утверждении Методических основ по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования»).

¹⁸ П. 12.12 распоряжения МВД России от 29 июня 2020 г. № 1/6915 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России»».

Таблица 1

Требования, предъявляемые к показателям

1	Отражать соответствие государственной политики и ведомственных целевых установок по активному противодействию преступности
2	Выражать ясное представление о степени достижения правоохранительных целей
3	Показывать ключевые (значимые) направления управленческой деятельности
4	Представлять из себя системное образование с тесными взаимосвязями и взаимозависимостями
5	Исключать двусмысленность, быть легкодоступными для понимания и толкования
6	Обладать научной обоснованностью, соответствовать установкам национального законодательства и потребностям сложившейся практики
7	Представлять в должной мере в своей совокупности эффективность управленческой деятельности всей системы
8	Быть объективными и проверяемыми, соответствовать заданными критериями
9	Обладать гибкостью и адаптируемостью к различного рода изменениям инновационных технологий, факторов внешней среды
10	Обеспечивать мотивацию к повышению результативности управленческого труда
11	Количественно быть минимальным, но достаточным для объективных выводов по оценке эффективности управленческой деятельности и принятия решения

Индикатор¹⁹ с точки зрения современной социологии: измеряемая величина, которая отображает качественные либо количественные изменения текущего состояния (события, явления, процесса) какого-либо параметра контролируемого объекта наблюдения²⁰. По сути, индикатор — тот же показатель, значение которого характеризует уровень достижения критериев. В научный инструментарий входят «индикативные показатели», представляющие из себя сумму показателей, которые количественно характеризуют какой-либо вид деятельности и используются в ходе мониторинга функционирования социальных систем при сборе сведений, их анализе, выявлении актуальных проблем, определении причин возникновения. Они отражают степень соответствия результатов деятельности затратам и издержкам, понесенным в ходе выполнения задач²¹. Существуют ключевые индикаторы эффективности — KPI (Key performance indicators), измеряющие и оценивающие степень достижения результата, которые базируются на совокупности сбалансированных количественных величин (показателей)²².

¹⁹ Индикатор (от нем. *indicator* — указывать) — прибор, служащий для отображения в удобной для человека форме количественных или качественных характеристик какого-либо процесса или объекта наблюдения. (Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. Москва, 2003. С. 234.)

²⁰ URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (дата обращения: 18.10.2021).

²¹ Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 17 мая 2016 г. № 934-р (ред. от 07.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Ключевые индикаторы эффективности (URL: <https://ecouniver.com/5692-klyuchevye-indikatory-yeffektivnosti-yeffektivnost.html> (дата обращения: 18.10.2021)). В научной литературе, нормативных правовых актах KPI чаще упоминают как ключевые показатели эффективности.

Сравнивая представленные дефиниции (критерии, индикаторы и показатели), можно говорить о том, что, по существу, речь идет об одном и том же процессе измерения и фиксации в принятых величинах (количественных/качественных) наблюдаемого явления, фактического состояния. Очевидным становится факт, что измерители оценки эффективности взаимосвязаны и взаимообусловлены, обладают высокой корреляционной зависимостью, потому часто эти понятия используют как тождественные. Изучая эти категории, необходимо выявить те признаки, по которым их можно разграничить. Трудность заключается в том, что принципиальные различия между ними не всегда очевидны, поскольку, как уже указывалось выше, и критерии, и показатели, и индикаторы могут выражаться как в количественной, так и в качественной форме, следовательно, по этому признаку их разграничить нельзя.

Тем не менее важно подчеркнуть мысль о том, что с методологических позиций именно критерий является базой для оценки эффективности управленческой деятельности. По большому счету эта категория должна отражать общественную оценку, социальное мировоззрение на правоохранительную деятельность [4, с. 18, 21]. Показатели, индикаторы лишь дают возможность количественно описать качество организаторского труда, стремление к получению максимальной производительности управленческой деятель-

ecouniver.com/5692-klyuchevye-indikatory-yeffektivnosti-yeffektivnost.html (дата обращения: 18.10.2021)). В научной литературе, нормативных правовых актах KPI чаще упоминают как ключевые показатели эффективности.

ности, выраженной в критериях. Что касается отличия показателей от индикаторов, то последние выражают достигнутый уровень, то есть характеристику величины качества в цифровом эквиваленте²³ и установленном пороговом значении диапазона, который удовлетворяет (неудовлетворяет) предъявляемым требованиям.

Сложность описания измерений, некорректность используемых терминов, их подмену можно заметить в методиках по изучению и оценке управленческого труда по всем направлениям деятельности в системе МВД России. Так, документационное обеспечение управления в большинстве методик обозначается как показатель, а критерий представлен как условие оценки индикатора²⁴ и измеряется в процент-

ном отношении²⁵. В одной из методик (в сноске) — обозначается как критерий, по которому на основе имеющихся индикаторов выставляется оценка²⁶, или критерий как условие оценки индикатора²⁷. В некоторых методиках критерий оценки расценивается как индикатор²⁸.

В практическом аспекте в руководствах по изучению и оценке эффективности деятельности подразделений территориальных органов МВД России в ходе инспекторских и целевых проверок представлены формы оценочных таблиц. Так, таблица оценки эффективности деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне²⁹ выглядит следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Методика оценки эффективности деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне

№ п/п	Показатель	Индикатор	Критерий оценки	Оценка
1	2	3	4	5

Таблица оценки деятельности территориального органа МВД России по взаимодействию с инсти-

тутами гражданского общества и средствами массовой информации имеет следующий вид³⁰ (табл. 3):

Таблица 3

Методика оценки деятельности территориального органа МВД России по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации

№ п/п	Показатели	Критерии (условия) оценки	
		«удовлетворительно» (положительные критерии)	«неудовлетворительно» (отрицательные критерии)
1	2	3	4

Здесь индикаторы отсутствуют. Кроме того, сомнительным термином именуются «отрицательные критерии». Несколько иная

форма используется в таблице оценки управленческой деятельности в территориальных

²³ Эквивалент — нечто равноценное, равнозначное, равносильное другому. (Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва, 2007. С. 902.)

²⁴ П. 9 Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России (приложение к распоряжению МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 «Об утверждении Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России»).

²⁵ Распоряжение МВД России от 2 февраля 2016 г. № 1/738 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России»»; приложение 2 к распоряжению МВД России от 4 марта 2016 г. № 1/1826 «Об утверждении Методики изучения и оценки эффективности деятельности территориальных органов МВД России (структурных подразделений) по защите сведений, составляющих государственную тайну, и работе с обращениями граждан и организаций».

²⁶ П. 15.1 Перечня изменений, вносимых в специальную методику оценки фактического состояния эффективности деятельности подразделений уголовного розыска (приложение к распоряжению МВД России от 10 февраля 2016 г. № 1/1018 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 6 ноября 2015 г. № 1/9078»).

²⁷ Приложение к Методике изучения и оценки эффективности

деятельности территориальных органов МВД России по направлениям, входящим в компетенцию дежурных частей и подразделений, осуществляющих контроль за их оперативно-служебной деятельностью (утв. распоряжением МВД России от 28 мая 2020 г. № 1/5696 «О внесении изменений в распоряжение МВД России от 26 сентября 2017 г. № 1/11769 «Об утверждении методики оценки деятельности дежурных частей и Методики оценки готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств инспектируемого (проверяемого) территориального органа МВД России»»).

²⁸ Приложение 1 к Методике изучения и оценки деятельности территориальных органов МВД России по повышению качества предоставления государственных услуг и обеспечению их доступности (утв. распоряжением МВД России от 31 августа 2017 г. № 1/10667).

²⁹ Приложение к Руководству по изучению и оценке эффективности деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне (утв. распоряжением МВД России от 27 ноября 2020 г. № 1/13346 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне»).

³⁰ Приложение к Методике изучения оценки деятельности территориального органа МВД России по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации (утв. распоряжением МВД России от 28 января 2020 г. № 1/786).

органах МВД России, реквизиты которой приняты большинством подразделений оцениваемых направлений работы (табл. 4) ³¹.

Таблица 4

Методика оценки управленческой деятельности в территориальных органах МВД России

№ п/п	Показатель	Индикатор	Критерий (условие) оценки индикатора	Значение индикатора	Оценка
1	2	3	4	5	6

Проблема состоит в том, что представленные оценочные таблицы различных подразделений (департаментов, главных управлений, управлений) и актуальных направлений деятельности ³² многофункциональной системы МВД России во многих случаях не верифицируются ³³, потому трудно сопоставимы в силу многообразия конкретных и специфических задач. Таким образом, как бы отсутствует необходимость в создании универсальных (типовых) форм. Так же как и детальная конкретизация критериев, показателей, использование индикаторов, выражающих особенности оперативно-служебной

деятельности подразделений, мало поддается типизации. И тем не менее можно сделать вывод, что одним из условий архитектуры ³⁴ ведомственных методик должен быть корректный (однозначный, непротиворечивый) и определенным образом формализованный подход, отражающий основные начала форм и базовых измерителей доминирующих направлений деятельности.

Проанализируем содержательную часть наполнения оценочных таблиц. Рассмотрим, например, фрагмент таблицы оценки управленческой деятельности (табл. 5) ³⁵.

Таблица 5

Методика оценки управленческой деятельности в территориальных органах МВД России (фрагмент)

№ п/п	Показатель	Индикатор	Критерий (условие) оценки индикатора	Значение индикатора	Оценка
1		3	4	5	6
5	Направление «Управленческая деятельность руководства проверяемого органа»				
5.3	Организация подготовки, проведения заседаний коллегии, совещаний	Издание регламентов (положений) работы коллегии проверяемого органа, совещания у руководителя проверяемого органа при сохранении подходов, предусмотренных приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 948	Регламенты (положения) изданы и соответствуют подходам, предусмотренным приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 948, — «удовлетворительно»; не изданы или не соответствуют подходам, предусмотренным приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 948, — «неудовлетворительно»		

Предложенный теоретический взгляд дает основания утверждать, что мерилем оценки (критерием) в данном случае выступает качественная

характеристика важнейшей стороны управленческой деятельности — организация подготовки, проведения заседаний коллегии, совещаний.

³¹ Приложение к Методике изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России (утв. распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 «Об утверждении Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России»).

³² Методика комплексной оценки деятельности по выполнению указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598, 601, 602, 606 при проверках территориальных органов МВД России (приложение к распоряжению МВД России от 3 апреля 2017 г. № 1/3845); Методика изучения и оценки готовности инспектируемого (проверяемого) территориального органа МВД России к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций) (приложение 1 к распоряжению МВД России от 20 декабря 2020 г. № 1/14412).

³³ Верификация (от лат. *verus* — истинный, *facio* — делаю) — способ подтверждения, проверяемость, эмпирическое подтверждение теоретических алгоритмов, положений, процедур или программ, сопоставляя их с эталонными, эмпирическими, опытными данными, программами или алгоритмами. URL: <https://biznes-prost.ru/verifikaciya.html> (дата обращения: 18.10.2021).

³⁴ Архитектоника — соразмерное расположение частей, гармоническое сочетание их в одно целое. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 18.10.2021).

³⁵ П. 2.11 Перечня изменений, вносимых в Методику изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России, утвержденную распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 (приложение к распоряжению МВД России от 29 июня 2020 г. № 1/6903).

От эффективности проведения организационных мероприятий, коллективной работы и роли в ней руководителя при рассмотрении всего спектра актуальных вопросов оперативно-служебной деятельности в подразделениях, органах внутренних дел во многом зависят конечные результаты правоохранительной деятельности.

Однако далеко не секрет, что нередко совещания проводятся формально, без достаточной проработки выносимых на обсуждение вопросов и без выработки конкретных мер, направленных на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности, игнорируя соблюдение разумных ограничений по периодичности их проведения и количеству обсуждаемых тем. Так, неудовлетворительно оцениваются решения совещаний при руководстве территориального органа МВД России по вопросам повышения качества государственных услуг и обеспечения их доступности, которые не направлены на повышение эффективности служебной деятельности, носят декларативный, шаблонный характер, либо выполнение протокольных решений подчиненными органами не обеспечено³⁶. По данным Е. В. Кушнareвой, проведенный экспресс-опрос (в опросе приняли участие 1 044 руководителя системы ГУ МВД России по г. Москве) показал, что 70 % опрошенных респондентов считают проведение плановых совещаний наиболее эффективной формой принятия управленческих решений [7, с. 426]. Поэтому совершенно обоснованно разработчики включили данный критерий в число приоритетов при изучении и оценке управленческой деятельности руководства проверяемого органа.

Предполагается, что организационная сторона подготовки, проведения заседаний коллегии, совещаний отражает наилучшую характеристику проведенной работы, желаемое состояние (эталон). И здесь возникает вопрос: какие признаки говорят о продуктивности проведенного совещания? Нужно учитывать, что зачастую довольно сложно оценить уровень адекватности любого принятого решения его оптимальному варианту из-за того, что приходится учитывать ряд прямых или косвенных обстоятельств, зависимость между которыми в намеченный временной отрезок расплывчата или вовсе отсутствует [3, с. 105]. Иными словами, какой результат необходимо измерить, чтобы положительно оценить коллективный формат решения актуальных проблем оперативно-служебной деятельности? Полагаем, существенными

промежуточными признаками, которые количественно-качественно можно выразить показателями, являются принятые и зафиксированные в протоколах совещаний решения. Эти установления формируют управляющее воздействие, характеризуют общую направленность, четко определяют конкретный спектр действий, формы и методы их реализации объектами управления и ведут к практическим результатам стратегического или тактического характера с учетом требований, предъявляемых к управленческим решениям³⁷. Окончательными характеристиками эффективности проведения заседаний коллегии, совещаний являются показатели улучшения результатов оперативно-служебной деятельности, которые напрямую можно связать с разработанными в результате коллективной формы работы решениями правоохранительных задач.

Что касается представленных в таблице оценки управленческой деятельности индикаторов (издание регламентов (положений) работы коллегии проверяемого органа, совещания у руководителя проверяемого органа при сохранении подходов, предусмотренных приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 948), то они вовсе не являются таковыми. В данном фрагменте зафиксированы лишь условия, соблюдение которых может привести к достижению желаемого результата.

Система научно обоснованных критериев и показателей эффективности управленческой деятельности является измерителем результатов с количественной либо качественной стороны. Для того чтобы система критериев оценки управленческой деятельности носила не формальный, а объективный характер, должна существовать однозначная и понятная для всех органов внутренних дел шкала показателей оценки эффективности.

В качестве логического завершения анализа научного инструментария эффективности управленческой деятельности в территориальных органах МВД России предложим на одном примере свое видение формата оценочной таблицы управленческой деятельности и ее содержательного наполнения, положив в основу такие принципы, как научная обоснованность, простота заполнения (табл. 6).

Авторское видение является лишь одним из шагов к теоретическому обоснованию научного инструментария оценки эффективности управленческой деятельности, релевантно-

³⁶ П. 2.4.2 перечня изменений, вносимых в распоряжение МВД России от 31 августа 2017 г. № 1/10667 «Об утверждении Методики изучения и оценки деятельности территориальных органов МВД России по повышению качества предоставления государственных услуг и обеспечению их доступности».

³⁷ К ним относятся: законность, эффективность, научная обоснованность, своевременность, значимость, гибкость по отношению к исполнителям, способность решать проблему полностью или на длительный срок, ресурсная обеспеченность, непротиворечивость ранее принятым стратегическим решениям, целесообразность, полномочность и власть [5, с. 13, 16].

Таблица 6

Методика оценки управленческой деятельности в территориальных органах МВД России (фрагмент)

№	Критерий	Показатель	Индикатор	Коэф. значимости ³⁸ (1–5)	Оценка
1	2	3	4	5	6
	Организация подготовки, проведения заседаний коллегии, совещаний	Принятые решения актуальны, конкретны, адресны, ресурсно обеспечены, с указанием путей и сроков их выполнения	Удельный вес принятых решений (протоколов заседаний коллегии, совещаний), отвечающих требованиям к управленческим решениям ³⁹ (80 %) в общем числе проверенных	2	Решения заседаний коллегии, совещаний положительно повлияли на результаты оперативно-служебной деятельности и выполнение правоохранительных задач – «удовлетворительно». Решения заседаний коллегии, совещаний не привели к желаемым результатам – «неудовлетворительно»

сти их применения с точки зрения практического использования. Здесь требуется широкое обсуждение важнейшей стороны оперативно-служебной деятельности – анализа и оценки организаторского труда руководителя. Однако следует подчеркнуть, что применение индивидуальной оценки эффективности работы руко-

водителя не должно рассматриваться в качестве самоцели. Измерение успешности руководителя напрямую сопряжено со сложным трудом возглавляемого им коллектива, подразделения, органа внутренних дел, от которых в конечном итоге зависят конечные результаты правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Богомолова О. Ю. Оценка эффективности труда работника как средство управления персоналом // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1.
2. Бюллер Е. А. и др. Формы и методики оценки эффективности труда руководителя // The scientific heritage. 2020. № 54.
3. Воронов Н. А., Удалов Ф. Е., Ягунова Н. А. Управленческий потенциал: ретроспективно-перспективный анализ // Вестник НГИЭИ. 2017. № 3 (70).
4. Гиммельрейх О. В. О критериях оценки эффективности организационно управленческой деятельности органов внутренних дел // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2019. № 2 (38).
5. Демидова И. А. Управленческое решение: правовая природа, алгоритм принятия, критерии эффективности // Академическая мысль. 2020. № 1 (10).

References:

1. Bogomolova O. Yu. Ocenka effektivnosti truda rabotnika kak sredstvo upravleniya personalom // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2018. № 1.
2. Byuller E. A. i dr. Formy i metodiki ocenki effektivnosti tru-da rukovoditelya // The scientific heritage. 2020. № 54.
3. Voronov N. A., Udalov F. E., Yagunova N. A. Upravlencheskij po-tencial: retrospektivno-per-spektivnyj analiz // Vestnik NGIEI. 2017. № 3 (70).
4. Gimmel'rejh O. V. O kriteriyah ocenki effektivnosti organiza-cionno upravlencheskoj deyatel'nosti organov vnutrennih del // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2019. № 2 (38).
5. Demidova I. A. Upravlencheskoe reshenie: pravovaya priroda, al-goritm prinyatiya, kriterii effektivnosti // Akademicheskaya mysl'. 2020. № 1 (10).
6. Kasenov R. B. Metodika ocenki rezul'tatov deyatel'nosti rabotnikov organizacii (podgotovlen dlya sistemy «Konsul'tantPlyus»,

³⁸ Для выделения значимости тех или иных направлений деятельности, учета трудозатрат, необходимых для достижения конечных результатов, в методиках анализа и оценки эффективности деятельности широко используются коэффициенты значимости, имеющие различную шкалу численного значения (п. 10 Руководства по ведомственной оценке деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном уровне (приложение 1 к распоряжению МВД России от 6 ноября 2015 г. № 1/9078)).

³⁹ К ним относятся: законность, эффективность, научная обоснованность, своевременность, значимость, гибкость по отношению к исполнителям, способность решать проблему полностью или на длительный срок, ресурсная обеспеченность, непротиворечивость ранее принятым стратегическим решениям, целесообразность, полномочность и власть.

6. Касенов Р. Б. Методика оценки результатов деятельности работников организации (подготовлен для системы «Консультант-Плюс», 2021.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кушнарева Е. В. О совершенствовании правовой регламентации института оперативных совещаний в системе МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3 (45).
8. Непарко М. В., Долбин В. М. Методология оценки деятельности таможенных органов и ее совершенствование // Вестник Академии знаний. 2019. № 35 (6).
9. О критериях оценки эффективности деятельности руководителей профсоюзных организаций: научно-методические рекомендации / И. Ю. Богачева, С. Е. Демидова, А. И. Чекменев. Москва, 2013.
10. Организация управления органами внутренних дел (термины, определения): учебное пособие / Ульянов А. Д. и др.; отв. ред. В. И. Долинко. Москва, 2019.
11. Петросян Д. С. [и др.]. Объективная оценка результатов труда как фактор обеспечения национальной безопасности: вопросы теории и методологии // Инновации и инвестиции. 2020. № 3.
- 2021.) [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Kushnareva E. V. O sovershenstvovanii pravovoj reglamentacii instituta operativnyh soveshchanij v sisteme MVD Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 3 (45).
8. Neparco M. V., Dolbin V. M. Metodologiya ocenki deyatel'nosti tamozhennyh organov i ee sovershenstvovanie // Vestnik Akademii znanij. 2019. № 35 (6).
9. O kriteriyah ocenki effektivnosti deyatel'nosti rukovoditelej profsoyuznyh organizacij: nauchno-metodicheskie rekomendacii / I. Yu. Bogacheva, S. E. Demidova, A. I. Chekmenev. Moskva, 2013.
10. Organizaciya upravleniya organami vnutrennih del (terminy, opredeleniya): uchebnoe posobie / Ul'yanov A. D. i dr.; отв. red. V. I. Dolinko. Moskva, 2019.
11. Petrosyan D. S. [i dr.]. Ob"ektivnaya ocenka rezul'tatov truda kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: voprosy teorii i metodologii // Innovacii i investicii. 2020. № 3.

Для цитирования:

Ульянов Александр Данилович. Научный инструментарий оценки эффективности управленческой деятельности в территориальных органах МВД России. 2022. № 1 (61). С. 48–60.

For citation:

Ul'yanov Aleksandr Danilovich. Scientific Tools for Assessing the Effectiveness of Management Activities in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 48–60.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО и уголовный процесс

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ АНТОНОВ,
начальник научно-исследовательского отдела,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации
Российская Федерация, 190000,
г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 96
E-mail: docantonov@yandex.ru

IGOR ALEKSEEVICH ANTONOV,
Head of research Department,
Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences
St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
Russian Federation, 190000,
St. Petersburg, Moika river embankment, 96
E-mail: docantonov@yandex.ru

ЛЕНАР ВАЗЫХОВИЧ САТДИНОВ,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: LenarSV01@mail.ru

LENAR VAZIHOVICH SATDINOV,
Senior Researcher at the Research Center,
Candidat of Law
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: LenarSV01@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific Specialty:
12.00.09 — Criminal Process.

УДК 343

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-61-69

Дата поступления: 4 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Факторы, препятствующие установлению объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления

Factors Hindering the Establishment of Objective Truth and Criminal Procedural Means of Overcoming Them

Аннотация

В статье на основе суждения о том, что достижение провозглашенного в уголовно-процессуальном законе назначения уголовного судопроизводства невозможно без установления объективной истины при производстве по уголовному делу, и в рамках проведенного исследования причин, препятствующих отысканию объективной истины в современном уголовном процессе, ав-

Abstract

The article presents an analysis of the factors that impede the establishment of objective truth in the modern criminal process. In addition, the authors, within the framework of the study, propose a system of effective criminal procedural means of overcoming the factors that impede the establishment of objective truth in criminal proceedings.

торы формулируют перечень уголовно-процессуальных средств по уменьшению и преодолению факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при производстве по уголовным делам, а также объективная истина, отыскание которой рассматривается в качестве основной задачи, чтобы добиться положительного результата всей уголовно-процессуальной деятельности.

Предмет исследования составляют факторы, препятствующие установлению объективной истины при производстве по уголовным делам.

Цель исследования заключается в разработке и обосновании системы эффективных уголовно-процессуальных средств уменьшения и преодоления факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном процессе.

Задачами исследования выступают раскрытие сущности объективной истины для сферы уголовного судопроизводства как определенного положительного результата всей уголовно-процессуальной деятельности, позволяющего государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, принять справедливое решение; выявление факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, с последующей выработкой предложений по совершенствованию системы уголовно-процессуальных средств их уменьшения и преодоления.

Методы исследования: основные аргументы, суждения, выводы и предложения, сформулированные в статье, базируются на использовании общих и специальных методов научного познания, в частности: формально-логический применялся при построении логических умозаключений и обосновании позиции по вопросу установления объективной истины при производстве по уголовным делам; анализ и синтез позволили обосновать предложения о развитии системы уголовно-процессуальных средств уменьшения и преодоления факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном процессе.

Методология исследования основывается на теоретическом и эмпирическом уровнях научного познания, на изучении научных трудов и нормативных правовых актов, раскрывающих сущность и содержание уголовного судопроизводства и установление объективной истины, на анализе правоприменительной практики производства по уголовным делам, позволившем выявить факторы, препятствующие отысканию объективной истины.

Научная новизна авторских идей состоит в том, что в работе содержится подробный анализ факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, без отыскания которой невозможно принятие справедливого ре-

The object of the research is objective truth, which in a scientific article is considered as a positive result of all criminal procedural activities.

The subject of this research is the system of factors that prevent the establishment of objective truth in criminal proceedings.

The purpose of the study is to conduct a generalized analysis of the factors that impede the establishment of objective truth in the criminal process, as well as to determine the range of effective criminal procedural means of overcoming them.

The aim of the study is a detailed study of objective truth as a certain positive result of the criminal procedural activity of persons conducting criminal proceedings with the subsequent development of proposals for improving the mechanism for achieving objective truth.

The research methods: the main arguments, judgments, conclusions and proposals in the scientific article are based on theoretical research in the field of science of criminal procedure. The main research methods were analysis and synthesis of criminal procedural concepts and phenomena.

The research methodology is based on the analysis of regulatory legal acts, scientific works and other sources of literature that reveal the essence and content of objective truth in the criminal process, as well as the essence and content of factors that prevent its establishment in the course of criminal proceedings.

The scientific novelty of the authors ideas lies in the fact that the work contains a detailed analysis of the factors that hinder the establishment of objective truth in criminal proceedings. In addition, the authors of the scientific article made an attempt to determine the range of the most effective criminal procedural means that neutralize the effect of factors that prevent the establishment of objective truth in the criminal process.

The conclusions: objective truth is one of the important and irreplaceable categories in criminal proceedings, serving primarily as an indicator of the ability of law enforcement agencies to establish all the circumstances of the crime as they took place in accordance with the actual (real) reality. But in order to achieve objective truth, the law enforcement officer must overcome a set of factors that prevent its establishment. In this regard, the work examines in detail the list of factors that impede the establishment of objective truth in criminal proceedings. In addition, the author of the scientific article have developed speci-

шения по уголовному делу, а также определен круг наиболее эффективных уголовно-процессуальных средств уменьшения и преодоления факторов, препятствующих установлению объективной истины.

Выводы: объективная истина представляет собой одну из важных категорий в уголовном судопроизводстве, выступающую, в первую очередь, показателем способности правоохранительных органов устанавливать все обстоятельства совершенного преступления, как они имели место в соответствии с фактической (реальной) действительностью. Но для достижения объективной истины при производстве по уголовным делам правоприменителю необходимо преодолеть целый ряд факторов, препятствующих ее установлению. В ходе исследования выявлены и в работе подробно раскрываются факторы, затрудняющие установление объективной истины в уголовном судопроизводстве, а также выработаны конкретные предложения, которые помогут государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, эффективно уменьшать и устранять их, чтобы обеспечить принятие справедливого решения на различных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: объективная истина; факторы, препятствующие установлению объективной истины; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальные средства; уголовно-процессуальная деятельность.

fic proposals that will help the law enforcement officer to restrain and neutralize the effect of factors that prevent the establishment of objective truth at various stages of the criminal process.

Keywords: objective truth; factors hindering the establishment of objective truth; criminal proceedings; criminal procedural means; criminal procedure.

Любая осознанная человеческая деятельность либо деятельность группы людей предполагает определенный результат. Результат является тем закономерным исходом и той закономерной целью, к которой стремится человек (либо группа людей) в ходе своей осознанной деятельности. По своему характеру, в зависимости от значимости для общества, результат деятельности человека, а также группы людей может быть как положительным, так и отрицательным.

Уголовный процесс, также представляя собой один из видов осознанной человеческой деятельности, не является в рассматриваемом ключе исключением и осуществляется с целью достижения для общества определенного положительного, социально значимого результата. Как представляется, в качестве данного положительного, социально значимого результата в уголовном судопроизводстве выступает установление объективной истины.

В истории уголовного процесса вопросы, связанные с объективностью, достижением истины при производстве по уголовным делам всегда вызывали интерес [12, с. 153] и оживленную дискуссию на страницах юридической

литературы [10, с. 52]. Не потеряли они своей актуальности и для современной уголовно-процессуальной науки [1, с. 39–42].

Изучение представленных в юридической литературе исследований, посвященных объективной истине в уголовном судопроизводстве [11, с. 233–239], свидетельствует о различных подходах к определению данного понятия, а также об отсутствии единообразного понимания ряда важных вопросов: относительно наличия или отсутствия объективной истины; возможности или невозможности ее достижения; целесообразности или нецелесообразности дополнения уголовно-процессуального закона требованием ее установления и др.

На рубеже XX и XXI веков в науке уголовного процесса начинают высказываться мысли, ставящие под сомнение верность суждений крупных отечественных ученых (М. С. Строговича, И. И. Мухина, Л. Д. Кокорева и др.) о сущности истины в правосудии, о презумпции невиновности и состязательности сторон.

В целом под истиной в уголовно-процессуальной науке принято понимать соответствие выводов, изложенных в процессуальном

решении (приговоре, постановлении), фактическим обстоятельствам исследуемого события [13, с. 165]. Установить истину означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности [7, с. 196–200].

В случае если в ходе уголовного судопроизводства уполномоченным должностным лицам удастся достоверно установить лицо, совершившее общественно опасное деяние, и все обстоятельства совершенного преступления, которые имеют значение для его правильной квалификации, а в дальнейшем и для правильного разрешения судом уголовного дела по существу, то можно с уверенностью констатировать факт достижения объективной истины, который закономерно и справедливо выступает положительным результатом всей уголовно-процессуальной деятельности. Этот результат соответствует ожиданиям общества от деятельности правоохранительных органов и обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства. Таким образом, установление объективной истины, безусловно, можно и следует называть положительным результатом всей уголовно-процессуальной деятельности.

При этом все же остается один очень важный вопрос: «Что представляет собой объективная истина и какова ее роль в современном уголовном процессе?».

Для ответа на него необходимо отметить, что объективная истина представляет собой одну из важных и незаменимых категорий в уголовном судопроизводстве, выступающую, в первую очередь, показателем способности правоохранительных органов устанавливать все обстоятельства совершенного преступления, как они имели место в соответствии с фактической (реальной) действительностью. Преступление, как и любое явление, многогранно. Оно совершается при определенных фактических обстоятельствах, совокупность которых и образует объективную истину. Любое из фактических обстоятельств совершенного преступления может тем или иным образом повлиять на ход расследования, а в дальнейшем и на процесс рассмотрения уголовного дела судом. Поэтому об установлении объективной истины можно утверждать только при установлении правоприменителем всех обстоятельств совершенного преступления, каждое из которых может иметь значение для правильной квалификации преступления, а в дальнейшем и для правильного разрешения уголовного дела судом по существу. Нельзя утверждать об установлении объективной истины, если должностными лицами, упол-

номоченными на расследование и разрешение уголовных дел, не установлены либо проигнорированы определенные обстоятельства совершенного преступления. Любое из установленных по уголовному делу обстоятельств может повлиять на характер принимаемого уполномоченными лицами процессуального решения, на дальнейший ход расследования по уголовному делу, а вместе с тем и на процессуальный статус участников уголовного судопроизводства. Более того, каждое из установленных обстоятельств совершенного преступления может оказать непосредственное влияние на вид приговора, провозглашаемый судом и представляющий собой итоговое процессуальное решение по уголовному делу.

При этом любое из фактических обстоятельств совершенного преступления, которое имело место в реальной (объективной) действительности, но осталось не установленным в ходе расследования и разрешения уголовного дела, автоматически не может учитываться должностными лицами при принятии ими процессуальных решений. Это негативно отражается на дальнейшем движении уголовного дела, а вместе с тем и на возможности полноценной реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, ведь это сказывается и на справедливости итогового решения по уголовному делу.

Без установления объективной истины не представляется возможным принять законное, обоснованное и мотивированное решение по уголовному делу как на первоначальных стадиях уголовного судопроизводства (в ходе досудебного производства), так и на последующих его стадиях. Таким образом, от того, установлена ли в ходе уголовного процесса объективная истина или нет, зависит дальнейшее правомерное движение уголовного дела. Неустановление объективной истины, как следствие, прямо исключает возможность принятия правоприменителем законного, обоснованного, мотивированного и справедливого итогового процессуального решения по уголовному делу.

От того, удалось ли правоохранительным органам установить объективную истину или нет, прямо зависит возможность реализации правоприменителем положений о назначении уголовного судопроизводства, которые официально провозглашены законодателем в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ). Так, невозможно представить, что защитить

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, можно не устанавливая объективную истину по уголовному делу. Равно так же невозможно представить, что защитить лицо от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод, возможно без установления объективной истины по уголовному делу.

В суждениях о важности установления истины в уголовном процессе и одновременном следовании принципу презумпции невиновности нет никаких противоречий. Напротив, суд устанавливает в приговоре то, что «должно быть абсолютно верно, не вызывать сомнений в своей истинности...» [5, с. 299]. Разве не это одна из главных характеристик принципа презумпции невиновности?

Таким образом, объективная истина играет в уголовном процессе очень важную, системообразующую роль, и ее установление, без всяких сомнений, можно называть положительным результатом всей уголовно-процессуальной деятельности, благодаря которому становится возможным реализовать законодательные положения, образующие назначение современного уголовного судопроизводства, и принимать законные, обоснованные и мотивированные решения на любом из этапов уголовного судопроизводства. Установление истины в уголовном процессе имеет, кроме того, важное нравственное значение [8, с. 209–223]. Стремление к объективной истине, нацеленность отечественного законодателя, а вместе с ним и отечественного правоприменителя на полное и исчерпывающее установление фактических обстоятельств любого совершенного преступления является исконной чертой российского уголовного судопроизводства.

Однако в то же время необходимо отметить, что любой положительный результат в любом виде деятельности достигается не всегда просто, а зачастую путем преодоления определенных трудностей. На пути к любому благу, в любом виде деятельности, как известно, лежит череда препятствий, которые необходимо успешно преодолеть, чтобы добиться этого блага.

Объективная истина (ее установление) как положительный результат уголовно-процессуальной деятельности также не является исключением, и для ее достижения правоприменителю необходимо преодолеть совокупность факторов, препятствующих ее установлению. Эти факторы различны по своему содержанию и уровню сопротивления. Они могут быть естественными и искусственно создаваемыми заинтересованными лицами. Для того чтобы по-

нять содержание и сущность факторов, препятствующих установлению объективной истины, а главное успешно преодолевать их в ходе расследования и разрешения уголовных дел, необходимо, прежде всего, детально изучить и проанализировать эти факторы, а также определить круг эффективных уголовно-процессуальных средств их уменьшения и устранения.

Итак, в качестве первого и основного фактора, препятствующего установлению объективной истины в уголовном процессе, следует назвать некачественный и неполный сбор материала при проверке сообщения о преступлении уполномоченными на это должностными лицами. Уголовно-процессуальный закон в ст. 144 определяет порядок рассмотрения сообщения о преступлении и устанавливает, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и вынести по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Таким образом, вышеуказанной нормой законодатель четко и однозначно наделяет соответствующих должностных лиц процессуальной обязанностью реагировать на любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении. Более того, нельзя не обратить внимание, что в рассматриваемой статье законодатель определяет перечень уголовно-процессуальных средств для установления объективной истины уже при проверке сообщения о преступлении. Здесь также необходимо отметить, что после поступления сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в правоохранительные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять проверку сообщения о преступлении, находятся в более благоприятной ситуации для установления обстоятельств совершенного преступления в полном объеме. Объясняется это тем, что, как правило, между событием совершения преступления и установлением факта его совершения правоохранительными органами проходит небольшой период времени, что, безусловно, положительно сказывается на возможности установления уполномоченными должностными лицами объективной истины в самые короткие сроки. Обстоятельства совершенного преступления всегда легче и быстрее устанавливаются, когда разрыв во времени между фактом совершения преступления и установлением обстоятельств его совершения является небольшим. Об этом свидетельствует одно из основополагающих положений криминалистической науки, которое определяет, что раскрывать преступление всегда легче и проще «по горячим следам» не-

жели после длительного расследования в классическом виде.

При этом необходимо отметить, что имеющиеся благоприятные возможности для установления объективной истины на этапе проверки сообщения о преступлении могут быть реализованы правоприменителем лишь при условии оперативного реагирования на сообщение о преступлении, а также полной, качественной и всесторонней проверки сообщения о преступлении уполномоченными на это должностными лицами. Несвоевременное реагирование на сообщение о преступлении, неполная и некачественная проверка поступившего сообщения о преступлении, а вместе с тем непроизводство, либо несвоевременное производство необходимых следственных и иных процессуальных действий, правом производства которых законодатель наделил органы дознания и предварительного следствия в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, волокита материала проверки сообщения о преступлении, безусловно, является фактором, препятствующим установлению объективной истины по уголовному делу. И здесь одним из самых эффективных уголовно-процессуальных средств устранения вышеуказанного фактора, препятствующего установлению объективной истины, выступает прокурорский надзор, а также процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, осуществляемые за ходом и результатами проверки сообщения о преступлении.

Вторым фактором, препятствующим установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, следует назвать наличие заинтересованных лиц, которые противодействуют государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу. В производстве по многим уголовным делам имеются участники уголовного судопроизводства, которые не заинтересованы в полном и достоверном установлении всех обстоятельств совершенного преступления. Их личная заинтересованность в исходе уголовного дела может напрямую вступать в противоречие с необходимостью установления объективной истины об обстоятельствах совершенного деяния. Такие участники уголовного судопроизводства любыми способами стараются противодействовать нормальному ходу расследования преступления, производству следственных и иных процессуальных действий, затягивать их производство, давать заведомо ложные показания, тем самым направляя предварительное расследование по долговому пути достоверного установления всех обстоятельств, входящих в предмет

доказывания. Нередко данные участники вмешиваются и в сам процесс доказывания, стремясь повлиять на ход и результаты сбора, проверки и оценки доказательств уполномоченными на это должностными лицами. Кроме этого, не заинтересованные в установлении объективной истины лица часто оказывают противоправное воздействие на потерпевших и свидетелей по уголовному делу, угрожая последним расправой, а также расправой в отношении близких родственников, вынуждая их таким образом давать заведомо ложные, не соответствующие объективной действительности показания.

Основным уголовно-процессуальным средством противодействия данному фактору, то есть фактору противоправной деятельности заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, является уровень профессионального мастерства лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Основная (первоначальная) сложность и проблема в реализации предотвращения незаконного влияния на ход и результаты уголовного судопроизводства заинтересованными на это участниками заключается в профессиональном умении следователя, дознавателя и судьи своевременно выявлять таких лиц. Для этого лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно обладать необходимым уровнем знаний по общей и юридической психологии, обладать навыками профессионального общения с такими лицами, позволяющими выводить их на «чистую воду» и пресекать незаконную деятельность в рамках уголовного дела. Кроме этого, лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, должно руководствоваться положениями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»², ограждая указанных участников от незаконного влияния со стороны заинтересованных в исходе (определенном, выгодном только им) уголовного дела лиц.

Третьим фактором, препятствующим установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, следует назвать субъективизм и предвзятость лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Если в ходе предварительного расследования следователь и дознаватель будут проявлять предвзятость и субъективизм, руководствуясь при принятии и вынесении процессуальных решений личными, субъективными предубеждениями

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

ями о виновности или невиновности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, то можно с уверенностью предположить, что в ходе такого расследования объективная истина не будет установлена. Появление обвинительного или оправдательного уклона в действиях лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, просто предполагает невозможность установления объективной истины по уголовному делу. У субъекта уголовно-процессуального доказывания должна быть социальная установка, ориентирующая его на достижение достоверности получаемого в процессе расследования уголовного дела знания [2, с. 112–116].

Эффективным уголовно-процессуальным средством преодоления данного фактора и установления объективной истины по уголовному делу служат объективность, беспристрастность и непредвзятость лица, осуществляющего производство по уголовному делу, а также его процессуальная самостоятельность и независимость при производстве следственных и иных процессуальных действий, при принятии процессуальных решений по уголовному делу. И здесь дополнительно вспомним, что объективность (от лат. *objectivity* — предметное) определяется как беспристрастность, отсутствие предвзятости в оценке чего-нибудь, в суждениях о чем-нибудь [6, с. 428], верная передача [4, с. 528]. Объективность и беспристрастность лица, осуществляющего производство по уголовному делу, по верному утверждению В. С. Бурдановой, способствует лучшему выполнению поставленных перед ним задач, служит одной из гарантий установления истины и является необходимым условием усиления воспитательной роли предварительного расследования, укрепления авторитета следственных органов и органов дознания [3, с. 6].

Четвертым фактором, препятствующим установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, выступает допущение уполномоченными должностными лицами ошибок в ходе уголовно-процессуального доказывания. К числу таких ошибок можно отнести, например: нечеткое и размытое определение предмета доказывания по конкретному уголовному делу, неполный сбор доказательств по уголовному делу, в том числе непризнание предметов и документов, полученных в ходе сбора доказательств и имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Необходимо отметить, что в основе уголовно-процессуального доказывания лежит мыслительная деятельность следователя, дознавателя и судьи. Поэтому в ходе уго-

ловно-процессуального доказывания и особенно на этапах проверки и оценки доказательств лица, осуществляющие производство по уголовному делу, должны неукоснительно руководствоваться законами мышления и логики. Основополагающими из их числа являются закон тождества (лат. *lex identitatis*), закон непротиворечия (лат. *lex non-contradictionis*), закон исключения третьего (лат. *lex exclusio tertio*), закон достаточного основания (лат. *lex sufficiens causa*) [10, с. 88–89]. Отклонение процесса мышления от законов логики (например, когда одно понятие или тезис подменяется другим, когда тождественные мысли выдаются за различные, а различные за тождественные, когда одно и то же высказывание одновременно признается истинным и ложным или когда высказывание и его отрицание одновременно признаются истинными и др.) однозначно расценивается как ошибка мышления, подлежащая исправлению в соответствии с этими законами. Это обусловлено тем, что законы логики, определяющие, как мыслить, позволяют обеспечить правильность мышления и, как следствие, обеспечивают приоритет законов логики над индивидуальным мыслительным процессом. Следовательно, мышление, не соответствующее этим законам, не является правильным, адекватным предмету мысли и поэтому подлежит корректировке [9, с. 170–172]. И здесь основным средством преодоления вышеуказанного фактора, препятствующего установлению объективной истины, является достаточный уровень образования должностного лица (субъекта доказывания), профессиональной подготовки и переподготовки, позволяющий верно применять законы мышления и логики в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Пятым фактором, препятствующим установлению объективной истины в уголовном процессе, является неиспользование или использование на недостаточно высоком уровне технических средств в процессе уголовно-процессуального доказывания. На сегодняшний день как в жизни современного общества, так и в деятельности правоохранительных органов технические средства получают все более широкое распространение, а их внедрение и применение в деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, способствуют более эффективному и глубокому познанию как самого события преступления, так и в совокупности всех его обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела по существу. Эффективным средством преодоления данного фактора, препятствующего установлению объективной истины, является более интенсивное применение

ние в деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, технических средств, способствующих установлению фактических обстоятельств совершенного преступления (контролировать же и координировать этот процесс должны лица, наделенные полномочиями процессуального контроля и прокурорского надзора).

Таким образом, подводя итог рассмотрению факторов, препятствующих установлению объективной истины в уголовном процессе, следует отметить, что при производстве по различным уголовным делам количество и интенсивность этих факторов не является одинаковым. Однако все они без исключе-

ния при должном подходе со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, а также лиц, наделенных полномочиями на осуществление процессуального контроля и прокурорского надзора, могут быть преодолены. А значит, достижение объективной истины при установлении всех обстоятельств совершенного преступления и обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, вполне осуществимо, как достижим и тот положительный результат всей уголовно-процессуальной деятельности, который нашел закрепление в статье 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Алексеев И. М., Данильян А. С. Достижение истины как цель доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42).
2. Антонов И. А., Сатдинов Л. В. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве: возвращаясь к истокам // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6.
3. Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1992.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 2007. Т. 2.
5. Кокорев Л. Д. Судебные реформы под влиянием идей М. С. Строговича // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1964.
7. Осипова Н. В. Объективная истина в уголовном процессе как цель доказывания // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 5.
8. Победин А. В. Моральные победы не считаются? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).
9. Предеина М. Ю. Проблема критериев адекватности законов мышления и познания «реальному» бытию идеального // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Т. 13. № 1.
10. Сатдинов Л. В. Уголовно-процессуальные гарантии объективности предварительного

References:

1. Alekseev I. M., Danilyan A. S. Dostizhenie istini kak cel docazivaniya v ugodovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 4 (42).
2. Antonov I. A., Satdinov L. V. Ustnovlenie obectivnoi istini v ugodovnom sudoproizvodstve: vozvrashayas k istocam // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost. 2020. № 6.
3. Burdanova V. S. Kriminalisticheskie problem obespecheniya vstetoronnosti, polnoti i obectivnosti rassledovaniya prestupleniy: dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscva, 1992.
4. Dal V. I. Tolkoviy slovar jivogo velikorusskogo yazika: v 4 t. Moscva, 2007. T. 2.
5. Kokorev L. D. Sudebnie reformi pod vliyaniem idei M. S. Strogovicha // Problemi teorii i practice ugodovnog processa: istoriya i sovremennost / pod red. V. A. Panushkina. Voronej, 2006.
6. Ojegov S. I. Slovar russkogo yazika. Moscva, 1964.
7. Osipova N. V. Obectivnaya istina v ugodovnom processe kak cel docazivaniya // Probeli v rossiyskom zakonodatelstve. 2014. № 5.
8. Pobedkin A. V. Moralnie pobedi ne schita-tsya? // Biblioteka kriminalista. Nauchniu jurnal. 2012. № 4 (5).
9. Predeina M. Yu. Problema criteriev adekvatnosti zakonov mishleniya i poznaniya «realnomu» bitiyu idealnogo // Vestnik Yujno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. T. 13. № 1.
10. Satdinov L. V. Ugodovno-processualnie garantii obectivnosti predvaritelnogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Moscva, 2021.
11. Satdinov L. V. Rol obectivnosti v deyatel'nosti sledovatelya // Actualnie problemi ugodovnog processa i kriminalistiki: sbornik materialov Mejvedomstvennoy nauchno-practicheskoy konferencii (Krasnodar, 15 marta 2019 g.). Krasnodar, 2019.

- го расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021.
11. Сатдинов Л. В. Роль объективности в деятельности следователя // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции (Краснодар, 15 марта 2019 г.). Краснодар, 2019.
 12. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Москва; Ленинград, 1947.
 13. Шишков А. А. Институт истины в уголовном процессе: от устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2015. № 3.
 12. *Strogovich M. S. Uchenie o materialnoi istine v ugodovnom processe. Moscva; Leningrad, 1947.*
 13. *Shishkov A. A. Institut istini v ugodovnom processe: ot ustava ugodovnog sudoproizvodstva do deistvuyushego ugodovno-processualnogo zakona // Vestnik Moscovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya. 2015. № 3.*

Для цитирования:

Антонов Игорь Алексеевич, Сатдинов Ленар Вазыхович. Факторы, препятствующие установлению объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 61–69.

For citation:

Antonov Igor Alekseevich, Satdinov Lenar Vazihovich. Factors Hindering the Establishment of Objective Truth and Criminal Procedural Means of Overcoming them // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 61–69.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ и расследование преступлений

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ БАРАНОВ,
старший преподаватель кафедры
информационных технологий
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

VLADIMIR VLADIMIROVICH BARANOV,
Senior Lecturer of the Information Technology Department
Management Academy of the Ministry of the
Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Научная специальность:
12.00.11 — судебная деятельность,
прокурорская деятельность, правозащитная
и правоохранительная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.11 — Judicial Activity,
Prosecution and Human Rights Activities
and Law Enforcement.

УДК 340.114.6

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-70-80

Дата поступления: 30 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Некоторые проблемы расследования и противодействия расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации

Some Problems of Investigation and Counteraction to the Investigation of Extremist Crimes Committed Using Telecommunications and Computer Information

Аннотация

Актуальность темы обусловлена ускоренным ростом экстремизма в сети Интернет. По различным данным, в настоящее время в мире действуют около 5 тысяч интернет-сайтов, содержащих экстремистский и террористический контент. В структуре экстремистской преступности удельный вес деяний, совершенных с использованием компьютерной информации и телекоммуникационных технологий, составляет 2/3.

Целью настоящей работы являются: 1) анализ отдельных криминалистических проблем раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использо-

Abstract

The relevance of the topic is due to the accelerated growth of extremism on the Internet. According to various sources, there are currently about 5,000 Internet sites in the world containing extremist and terrorist content. In the structure of extremist crime, the proportion of acts committed using computer information and telecommunication technologies is 2/3.

The purpose of this work: 1) analysis of individual criminalistic problems of disclosure and investigation of extremist crimes committed using telecommunications and computer information, as well as problems of overcoming counteraction to

ванием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, а также проблем преодоления противодействия расследованию указанных преступлений; 2) раскрытие криминалистического содержания понятия «противодействие расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации».

Методология: использованы общенаучные методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, а также частнонаучные методы: логический и формально-юридический.

Результаты и ключевые выводы: общей тенденцией преступности в последние годы стал рост преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации. При расследовании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием новейших технологий, работники правоохранительных органов нередко сталкиваются с противодействием раскрытию и расследованию данных преступлений.

Такое противодействие представляет собой противозаконную деятельность, препятствующую работе правоохранительных органов и заключающуюся в сокрытии материально отображаемой информации, хранящейся на различных электронных устройствах, кодировании информации, использовании вымышленных имен, кодовых фраз, специальных компьютерных программ и сетевых ресурсов, а также в воздействии на участников уголовного процесса с целью затруднить ход расследования.

Для успешного выявления и расследования экстремистских преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, и преодоления противодействия их расследованию необходимы меры по улучшению подготовки работников правоохранительных органов по овладению новейшими знаниями в области компьютерных технологий, более широкое привлечение специалистов и экспертов при расследовании дел, налаживание сотрудничества с провайдерами в целях своевременного обнаружения экстремистских преступлений. Кроме этого, необходимо внедрять в работу элементы искусственного интеллекта.

Практическая значимость результатов исследования: выводы, сделанные в ходе работы, могут быть использованы в практической деятельности по расследованию и преодолению противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации; в образовательной деятельности студентами и преподавателями.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; компьютерная информация; телекоммуникационные сети; компьютерный терроризм; расследование; квалификация.

the investigation of these crimes; 2) disclosure of the criminalistic content of the concept of «countering the investigation of extremist crimes committed using telecommunications and computer information»

The methodology: general scientific methods of deduction and induction, analysis and synthesis, as well as private scientific methods: logical and formal legal.

The results and key conclusions: the general trend of crime in recent years has been an increase in crimes committed using telecommunications and computer information. When investigating extremist crimes committed using the latest technologies, law enforcement officials often face opposition to the disclosure and investigation of these crimes.

Such counteraction is an illegal activity that hinders the work of law enforcement agencies, and consists in concealing materially displayed information stored on various electronic devices, encoding information, using fictitious names, code phrases, special computer programs and network resources, as well as influencing participants in criminal proceedings in order to complicate the course of the investigation.

In order to successfully identify and investigate extremist crimes committed in the virtual space and overcome the opposition to their investigation, measures are needed to improve the training of law enforcement officials in mastering the latest knowledge in the field of computer technology, wider involvement of specialists and experts in the investigation of cases, establishing cooperation with providers in order to detect extremist crimes in a timely manner. In addition, it is necessary to introduce elements of artificial intelligence into the work.

Practical significance of the research results: the conclusions drawn in the course of the work can be used in practical activities to investigate and overcome counteraction to the investigation of extremist crimes committed using telecommunications and computer information; in educational activities by students and teachers.

Keywords: extremism; terrorism; computer information; telecommunication networks; computer terrorism; investigation; qualification.

Экстремизм как политическая деятельность имеет в своей основе идеологию, отвергающую демократические принципы и пропагандирующую исключительность, интолерантность, ксенофобию, ультра национализм, антисемитизм (ч. 3 Резолюции 1344 Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ)¹).

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) определила международный экстремизм как «деяние, которое направлено на узурпацию власти либо ее противоправное удержание силовым методом, либо самовольное свержение легитимного конституционного строя государства, попытка нарушить общественную безопасность, а также создание незаконных вооруженных групп, преследуемые в соответствии с национальным законодательством»².

Более развернутое определение экстремизма дано в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»³, в которой экстремизмом признается в том числе как публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни и пропаганда аналогичных идей, совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению, финансирование их либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении.

В условиях перемещения ряда видов социальной деятельности (общение, обучение, дистанционная работа, банковские операции и т. д.)

в виртуальное пространство особое внимание ученых и правоохранительных органов привлечено к киберэкстремизму, признаваемому новой формой экстремизма и предполагающий использование для достижения своих целей компьютеры и электронные сети, новейшие коммуникационные технологии. На этом акцентируется внимание и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (далее — Стратегия), в которой отмечается, что «основным средством для связи экстремистских организаций и вербовки их новых приспешников стали информационно-телекоммуникационные сети, в том числе интернет»⁴.

Развитие киберэкстремизма обусловлено рядом факторов:

— нарастанием социальной напряженности и протестной активности в обществе, особенно на фоне социально-экономических проблем, обострившихся в период развития пандемии коронавируса COVID-19;

— развитием IT-технологий, ростом IT-грамотности населения, доступности IT-технологий, имеющих важное значение для развития киберэкстремизма, использующего «компьютерные сети для пропаганды своих взглядов, вербовки сообщников, размещения руководств по организации терактов, психологического терроризма, сбора информации о потенциальных объектах шантажа, подготовки террористов, пропаганды расовой, религиозной и других форм нетерпимости» [13, с. 61];

— особенностями молодежи как возрастной группы, склонной к протестным проявлениям, участию в несанкционированных митингах.

О негативной тенденции развития киберэкстремизма в Российской Федерации свидетельствуют результаты анализа официальных статистических данных, согласно которым в России отмечается тенденция их роста (см. табл.)⁵.

¹ Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int> (дата обращения: 28.10.2021).

² Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

³ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

⁵ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2019 г. URL: genprok.gov.ru (дата обращения: 28.10.2021).

Таблица

Динамика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в 2018–2020 гг.

Преступления	2018	2019	2020
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)	269	278	367
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	253	257	340

Окончание табл. 1

Преступления	2018	2019	2020
Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280 ¹ УК РФ)	13	9	17
Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280 ¹ УК РФ), совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	10	6	8
Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)	780	18	63
Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	733	12	49
Всего преступлений экстремистской направленности	1 265	585	833

Так, в 2020 г. посредством информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет, было совершено 86 % публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности; 12 % — к осуществле-

нию действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, и 2 % фактов возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (см. рисунок).

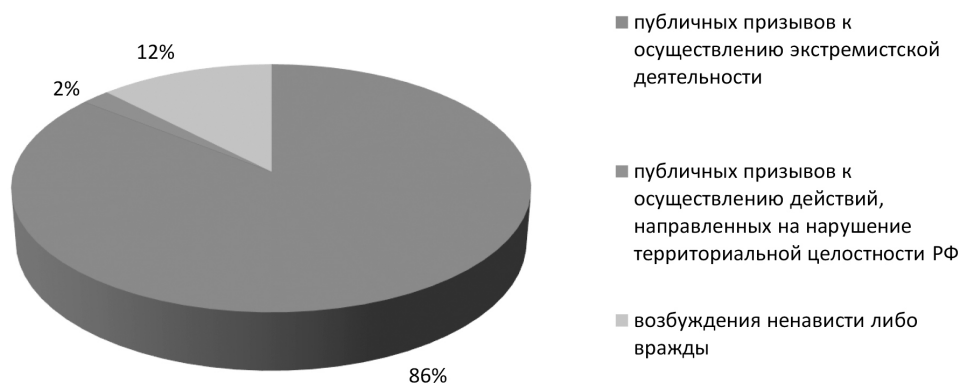

Рис. Статистика киберэкстремизма за 2020 г.

В современных условиях экстремистская деятельность часто осуществляется с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных систем. В 2019 г. только по требованиям прокуратуры было заблокировано свыше 81 тыс. интернет-ресурсов с экстремистской и террористической информацией. С 45 тыс. сайтов противоправная информация была удалена⁶.

⁶ Состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 г. и задачам укрепления законности и правопорядка на 2020 г. (17 марта 2020 г.). URL: <https://genprok.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2021).

Использование сферы телекоммуникаций и компьютерной информации при совершении экстремистских преступлений часто свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне преступника, что помогает ему не только совершать высокотехнологичные преступления, но и препятствовать расследованию его деяний с помощью тех же знаний.

По мнению И. В. Погодина, лица, совершающие преступления экстремистской направленности, «в основном, молодые люди, с несформировавшимися взглядами, сторонники вульгарной идеологии, борющиеся за “чистоту расы”, проповедующие религиозную нетерпи-

мость, стремящиеся к установлению примитивного миропорядка, основанного исключительно на насилии» [11, с. 150].

Нередко молодыми экстремистами руководят более опытные и зрелые наставники, заинтересованные в распространении экстремистских идей. Именно они участвуют в противодействии расследованию, воздействуя на участников уголовного процесса, в случае привлечения кого-либо из своих подопечных к уголовной ответственности [6, с. 45].

Дефиниция данного вида преступлений содержится в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ. Особенностью законодательного определения является то, что в перечисленных в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ преступлениях мотивы полностью совпадают с теми, которые содержатся в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении «О судебной практике по делам экстремистской направленности»⁷ привел примеры экстремистских преступлений, указанных в статьях Особенной части УК РФ: это ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по мотивам, перечисленным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (п. 2 Постановления).

На практике толкование понятия экстремистских преступлений нашло отражение в совместном указании МВД России и Генпрокуратуры России «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечень № 20)⁸.

Составы преступлений, содержащиеся в указании Генпрокуратуры России и МВД России, положены в основу статистической отчетности не только этих органов, но используются Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в отчетах о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса РФ по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям экстремистской и террористической направленности. Особенностью экстремистских преступлений является то, что в их субъективной стороне экстремистские мотивы всегда преобладают. Иные мотивы, например, корысти, могут встречаться при совершении данных преступлений, что объясняется

сложностью личности и обстоятельств преступления, однако другие мотивы не определяют поведение субъекта экстремистского преступления, а только сопутствуют ему [9, с. 266].

При производстве по уголовным делам о преступлениях данного вида необходимо ограничивать их от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. В случае квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам (по п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116 УК РФ), исключается возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающих иной мотив или иную цель преступления (например, хулиганский мотив), — п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11.

Расследование экстремистских преступлений, совершенных с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, сопряжено с целым рядом проблем: это и отсутствие у сети Интернет определенного собственника, и неограниченный доступ к материалам, размещаемым в сети; широкая географическая распространенность сети; безличный анонимный характер размещаемых в сети экстремистских материалов.

Осложняет работу и то, что в целях сокрытия преступлений экстремисты используют удаление файлов, свидетельствующих об их причастности к совершению экстремистского преступления; сокрытие доступа в сеть Интернет благодаря использованию ремейлеров (то есть компьютеров, переправляющих полученную информацию на адрес, указанный отправителем, с одновременным уничтожением информации об отправителе); вымышленный электронный адрес отправителя; программы-анонимизаторы, изменяющие данные об обратном адресе и электронной почте отправителя; второй электронный адрес; вредоносные программы удаления файлов; уничтожение информации из памяти компьютера (файлов истории, файлов-отчетов, результатов работы антивирусных и тестовых программ) и др. [7, с. 780].

Следует отметить также использование террористами и экстремистами в целях подготовки и сокрытия преступлений электронных платежных систем и криптовалют [8, с. 94].

Способы совершения экстремистских преступлений с использованием компьютерных сетей (дистанционным способом) основаны на коммуникативных возможностях информационных технологий, позволяющих совершать преступления в любых местах, обеспечивающих доступ к компьютерным сетям. Отмечено, что

⁷ О судебной практике по делам экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

⁸ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]: совместное указание Генпрокуратуры России № 853/11, МВД России № 5 от 25 декабря 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чаще всего экстремистские преступления совершаются с использованием социальной сети «ВКонтакте» (более 90 %), что свидетельствует о типичном характере данного способа совершения преступлений [7, с. 778].

По мнению профессор Ю. В. Гаврилина и А. В. Шмониной, дистанционный способ совершения рассматриваемых преступлений влечет возникновение специфической следовой картины, исследование которой требует применения особых криминалистических технологий поиска, фиксации, хранения и исследования цифровых следов [5, с. 108].

Исследование цифровых следов, в зависимости от специфики конкретного уголовного дела, может включать следующие действия:

- для исследования круга общения участников экстремистского (или террористического) сообщества или экстремистской (террористической) организации изучается их переписка, для чего изымается содержимое интернет-страниц и осматриваются электронные носители;

- при расследовании финансирования экстремистской деятельности либо содействия террористической деятельности исследованию подлежит информация из социальных сетей, электронной почты, сервисов мгновенных сообщений, сайтов, поскольку из них возможно получение сведений о произведенных платежных операциях и переписке;

- для преодоления анонимности пользователей возможно изъятие их персональных данных, указанных ими при регистрации для получения персонального идентификатора в организации — администраторе социальной сети; там же хранятся сведения о времени регистрации, IP-адресе доступа к сети Интернет, абонентском номере сотовой связи и др.;

- использование специализированных программных комплексов (например программы «ЛКС Аналитика», программного комплекса «Спрут»), позволяющих автоматизировать процессы сбора и анализа информации о пользователях социальных сетей и их взаимосвязях;

- получение в организациях, осуществляющих администрирование данных информационных ресурсов, перечней контактов пользователей, данные их учетных записей и изменений в учетных записях, время доступа к электронному почтовому ящику и др. [4, с. 50].

Исследователи отмечают существующие недостатки в государственном контроле сферы информационно-телекоммуникационных сетей (например, при блокировке сайта без последующего контроля сохранения его недоступности имеется возможность восстановления к нему доступа, в том числе в измененном виде) [7, с. 783].

Расследование дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), требует установления и доказывания вины в форме прямого умысла в действиях субъекта преступления (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1⁹).

При исследовании размещения информации экстремистского содержания в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети, как правило, необходимо устанавливать следующие сведения, факты и обстоятельства, подтверждающие наличие в действиях субъекта вины в форме прямого умысла:

- содержание комментариев самого субъекта преступления, а также иное его отношение к размещенной информации;

- были созданы материалы самим субъектом либо заимствованы из других источников;

- данные о прежнем поведении лица, в том числе о привлечении его к уголовной или административной ответственности за экстремистские правонарушения;

- сведения о его приверженности к радикальной идеологии и о его участии в экстремистских группах;

- сведения об объеме и частоте размещения экстремистской информации, об интенсивности ее обновления;

- данные обо всех размещаемых на странице материалах (литературе, видео- и фотоматериалах, в том числе о личностях потерпевших, их образе жизни, местонахождении и др.);

- обсуждение в сетях с участниками экстремистских групп и организаций деталей планируемых преступлений, способов конспирации и т. п.;

- консультации с руководителями других экстремистских групп, а также с лицами, финансирующими экстремистскую или террористическую деятельность [3, с. 77].

В современную информационную эпоху экстремисты овладели самыми современными способами сокрытия преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, поэтому возрастает роль и значение криминалистических экспертиз как средства преодоления противодействия расследованию [12, с. 150]. В качестве объектов таких экспертиз могут быть магнитные записи переговоров членов экстремистских и террористических групп, обмен сообщениями через Интернет и др. Помимо экспертов, могут

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

привлекаться специалисты, консультанты, оказывающие профессиональное содействие в расследовании преступлений по следующим направлениям:

- исследование воздействия на материальные следы преступления и преступника;
- разоблачение способов сокрытия следов преступника и преступления;
- разоблачение способов воздействия на участников уголовного процесса с учетом личностных характеристик субъектов воздействия, их процессуального статуса и т. п. [2, с. 26].

Для наиболее успешной экспертной работы важное значение имеет оперативное предоставление специалисту компьютеров и других электронных устройств и технических носителей [10, с. 198].

Одной из проблем расследования экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации, является уровень профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов, социализирующихся на выявлении, раскрытии и расследовании названных преступлений.

Проведенный опрос оперативных сотрудников и следователей, работающих на территории г. Москвы и Московской области, показал, что ключевой проблемой в сфере киберпреступлений экстремистской направленности является недостаточная «техническая подкованность» названных сотрудников.

Так, 94,5 % респондентов имеют высшее юридическое образование и только 15 % (25 человек) получили второе техническое образование по следующим специальностям: 02.00.00 — компьютерные и информационные науки, 09.00.00 — информатика и вычислительная техника, 09.01.08 — информационная безопасность.

Опрос вышеуказанных респондентов на предмет определения уровня владения компьютерной техникой и современными электронными устройствами также подтвердил тот факт, что киберпреступники по-прежнему технически грамотнее сотрудников полиции (юстиции): 68 % опрошенных респондентов оценили свои знания в этой области на уровне «среднего пользователя», способного самостоятельно использовать электронно-вычислительные машины для решения повседневных задач, связанных с набором текста, выходом в Интернет и другими несложными манипуляциями с компьютерной техникой; 24 % опрошенных лиц оценили свои знания на уровне «продвинутого пользователя», способного самостоятельно переустановить операционную систему, поставить защиту от вредоносных программ, поменять формат используемых файлов, восстановить утраченную информацию и т. д.; 8 % опро-

шенных респондентов, имеющих техническое образование, оценили свои знания компьютерной техники как «высокие».

Таким образом, профессионализм преступников предъявляет повышенные требования к работникам правоохранительных органов, расследующим преступления рассматриваемого вида, что вызывает необходимость в постоянном совершенствовании их подготовки в сфере активно развивающихся компьютерных технологий.

Одним из предложений по совершенствованию работы следователей является внедрение в работу элементов искусственного интеллекта. Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, что искусственный интеллект определяется в рамках науки информатики как сложная компьютерная программа, созданная для решения определенных задач без участия человека. Но правоприменение по уголовным делам не может осуществляться в автоматизированном режиме без участия следователей. Поэтому возникает ряд принципиально новых задач организации их взаимодействия с искусственным интеллектом, а точнее такого построения алгоритмов компьютерных программ данного вида, которое полностью укладывается в рамки уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Анализ публикаций об особенностях применения современных информационных технологий, включая использование искусственного интеллекта правоохранительными органами, показывает, что чаще всего речь идет о применении уже готовых, «фирменных» программ, разработанных крупными компьютерными фирмами. При этом во многих случаях речь идет о целевых установках, связанных с обработкой больших данных, содержащихся в специализированных базах данных правоохранительных органов.

Вместе с тем для раскрытия и расследования экстремистских преступлений, совершаемых с использованием Интернета, с применением электронных документов различного вида — графических, текстовых, причем на разных языках, табличных и иных, необходимо более широкое применение самых разнообразных информационных технологий.

До настоящего времени следователям предлагаются компьютерные программы, созданные западными фирмами. Специалистами признается, что они не только сложны, но и пишутся программистами, то есть «технарями», а не юристами. При этом, хотя они и создаются с учетом мнения юристов, но юристов, специализирующихся на англосаксонском праве. А это создает высокий уровень рисков совершения юридических ошибок в отечественном уголов-

ном судопроизводстве, что абсолютно неприемлемо при расследовании преступлений экстремистской направленности.

Таким образом, назрела необходимость создания с участием отечественных юристов-правоприменителей алгоритмов взаимодействия следователей с искусственным интеллектом, которые могут быть положены в основу информационных технологий следственной деятельности. При этом при разработке проблемно-ориентированных алгоритмов, предназначенных для создания информационных технологий, нацеленных на повышение качества всего комплекса средств, используемых для борьбы с современными экстремистскими преступлениями, необходимо применение всего арсенала наук уголовно-правового блока.

Предлагается создание следующих групп алгоритмов.

Первая группа алгоритмов нацелена на создание научно обоснованного фундамента для всех следственных действий, нацеленных на раскрытие и расследование преступлений рассматриваемого вида, включая взаимодействие с оперативными сотрудниками, экспертами и специалистами.

С ее использованием создается возможность формирования развернутой уголовно-правовой характеристики конкретного преступления, установления и систематизации всех его обязательных и факультативных признаков. С помощью алгоритмов данной группы возможно также сформировать план соответствующих следственных действий — как на стадии проверки сообщения о преступлении, так и в ходе его расследования.

Вторая группа алгоритмов нацелена на информационную поддержку важнейшей стадии практической работы следователя по надлежащей квалификации конкретного высокотехнологического экстремистского преступления. Ее структура имеет ряд особенностей, обусловленных целевой функцией, связанной с установлением взаимного соответствия полученных первоначальных сведений о совершенном деянии, а затем полученных доказательств тем признакам конкретного состава преступления, которые были формализованы по его развернутой уголовно-правовой характеристике. Для этого в параллельно-последовательном режиме формируется система юридических тождеств. Вторая группа алгоритмов тесно связана с первой группой, поскольку при формировании системы юридических тождеств необходимо использовать результаты применения алгоритмов формирования развернутой уголовно-правовой характеристики данного преступления и формализации его обязательных и факультативных признаков. При этом может быть использовано

несколько вариантов тех результатов обработки информации, которые были получены с использованием алгоритмов первой группы.

Третья группа алгоритмов нацелена на информационное обеспечение для надлежащего применения важнейших положений криминалистической науки.

Четвертая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия с оперативными сотрудниками.

Пятая группа алгоритмов — для информационного обеспечения взаимодействия со специалистами и экспертами.

Шестая группа алгоритмов нацелена на надлежащее информационное обеспечение проверки и оценки каждого из собранных доказательств по расследуемому уголовному делу. Их содержание обусловлено необходимостью безусловного выполнения требований ст. 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). При этом используется специальный инструментарий, позволяющий привести доказательства различного вида к единому информационному формату, обеспечивая при этом контроль над сохранением их правового статуса. Кроме этого, при взаимном сопоставлении доказательств при выполнении их проверки, а также при сопоставлении каждого из доказательств с критериями относимости, допустимости и достоверности, установленными ст. 88 УПК РФ для их оценки, используется интерактивный режим, позволяющий следователю принимать соответствующие решения самостоятельно [1].

Седьмая группа алгоритмов предназначена для надлежащего информационного обеспечения завершающего этапа расследования уголовного дела. Прежде всего, речь идет об установлении достаточности собранной совокупности доказательств, на что прямо указывается в требованиях ст. 88 УПК РФ. Правда, при этом содержательные особенности этого критерия в данной статье не раскрываются, поэтому первая часть седьмой группы алгоритмов нацелена на формирование итогового варианта системы юридических тождеств с использованием уже рассмотренных выше алгоритмов второй группы. После этого выполняется анализ информационной полноты полученной системы как на количественном, так и на качественном уровне. Если выявляются информационные пробелы, а также возникают сомнения в том, что какое-либо из доказательств при дальнейшем рассмотрении уголовного дела прокурором и судом может быть исключено, что не позволит доказать наличие в расследуемом деянии состава преступления, то приходится возвращаться к предыдущему этапу расследования и принимать меры для получения недостающих доказательств.

Но в том случае когда информационные пробелы в итоговом варианте системы юридических тождеств отсутствуют, следователь может сделать вывод о наличии в расследуемом деянии состава преступления и принять обоснованное решение о достаточности собранной им совокупности доказательств. При этом он также принимает обоснованное решение о завершении предварительного следствия и переходе к завершающей стадии следственных действий — подготовке и оформлению обвинительного заключения по данному уголовному делу. Используемое для этого информационное обеспечение основано на применении не только соответствующей части алгоритмов седьмой группы. Эта часть алгоритмов сопряжена и с другими группами алгоритмов, чтобы обеспечить возможность использования в тексте обвинительного заключения той информации, которая была получена на различных этапах расследования уголовного дела. При этом речь идет отнюдь не об «автоматической генерации» текста обвинительного заключения с помощью искусственного интеллекта. С использованием описанной системы алгоритмов в рамках интерактивной экспертной системы следователь получает возможность в режиме реального времени получать необходимое ему в определенный момент информационное обеспечение на всем протяжении своей работы, начиная с доследственной проверки, всех этапов предварительного следствия и заканчивая подготовкой обвинительного заключения. Следует подчеркнуть, что при возникновении необходимости сформировать и провести сопоставление нескольких вариантов плана расследования, следственных версий, а также ряда других видов нового информационного обеспечения, возникающего в ходе выполнения процессуально регламентированных действий, следователь может получить его также в режиме реального времени. Но речь идет не только о новых возможностях существенного сокращения трудоемкости и сроков выполнения большей части следственных действий [1, с. 168].

Не менее важно обратить внимание на ряд новых возможностей для значительного повышения качества следственных действий, что достигается в результате обработки больших объемов информации, имеющей отношение к расследуемому высокотехнологичному экстремистскому преступлению, в том числе с использованием элементов искусственного интеллекта. Такие объемы информации в настоящее время в ходе выявления преступлений данного вида и расследования соответствующих уголовных дел ни один следователь обработать не в состоянии. Из-за этого фактически используется лишь малая часть сведений о фактах

и обстоятельствах, имеющих отношение к таким преступлениям. А возникающие пробелы и противоречия в собранной совокупности доказательств нередко приводят к развалу уголовного дела в суде, в результате чего преступники избегают заслуженного наказания. Таким образом, для создания научных основ надлежащего информационного обеспечения деятельности следователя по раскрытию и расследованию преступлений экстремистского характера, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, необходима консолидация усилий ученых и специалистов для разработки системы алгоритмов взаимодействия следователей с искусственным интеллектом. На их основе могут быть созданы интерактивные экспертные системы, позволяющие в режиме реального времени обеспечить следователя всей необходимой информацией, что, несомненно, будет способствовать более эффективному раскрытию и расследованию преступлений данной категории.

В заключение отметим следующее.

Общей тенденцией преступности в последние годы стал рост преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации. При расследовании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием новейших технологий, работники правоохранительных органов нередко сталкиваются с противодействием раскрытию и расследованию данных преступлений.

Такое противодействие представляет собой противозаконную деятельность, препятствующую работе правоохранительных органов и заключающуюся в сокрытии материально отображаемой информации, хранящейся на различных электронных устройствах, кодировании информации, использовании вымышленных имен, кодовых фраз, специальных компьютерных программ и сетевых ресурсов, а также в воздействии на участников уголовного процесса с целью затруднить ход расследования.

Для успешного выявления и расследования экстремистских преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, и преодоления противодействия их расследованию необходимы меры по улучшению подготовки работников правоохранительных органов по овладению новейшими знаниями в области компьютерных технологий, более широкое привлечение специалистов и экспертов при расследовании дел, налаживание сотрудничества с провайдерами в целях своевременного обнаружения экстремистских преступлений. Кроме этого, необходимо внедрять в работу элементы искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).
2. Аристархова Т. А. Соккрытие следов и иные формы противодействия расследованию экстремистских преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 1-2.
3. Аристархова Т. А., Малахвей Е. Д. К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершаемых с использованием сети «Интернет» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4-2.
4. Бибиков А. А. Противодействие расследованию преступлений как объект изучения криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-2.
5. Гаврилин Ю. В., Шмонин А. В. Использование информации, полученной из сети «Интернет», в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49).
6. Зубалова О. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2013.
7. Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И., Муzychuk T. L., Тищенко Ю. Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6.
8. Карлов А. Л., Галушин П. В. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2. № 4.
9. Кулешов Р. В. Мотивация как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Общество и право. 2016. № 2 (56).
10. Максимова В. П. Формы, методы и направления использования специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений //

References:

1. Antonyan E. A., Aminov I. I. Blokchejn-tehnologii v protivodejstvii kiberterrorizmu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 6 (103).
2. Aristarkhova T. A. Sokrytie sledov i inye formy protivodejstviya rassledovaniyu ekstremistskih prestuplenij protiv prav i zakonnyh interesov cheloveka i grazhdanina // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2015. № 1-2.
3. Aristarkhova T. A., Malahvej E. D. K voprosu o prestupleniyah ekstremistskogo haraktera, sovershaemyh s ispol'zovaniem seti «Internet» // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2017. № 4-2.
4. Bibikov A. A. Protivodejstvie rassledovaniyu prestuplenij kak ob'ekt izucheniya kriminalistiki // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2017. № 2-2.
5. Gavrilin Yu. V., Shmonin A. V. Use of Information Obtained from the Internet in the Extremist Crimes' Investigation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 1 (49).
6. Zubalova O. A. Ugolovno-pravovye mery bor'by s organizaciej ekstremistskogo soobshchestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2013.
7. Ivancov S. V., Borisov S. V., Uzembaeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Yu. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya sistemy mer kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 6.
8. Karlov A. L., Galushin P. V. Svedeniya ob operaciyah s kriptovalyutami (na primere Bitkoj-na) kak dokazatel'stvo po ugolovnomu delu // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. T. 2. № 4.
9. Kuleshov R. V. Motivaciya kak klyuchevoj element kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij, svyazannyh s ekstremistskoj i terroristicheskoy deyatel'nost'yu // Obshchestvo i pravo. 2016. № 2 (56).
10. Maksimova V. P. Formy, metody i napravleniya ispol'zovaniya special'nyh znaniy v celyah vyyavleniya i preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2017. № 3 (41).
11. Pogodin I. V. Dokazyvanie po delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscva, 2012.

- Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41).
11. *Погодин И. В.* Доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012.
 12. *Скориков Д. Г., Шувалов Н. В.* Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36).
 13. *Хохлов Ю. П.* Этот опасный Интернет. Генеральная прокуратура реализует комплекс мер, направленных на обеспечение профилактики экстремизма и терроризма // Прокурор. 2015. № 3.
 12. *Skorikov D. G., Shuvalov N. V.* Lichnost' prestupnika i lichnost' poterpevshego kak vzaimosvyazannye elementy kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij ekstremistской направленности // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2016. № 2 (36).
 13. *Hohlov Yu. P.* Etot opasnyj Internet. General'naya prokuratura realizuet kompleks mer, napravlennyh na obespechenie profilaktiki ekstremizma i terrorizma // Prokuror. 2015. № 3.

Для цитирования:

Баранов Владимир Владимирович. Некоторые проблемы расследования и противодействия расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 70–80.

For citation:

Baranov Vladimir Vladimirovich. Some Problems of Investigation and Counteraction to the Investigation of Extremist Crimes Committed Using Telecommunications and Computer Information // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 70–80.

ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОЛЬЦОВ,
доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1

E-mail: kdv.16@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

ORCID 0000-0002-5827-3947

УДК 343.211.3:343.985

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-81-89

Дата поступления: 15 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

DMITRIJ VALENTINOVICH KOL'COV,
Associate Professor of the Department
of Operational Investigative
Activities in the Internal Affairs Bodies,
Candidate of Law, Associate Professor
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 198206, St. Petersburg,
Lyotchik Pilyutov St., 1
E-mail: kdv.16@yandex.ru

Scientific Specialty:
12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

Проверочная закупка и оперативный эксперимент в легальной предпринимательской деятельности. Правовые позиции Европейского Суда

Verification Purchase and Operational Experiment in Legal Business Activity. Legal Positions of the European Court of Justice

Аннотация

Актуальность рассмотрения и анализа правовых позиций Европейского Суда по правам человека по вопросам проведения оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» в сфере легальной предпринимательской деятельности обусловлена вынесением в 2021 г. постановления *Zinin v. Russia*, акцентировавшего недопустимость применения сотрудниками оперативных подразделений провокационных тактических приемов в процессе выявления и документирования преступлений экономической направленности.

Постановка проблемы: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных проблемам имплементации в правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности положений прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, касающейся критериев провокационных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий, моделиру-

Abstract

The relevance of the consideration and analysis of the legal positions of the European Court on the issues of conducting operational search activities «Test purchase» and «Operational experiment» in the field of legal business activity is due to the decision in 2021. The resolution of *Zinin v. Russia*, which emphasized the inadmissibility of the use of provocative tactics by employees of operational units in the process of identifying and documenting economic crimes.

The statement problem: with this article, the author continues a series of publications devoted to the problems of implementation in the legal regulation of operational investigative activities of the provisions of the case law of the European Court of Human Rights concerning the criteria of provocative actions during operational investigative activities modeling illegal activities. The main body of judicial acts under consideration (the «Vanyan» group of cases) is associated with conventional violations in the process of identifying and document-

ющих противоправную деятельность. Основной массив рассматриваемых судебных актов (группа дел «Ваньян») связан с конвенциональными нарушениями в процессе выявления и документирования фактов незаконного оборота наркотиков и взяточничества, а также с необходимостью полноты, объективности и всесторонности рассмотрения в национальных судебных инстанциях довода стороны защиты об агентурной провокации. В 2021 г. в соответствующую группу дел было включено постановление *Zinin v. Russia*, в рамках которого Европейский Суд по правам человека актуализировал данные критерии в контексте порядка обоснования и проведения негласной операции в сфере легальной предпринимательской деятельности, целевым образом направленной на выявление незаконного распространения контрафактных компьютерных программ.

Цель исследования: исследование и систематизация положений эволюционной прецедентной практики Европейского Суда по правам человека по вопросам правовой оценки возможных провокационных действий оперативных сотрудников при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» в сфере легальной предпринимательской деятельности.

Результаты и ключевые выводы: одним из основных поводов, повлиявших на правовую позицию Европейского Суда по делу *Zinin v. Russia*, явилось недостаточное внимание оперативных сотрудников к вопросам необходимого оформления и последующего предоставления органам предварительного расследования и суда сведений об источниках и содержании первичной оперативной информации, результатах проведения оперативно-розыскных мероприятий, свидетельствующих о предварительной оперативной проверке, а также документам оперативно-розыскного производства, обосновывающим и санкционирующим проведение негласной операции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; провокация; агентурная провокация; провокация преступления; права человека и гражданина; права личности; обстоятельства, исключающие преступность деяния; Европейский Суд по правам человека; правовая позиция Европейского Суда по правам человека; имплементация решений Европейского Суда по правам человека; системная проблема; Конституционный Суд; оперативный эксперимент; проверочная закупка; контролируемая поставка; оперативное внедрение; контрольная закупка; контрафактное компьютерное обеспечение; легальная предпринимательская деятельность; защита прав предпринимателей.

ing the facts of drug trafficking and bribery, as well as with the need for completeness, objectivity and comprehensive consideration in national courts of the defense's argument about agent provocation. In 2021, the Resolution *Zinin v. Russia* was included in the corresponding group of cases. Russia, within the framework of which the European Court of Human Rights updated these criteria in the context of the procedure for justifying and conducting an unspoken operation in the field of legal business activity, specifically aimed at detecting the illegal distribution of counterfeit computer programs.

The purpose of the study: to study and systematize the provisions of the evolutionary case-law of the European Court of Human Rights on the legal assessment of possible provocative actions of operational officers during operational search activities «Test purchase» and «Operational experiment» in the field of legal business activity.

The results and key conclusions: one of the main reasons that influenced the legal position of the European Court in the case of *Zinin v. Russia*. For example, there was insufficient attention of operational staff to the issues of the necessary registration and subsequent provision to the preliminary investigation and court bodies of information about the sources and content of primary operational information, the results of operational investigative measures indicating a preliminary operational check, as well as documents of operational investigative production justifying and authorizing the conduct of an undercover operation.

Keywords: operational search activity; operational search activities; provocation; agent provocation; provocation of a crime; human and civil rights; individual rights; circumstances precluding criminality of the act; the European Court of Human Rights; legal position of the European Court of Human Rights; implementation of decisions of the European Court of Human Rights; systemic problem; Constitutional Court; operational experiment; test procurement; controlled delivery; operational implementation; control procurement; counterfeit computer software; legal entrepreneurial activity; protection of the rights of entrepreneurs.

Рассматривая в рамках цикла статей проблемы гармонизации правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) и эволюционной прецедентной практики Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский Суд) по вопросам агентурной провокации, в основном мы делали акцент на недопустимости использования подобных тактических приемов в процессе моделирования противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков и взяточничеством. Подобный подход был обусловлен содержанием преобладающего количества поступающих в Страсбург жалоб на провокационные действия отечественных оперативно-розыскных органов, объединяемых в так называемую группу дел «Ваньян»¹.

В 2021 г. Департаментом Комитета министров Совета Европы по контролю за исполнением решений ЕСПЧ в перечень указанной группы дел было включено постановление *Zinin v. Russia*², отражающее правовые позиции Европейского Суда по агентурной провокации в контексте оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ) «оперативный эксперимент», примененного в сфере легальной предпринимательской деятельности с целью выявления и документирования фактов реализации контрафактного программного обеспечения.

В рамках настоящей публикации с целью обеспечения процесса гармонизации правового регулирования полицейского сыска и актов толкования Европейской конвенции по правам человека³ (далее — ЕКПЧ) мы хотим проанализировать данное постановление и предшествующую ему эволюционную прецедентную практику ЕСПЧ с позиций оперативно-розыскной науки, а также сформировать краткие тезисы, отражающие подходы Страсбурга к проведению негласных операций⁴ в сфере легальной предпринимательской деятельности.

Приступая к решению поставленных в статье задач, необходимо отметить, что в 2015 г. ЕСПЧ уже выносил постановление *Volkov and Adamskiy v. Russia*⁵, в котором им впервые на отечественном материале были сформулированы право-

вые позиции, отражающие допустимую тактику проведения негласной операции в виде «проверочной закупки» контрафактного программного обеспечения.

Послужившие основанием для обоих судебных разбирательств в Страсбурге жалобы относятся к временному периоду 2007–2008 гг. и касаются распространенной на тот момент практики деятельности оперативных подразделений МВД России по выявлению и пресечению фактов незаконного использования объектов авторских и смежных прав в виде компьютерных программ, квалифицируемых по ч. 2 или 3 ст. 146 УК РФ. Объектами подобных несложных комплексов ОРМ в большинстве случаев становились лица, оказывающие по объявлениям услуги в области наладки и ремонта компьютерной техники, а также установки сопутствующего программного обеспечения. Способом совершения подобных уголовно наказуемых деяний являлись «...установка и настройка (преступником. — прим. Д. К.) нелегальной версии программного обеспечения или базы данных по заказу пользователя...» [4, с. 44]. Стоимость незаконно устанавливаемой программы должна была соответствовать критерию необходимого для квалификации преступного деяния по ч. 2 или 3 ст. 146 УК РФ, предусматривающих крупный ущерб в размере пятидесяти тысяч рублей, а особо крупный — двести пятьдесят тысяч рублей. Тактика документирования основывалась на том, что «...основным ОРМ по делам данной категории является проверочная закупка в организации или у лица, распространяющих контрафактные экземпляры программ для электронно-вычислительных машин...» [4, с. 44].

Высказанные в постановлении *Volkov and Adamskiy v. Russia* правовые позиции на протяжении более пяти лет являлись ориентирами для оценки возможных признаков использования провокационных тактических приемов в процессе выявления и документирования преступлений экономической направленности в сфере легальной предпринимательской деятельности.

Основным итогом рассмотрения дела *Volkov and Adamskiy v. Russia* явилось то, что проактивные действия оперативных сотрудников органов внутренних дел в целом подпадали под ранее разработанные Страсбургом критерии правового стандарта «essentially passive manner»⁶ [2; 5].

В связи с невыявлением признаков конвенционных нарушений Европейский Суд не отнес (даже *prima facie*⁷) данные обращения к категории дел по «агентурной провокации» (§ 36), а Департамент Комитета министров Совета Европы по контролю за исполнением реше-

¹ Case Vanyan v. Russia [Электронный ресурс] // Официальный сайт Департамента Комитета министров Совета Европы по контролю за исполнением решений ЕСПЧ. URL: <https://www.coe.int/ru/web/execution> (дата обращения: 20.01.2022).

² *Zinin v. Russia* [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 9 марта 2021 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Исходя из автономной терминологии ЕСПЧ, под негласными операциями в статье понимаются ОРМ «проверочная закупка», «оперативный эксперимент» и «контролируемая поставка».

⁵ *Volkov and Adamskiy v. Russia* [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 26 марта 2015 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ Преимущественно пассивным путем (англ.).

⁷ На первый взгляд (лат.).

ний ЕСПЧ соответственно не включил постановление *Volkov and Adamskiy v. Russia* в перечень группы дел «Ваньян».

Исходя из доктрины *stare decisis*⁸, фундаментальной правовой позиции ЕСПЧ по рассматриваемому судебному акту послужила эволюционная прецедентная практика Страсбурга по группе дел «Ваньян», а также результаты рассмотрения аналогичных жалоб на иные страны Совета Европы в контексте негласного выявления и пресечения полицейскими органами правонарушений в сфере легальной предпринимательской деятельности, первоначально содержательно изложенных в решении *Kuzmickaja v. Lithuania*⁹ (2008 г.).

Анализ описательно-мотивировочной части постановления *Volkov and Adamskiy v. Russia* позволяет выделить основные позиции, на основании которых Европейским Судом был сделан вывод об отсутствии в данном деле обстоятельств, свидетельствующих об «агентурной провокации».

Во-первых, ЕСПЧ исходит из обязанности полицейских органов по проверке, в том числе негласным путем, поступившей первичной персонализированной информации или заявлений криминальной направленности. На основе ранее высказанной в § 38 постановления по делу *Miliniene v. Lithuania*¹⁰ правовой позиции Европейский Суд констатирует общее соответствие подобных мероприятий критериям стандарта «essentially passive manner» в контексте «присоединения» оперативных сотрудников к уже осуществляемой противоправной деятельности при условии, что определяющим фактором совершения преступления является линия поведения объекта проверки (§ 36; 37; 39; 41).

Текст постановления содержит также неявные отсылки к отдельным критериям объективного подозрения, являющимся обязательным структурным элементом стандарта «essentially passive manner» и подтверждающим обоснованность действий оперативных сотрудников. В частности, ЕСПЧ обратил внимание на высказанные при рассмотрении в суде национальной юрисдикции утверждения А. В. Волкова об оказании им ранее аналогичных услуг своим родственникам и знакомым (§ 9), а также осведомленности заявителей о ценах на легальные программы и возможностях получения их контрафактных копий (§ 7; 13; 43).

Во-вторых, по мнению Европейского Суда существенным отличием рассматриваемых жа-

лоб от иных обращений группы дел «Ваньян» является обстановка, в условиях которой проводились оспариваемые проверочные закупки. Исходя из содержания постановления *Volkov and Adamskiy v. Russia* к ней относится факт осуществления заявителями легальной предпринимательской деятельности в сфере ремонта компьютерной техники. С целью привлечения клиентов ими размещались рекламные объявления с номерами мобильных телефонов, то есть осуществлялось предложение своих услуг в качестве технических экспертов в соответствующей области, обращенное к неопределенному кругу лиц (§ 40), подпадающие, по нашему мнению, под содержание цивилистического термина «публичная оферта».

В этой связи Страсбургский Суд отмечает, что тактика применяемых в указанной обстановке целевых инициативных действий оперативных сотрудников по установлению контакта с будущим объектом мероприятий, осуществляемая под легендой обращения по рекламному объявлению с дальнейшим испрашиванием услуг по ремонту компьютера и установке программного обеспечения, соответствует обычному поведению потребителей, ожидаемому в процессе легальной предпринимательской деятельности (§ 42). В данном случае можно констатировать наличие отсылки к критерию допустимой проактивной тактики ввода в негласную операцию сотрудника правоохранительного органа или лица, действующего по его поручению.

Следует отметить, что в данном случае подход ЕСПЧ во многом идентичен неоднократно высказанной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, указывавшего, что «...действия лиц, непосредственно участвующих в ОРМ, должны быть сообразными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого имеются основания для его целевого проведения...»¹¹.

В-третьих, в постановлении по жалобе Европейский Суд оценил с позиций стандарта «essentially passive manner» допустимость линии поведения оперативных сотрудников в процессе непосредственного испрашивания у объектов мероприятий услуг по возмездной установке определенного программного обеспечения.

Так, анализируя содержание решений судов национальной юрисдикции, ЕСПЧ обра-

⁸ Стоять на решенном (лат.).

⁹ *Kuzmickaja v. Lithuania* [Электронный ресурс]: решение об отказе к принятию к рассмотрению обращения от 10 июля 2006 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁰ *Miliniene v. Lithuania* [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 24 июня 2008 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова Алексея Файзулловича на нарушение его конституционных прав статьей 5, подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и статьей 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 10 Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следствия и в суд [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 2022-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2022).

тил внимание на факт отсутствия утверждений заявителей о высказываемых на этапе телефонных звонков по объявлениям просьбах об установке именно нелегальных копий компьютерных программ (§ 41). По мнению Суда, исходя из наличия у А. В. Волкова и А. М. Адамского специальных знаний в соответствующей области, они вполне могли бы ответить на возможные провокационные предложения законным образом и установить лицензионное программное обеспечение (§ 42). Кроме этого, Европейский Суд подчеркнул факт наличия признаний авторов жалоб об умышленном приобретении ими после поступления соответствующих телефонных заказов контрафактного обеспечения с целью его дальнейшей установки (§ 43).

Приведенные в Страсбургском судебном акте фрагменты стенограмм аудиофиксации непосредственного хода проверочных закупок содержат высказывания объектов мероприятий, в которых они открыто сообщают внедренным сотрудникам о том, что устанавливаемое ими программное обеспечение является контрафактным, акцентируют выгодную для приобретателя стоимость данной услуги, а также уведомляют об ином уровне оплаты за лицензионные продукты (§ 7; 13; 43).

Обосновывая отсутствие в рассматриваемых жалобах конвенциональных нарушений, в § 43 Европейский Суд выделяет такой довольно редкий критерий недопустимой линии поведения внедренных оперативных сотрудников, как склонение к совершению уголовно наказуемого деяния путем апелляции к бедственному финансовому положению объекта мероприятий и обещания финансовой выгоды. Подобная правовая позиция была выработана исходя из зафиксированного в национальном судебном разбирательстве утверждения А. М. Адамского о наличии у него корыстного мотива совершения преступления, обусловленного его материальным достатком. Проанализировав представленные в Страсбург материалы, Европейский Суд сделал вывод об отсутствии на момент начала мероприятий у оперативных сотрудников сведений о соответствующих обстоятельствах, характеризующих личность подозреваемого.

Резюмируя в § 45 обстоятельства, послужившие основанием для разрешения рассматриваемого дела, Европейский Суд еще раз отметил преемственность своей позиции с подходами, высказанными в деле *Kuzmickaja v. Lithuania*, а также, исходя из обязанностей полиции по проверке информации криминальной направленности, признал законной и допустимой проактивную тактику работы оперативных сотрудников, исключаящую склонение объектов мероприятий к совершению противоправных деяний.

Основываясь на вышеизложенных доводах Европейского Суда, в рамках решения задач, поставленных в публикации, представляется целесообразным перейти к непосредственному анализу с позиций оперативно-розыскной деятельности содержания вынесенного в прошлом году постановления *Zinin v. Russia*.

Содержание описательной и мотивировочной частей рассматриваемого постановления показывает, что комплекс соответствующих ОРМ проводился в один временной промежуток (2008 г.) в условиях типичной «оперативно-розыскной ситуации» [1], связанной с выявлением и документированием уголовно наказуемого распространения контрафактных компьютерных программ в сфере легальной предпринимательской деятельности.

При этом следует отметить, что текст постановления не содержит прямых ссылок на конкретные ОРМ. Только в § 42 в контексте соблюдения оперативным подразделением нормативно установленного порядка ведомственного санкционирования упоминается ОРМ «оперативный эксперимент».

В свою очередь Европейский Суд использует для обозначения комплекса соответствующих мероприятий термины: «undercover operation», который можно перевести как «негласная операция», а также «covert operation» — «операция под прикрытием».

Формальным основанием проведения рассматриваемой негласной операции послужила полученная сотрудниками милиции из конфиденциальных источников первичная оперативно-розыскная информация о причастности автора жалобы к уголовно наказуемому распространению контрафактных компьютерных программ.

Как отмечалось выше, оперативные сотрудники соблюли установленные в ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹² (в ред. от 1 июля 2021 г.) документальные требования к условиям проведения подобных мероприятий. С этой целью был оформлен рапорт на проведение ОРМ, содержащий фактические основания их проведения, утвержденный (санкционированный) впоследствии руководителем оперативного подразделения (§ 9).

Аналогично предыдущей жалобе объект проведения негласной операции разместил рекламное объявление об оказании легальных услуг в компьютерной сфере с номером мобильного телефона (§ 5). В связи с этим с целью проверки информации и документирования противоправной деятельности был осуществлен ввод в негласную

¹² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

операцию сотрудника милиции под легендой обращения по рекламному объявлению с дальнейшим испрашиванием услуг по установке программного обеспечения (§ 5).

В процессе телефонных переговоров объект мероприятий без особых колебаний, как отдельно отмечено в тексте постановления, согласился на оказание услуг по возмездной установке контрафактных программ (§ 52). В частности, оперативный сотрудник попросил его установить программу «К». Первоначально автор жалобы предложил ему установить бесплатную версию данной программы под индексом «7», но впоследствии согласился установить контрафактную платную версию программы под индексом «8» (§ 7; 8; 36).

После поступления заказа объект мероприятий нашел и скачал в сети Интернет нелегальную копию программы под индексом «8». Об этом он уведомил по телефону сотрудника милиции и согласовал место установки (§ 5).

Непосредственный процесс установки контрафактной копии программы проходил в легализованном офисном помещении в торговом центре и фиксировался на технические средства. Следует отметить, что автор жалобы не сумел установить контрафактное программное обеспечение и только фактически перенес его на жесткий диск компьютера оперативного сотрудника.

Приведенный в постановлении отрывок стенограммы демонстрирует наличие у объекта мероприятий прямого умысла на совершение противоправного деяния, в том числе акцента на выгодную для приобретателя стоимость услуги, а также обладания им навыков в отключении встроенной защиты компьютерных программ и создания технических условий обеспечения их работоспособности (§ 5; 52).

Учитывая раннюю прецедентную практику по делу *Volkov and Adamskiy v. Russia* (§ 43) и рассмотренные выше обстоятельства, Европейский Суд в § 52 рассматриваемого постановления констатировал, что подобное «...поведение заявителя во время тайной операции могло быть истолковано как указание на его причастность к предыдущей преступной деятельности или predisposed к совершению уголовного деяния...». Таким образом, по мнению Европейского Суда основания и тактика проведения данной негласной операции, с одной стороны, формально соответствуют критериям стандарта «essentially passive manner» и не содержат признаков агентурной провокации.

Тем не менее Европейский Суд в своем окончательном вердикте занял диаметрально противоположную правовую позицию по обстоятельствам, указанным в жалобе. Подобный вывод был в основном обусловлен отрицательными результатами рассмотрения судами национальной

юрисдикции «правдоподобных»¹³ последовательных заявлений стороны защиты о провокационных действиях сотрудников правоохранительных органов, анализ которых является обязательным элементом процессуального теста ЕСПЧ на агентурную провокацию.

Аргументация стороны защиты, приведенная в том числе в описательной и мотивировочной частях постановления (§ 33–38, 53), в основном строится на доводах, связанных с отсутствием фактических оснований для персонифицированного проведения в отношении автора жалобы ОРМ «оперативный эксперимент», а также недопустимой провокационной линии поведения оперативного сотрудника при инициативном установлении с ним первоначального контакта, сопряженного с непосредственным склонением к совершению уголовно наказуемого деяния в процессе проведения указанного мероприятия.

Указанные доводы были оценены Европейским Судом путем параллельного применения критериев как материального, так и процессуального теста на агентурную провокацию. Следует отметить, что подобный подход во многом не соответствует принятой в прецедентной практике ЕСПЧ так называемой «методологии Матановича»¹⁴, предусматривающей последовательное применение указанного инструментария. В прилагаемом к делу *Zinin v. Russia* Особом мнении на данный недостаток обратили внимание судьи Pavli и Ravarani, призвав конкретизировать нечеткую прецедентную практику ЕСПЧ по применению материального и процессуального тестов на агентурную провокацию.

Рассматривая аргументацию Европейского Суда с позиций оперативно-розыскной деятельности, следует отметить, что в данном случае Страсбург сделал упор на критерии «объективного подозрения» стандарта «essentially passive manner».

Кроме этого, соответствующие оценки были взаимоувязаны Европейским Судом с наличием «системной» проблемы правового регулирования отечественного сыска, связанной с недостаточным уровнем санкционирования и контроля за ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент».

Как нами рассматривалось в предыдущих публикациях, к критериям «объективного подозрения» относится, во-первых, наличие проверяемых (верифицированных) сведений об источниках первичной информации; во-вторых, ее содержание, то есть сведения о вовлеченности или predisposedности к противоправной

¹³ В соответствии с терминологией ЕСПЧ.

¹⁴ Совпадающее мнение судьи Egidijus Kuris (§ 28), *Ramanauskas v. Lithuania* (no. 2) [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 20 мая 2018 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

деятельности, а также осведомленности о способах сокрытия факта совершения уголовно наказуемого деяния; в-третьих, персонифицированность информации и, в-четвертых, предварительная проверка полученных первичных сведений путем проведения иных мероприятий до принятия решения о проведении негласной операции [3].

Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих последовательно высказываемых правовых позициях более жестко, на наш взгляд, подходит к данной проблематике, указывая в качестве фактических оснований проведения ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» исключительно наличие у оперативно-розыскного органа «...обоснованных предположений о наличии признаков противоправного деяния (выделено нами. — Д. К.) и относительно его субъектов...»¹⁵, а также получение «...конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность подобных предположений...»¹⁶. Тем не менее примерных критериев, с помощью которых возможно оценить уровень обоснованности оперативно-розыскной информации, служащей основанием и условием проведения ОРМ ведомственного и судебного санкционирования, высшим органом конституционного контроля в данном массиве решений не приводится.

Отрицательная оценка Европейским Судом наличия в данной жалобе критериев «объективного подозрения» преимущественно основывается на материалах национального судебного разбирательства, в которых, несмотря на доводы стороны защиты о провокационных действиях сотрудников милиции, не была осуществлена оценка объективности и конкретности первичной оперативно-розыскной информации, не рассмотрены источники данных сведений, а также ее точное содержание (§ 53).

В частности, в процессе рассмотрения уголовного дела в мировом суде подобный вопрос был поднят защитником в рамках допроса оператив-

ного сотрудника, непосредственно проводившего негласную операцию. По мнению Европейского Суда, представитель правоохранительного органа «уклончиво» ответил на вопрос об основаниях проведения ОРМ, сославшись исключительно на достаточные сведения, полученные из негласного источника (§ 53).

В своей прецедентной практике Европейский Суд последовательно исходит из того, что в случаях использования результатов ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» в качестве основных источников доказательств по делу указанные материалы должны быть тщательно обоснованы, подвергнуты строгой разрешительной процедуре, а также пройти соответствующее документальное оформление¹⁷. Представители оперативных подразделений на любой стадии уголовного преследования должны продемонстрировать наличие веских оснований для проведения негласной операции, а сама оперативно-розыскная информация должна подлежать независимой проверке (верификации)¹⁸.

В этой связи Европейский Суд особо подчеркнул, что в ответе на вопрос защитника оперативный сотрудник не упомянул о каких-либо физических или юридических лицах, которые могли бы предоставить ему эту информацию (§ 8; 53).

Кроме этого, анализируя в рамках процессуального теста результаты рассмотрения судом первой инстанции заявления о возможных провокационных действиях, ЕСПЧ отметил неприятие мировым судьей мер по установлению источников первичной информации, в том числе факт поступления данных сведений от частного лица, либо от лица, содействующего органам внутренних дел на долговременной основе. Подобная позиция также неоднократно тиражировалась Европейским Судом в контексте нежелательности участия последней категории граждан в непосредственном проведении ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент»¹⁹.

Как отмечалось выше, описательная часть постановления в § 9 содержит ссылку на приобщенный без дополнительной проверки к материалам уголовного дела рапорт на проведение ОРМ, санкционированный руководителем оперативного подразделения. Исходя из текста судебного акта, с большой долей уверенности можно предположить, что приобщенный документ оперативно-розыскного производства составлен во многом формально и не содержит реальных ссылок

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова Алексея Файзулловича на нарушение его конституционных прав статьей 5, подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и статьей 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 10 Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следствия и в суд [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 2022-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Некрасовой Ларисы Павловны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 7, 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 73, 171, 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 г. № 761-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁷ *Matanovic v. Croatia* (§ 124) [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 4 апреля 2017 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁸ *Veselov and others v. Russia* (§ 90) [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁹ *Veselov and others v. Russia* (§ 91) [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.01.2022).

на фактический источник первичной информации, а также ее конкретное содержание.

В описательно-мотивировочной части постановления отсутствуют сведения о возможных фактах проведения ОРМ, целевым образом направленных на проверку первичной информации на стадии, предшествующей «оперативному эксперименту». Подобный вывод можно сделать, исходя из отсутствия ссылок на рассмотрение соответствующих аргументов автора обращения (§ 33) как на национальном уровне, так и в Европейском Суде.

Несмотря на доводы автора жалобы (§ 34; 36), оценка допустимости проактивной тактики ввода оперативного сотрудника в негласную операцию и непосредственного порядка осуществления ОРМ «оперативный эксперимент» в постановлении по делу *Zinin v. Russia* Европейским Судом не содержится. Указанные вопросы затрагиваются лишь применительно к непринятию судом первой инстанции мер по установлению наличия оснований и тактической необходимости проведения подобного комплекса мероприятий, а также линии поведения оперативного сотрудника во время контактов с объектом операции (§ 56).

По нашему мнению, подобный подход Страсбургского правосудия во многом обусловлен упоминавшейся доктриной *stare decisis* в контексте ранее высказанных правовых позиций по делу *Volkov and Adamskiy v. Russia*, содержащих выводы о соответствии критериям стандарта «*essentially passive manner*» порядка действий оперативных сотрудников в аналогичной оперативной-тактической ситуации.

В завершение работы следует подчеркнуть, что в рассмотренных судебных актах, как и в других постановлениях группы дел «Ваньян», Европейский Суд на примере конкретных жалоб из Российской Федерации последовательно настаивает на наличии в отечественном оперативно-розыском законодательстве системной ошибки, связанной с наличием широких дискреционных полномочий руководителей субъектов ОРД по санкционированию ОРМ, предусматривающих моделирование противоправной деятельности и несущих потенциально высокие риски «агентурной провокации». Основным решением данной проблемы ЕСПЧ видит установление эффективного многоуровневого судебного контроля за назначением и проведением проверочных закупок, оперативных экспериментов и контролируемых поставок.

По нашему мнению, основной причиной, высказанной Европейским Судом по делу *Zinin v. Russia* правовой позиции, явилось последовательное акцентирование стороной защиты недостаточного внимания оперативных сотрудников к вопросам необходимого оформления и последующего предоставления органам предварительно-

го расследования и суда сведений об источниках и содержании первичной оперативной информации, результатах проведения ОРМ, свидетельствующих о ее предварительной оперативной проверке, а также документам оперативно-розыскного производства, обосновывающим и санкционирующим проведение негласной операции.

Соблюдение оперативным подразделением подобных требований позволило бы уже на этапе национального судебного разбирательства обоснованно опровергнуть доводы стороны защиты о произвольном выборе объекта негласной операции, отсутствии оснований проведения ОРМ и общей недопустимой проактивной тактики работы.

Закрепление в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» рекомендуемого ЕСПЧ независимого, предварительного судебного «фильтра» в сочетании с соблюдением требования незамедлительности рассмотрения подобных материалов также способствовало бы дополнительной возможности коррекции указанных недостатков работы оперативного подразделения на стадии подготовки оперативного эксперимента. По нашему мнению, судебное санкционирование рассматриваемых ОРМ не могло бы существенным образом повлиять на диктуемые данной частной оперативно-тактической ситуацией ограниченные временные рамки и необходимый проактивный характер проведения негласной операции.

В качестве постскриптума к настоящей публикации представляется целесообразным обратить внимание на потенциальную возможность применения Европейским Судом аналогичного инструментария при рассмотрении жалоб на провокационные действия должностных лиц, реализующих административно-юрисдикционные и контрольно-надзорные функции в различных сферах легальной предпринимательской деятельности. В частности, в соответствии со ст. 67 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»²⁰ (ред. от 06.12.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) указанные представители государственных и муниципальных органов могут осуществлять контрольное (надзорное) мероприятие «контрольная закупка», содержательно идентичное ОРМ «проверочная закупка».

Упомянутое нами выше дело *Kuzmickaja v. Lithuania* содержит правовые позиции Европейского Суда, на основании которых жалоба на провокационные действия при административно-юрисдикционной контрольной за-

²⁰ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

купке может быть отнесена ЕСПЧ к категории дел об агентурной провокации, а привлеченное к подобному виду юридической ответственности физическое или юридическое лицо подпадать под гарантии, предусмотренные ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ. Ключевым критерием в данном случае выступает тяжесть назначенного административного наказания, эквивалентного санкциям, установленным уголовным законодательством. Учитывая определенную практику использования контрольной закупки сотрудника милиции, административной юрисдикции²¹

²¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации

представляется целесообразным содержательно закрепить данное мероприятие в ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»²², а также на основании правовых позиций ЕСПЧ, отечественной судебной практики и доктринальных оценок ученых-административистов определить условия его проведения и требования к документальному оформлению.

по делу № 46-АД 19-28 от 27 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

²² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Список литературы:

1. Давыдов С. И. Понятие «оперативно-разыскная ситуация»: генезис, развитие, место в оперативно-разыскной теории // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41).
2. Кольцов Д. В. «По существу пассивным путем»: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).
3. Кольцов Д. В. Требования прецедентной практики Европейского Суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
4. Нарушение авторских прав на программы для ЭВМ и базы данных. Квалификация, расследование, доказывание: учебное пособие / С. П. Кушнirenко, В. Ф. Щепельков. Санкт-Петербург, 2007.
5. Осипов А. Л. Судебная проверка жалоб на полицейскую провокацию: применение процессуальных стандартов ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56).

Для цитирования:

Дмитрий Валентинович Кольцов. Проверочная закупка и оперативный эксперимент в легальной предпринимательской деятельности. Правовые позиции Европейского Суда // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 81–89.

References:

1. Davydov S. I. Ponyatie «operativno-razysknaya situaciya»: genezis, razvitie, mesto v operativno-razysknoj teorii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 1 (41).
2. Kol'cov D. V. «Po sushchestvu passivnym putem»: voprosy implementacii pravovoj pozicii Evropejskogo Suda po agenturnoj provokacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 1 (57).
3. Kol'cov D. V. Trebovaniya precedentnoj praktiki Evropejskogo Suda po pravam cheloveka k provedeniyu operativno-rozysknyh meropriyatij «proverochnaya zakupka» i «operativnyj eksperiment» // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 3 (51).
4. Narushenie avtorskih prav na programmy dlya EVM i bazy dannyh. Kvalifikaciya, rassledovanie, dokazyvanie: uchebnoe posobie / S. P. Kushnirenko, V. F. Shchepel'kov. Sankt-Peterburg, 2007.
5. Osipov A. L. Sudebnaya proverka zhalob na policejskuyu provokaciyu: primenenie processual'nyh standartov ESPCH v уголовном судопроизводстве РФ // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 7 (56).

For citation:

Dmitrij Valentinovich Kol'cov. Verification Purchase and Operational Experiment in Legal Business Activity. Legal positions of the European Court of Justice // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 81–89.

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ ЛАПИН,
начальник отдела по исследованию
стратегических проблем управления
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук, доцент
Академии управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: lapin78@mail.ru

VYACHESLAV OLEGOVICH LAPIN,
Head of the Department for the Study of Strategic
Problems of the Management of the Research Center,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: lapin78@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

ORCID 0000-0003-1539-1211

УДК 343.985.7

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-90-100

Дата поступления: 28 декабря 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Предварительная проверка сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: криминалистический аспект

Preliminary Checks of Business Crime Reports: Criminalistic Aspect

Аннотация

Актуальность рассмотрения вопросов производства предварительной проверки сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности обусловлена тем, что именно указанная стадия характеризуется наибольшими рисками переноса в уголовное судопроизводство гражданско-правовых споров хозяйствующих субъектов, а также незаконного вмешательства правоохранительных органов в их деятельность.

Постановка проблемы: ежегодно правоохранительными органами рассматриваются десятки тысяч сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности и лишь по их небольшой части в последующем возбуждаются уголовные дела.

Проверка сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности в значительной степени осложняется спецификой рассматриваемых преступлений, особым статусом субъекта преступления и попытками отдельных недобросовестных предпринимателей

Abstract

The relevance of considering the issues of preliminary verification of reports of crimes in the field of entrepreneurial detail is due to the fact that it is this stage that is characterized by the greatest risks of transferring civil disputes between business entities to criminal proceedings, as well as illegal interference of law enforcement agencies in their activities.

The problem statement: every year, law enforcement agencies consider tens of thousands of reports of crimes in the field of entrepreneurial activity, and only a small part of them are subsequently prosecuted.

Verification of reports of crimes in the field of entrepreneurial activity is largely complicated by the specifics of the crimes in question, the special status of the subject of the crime and the attempts of certain unscrupulous entrepreneurs to transfer the civil dispute to criminal proceedings.

An analysis of the investigative practice shows that the verification of reports of crimes in this category actually stretches for many months, and the

перенести гражданско-правовой спор в уголовное судопроизводство.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что проверка сообщений о преступлениях рассматриваемой категории фактически растягивается на многие месяцы, а количество проверочных мероприятий, проводимых как оперативными работниками, так и следователем, сопоставимо с полноценной деятельностью по расследованию преступления.

Изучение типичных нарушений и недостатков, допускаемых в ходе доследственной проверки, свидетельствует о наличии резерва для повышения эффективности указанной деятельности за счет обеспечения согласованности действий следователя и оперативных работников на этапе доследственной проверки, в том числе основанной на совместном планировании проверочных действий и соблюдении криминалистических рекомендаций по производству отдельных проверочных мероприятий.

Цель исследования: сформулировать криминалистические рекомендации по организации и проведению доследственных проверок по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, обеспечивающие соблюдение дополнительных гарантий субъектам предпринимательской деятельности на этапе рассмотрения сообщений о преступлении.

Методы исследования: общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез, аналогия), контент-анализ, экспертная оценка.

Результаты и ключевые выводы: в статье рассмотрено понятие преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также приведены типичные модели осуществления преступной деятельности. Проанализированы различные научные подходы к определению понятия «доследственная проверка», отражающие как процессуальные, так и криминалистические ее аспекты. Приведены результаты авторского исследования, отражающие частоту встречаемости различных поводов к возбуждению уголовного дела, а также определены факторы, негативно влияющие на результативность доследственной проверки. Выявлены наиболее характерные недостатки, допускаемые в ходе проведения доследственных проверок.

В заключение сформулированы криминалистические рекомендации по организации проверки, базирующиеся на особенностях преступлений в сфере предпринимательской деятельности и приоритете планирования согласованных действий следователя и оперативных работников, выделены тактические особенности производства доследственной проверки.

number of verification activities carried out by both operational workers and the investigator is comparable to full-fledged crime investigation activities.

The study of typical violations and shortcomings committed during the pre-investigation check indicate the presence of a reserve for increasing the efficiency of these activities by ensuring the coordination of the actions of the investigator and operational workers at the stage of the pre-investigation check, including based on joint planning of check actions, and compliance with forensic recommendations on the production of individual verification measures.

The purpose of the study: to formulate forensic recommendations on the organization and conduct of pre-investigation inspections in cases of crimes in the field of entrepreneurial activity, ensuring the observance of additional guarantees for business entities at the stage of consideration of reports of a crime.

The research methods: general scientific (description, comparison), formal-logical (analysis, synthesis, analogy), content analysis, expert assessment.

The results and key findings: the article examines the concept of crimes in the field of entrepreneurial activity, and also provides typical models for the implementation of criminal activity. Various scientific approaches to the definition of the concept of «pre-investigation check», reflecting both its procedural and forensic aspects, are analyzed. The results of the author's research, reflecting the frequency of occurrence of various reasons for initiating a criminal case, are given, and factors that negatively affect the effectiveness of the pre-investigation check are identified. The most typical shortcomings allowed in the course of pre-inspection checks have been identified.

In the conclusion, forensic recommendations for the production of pre-investigation checks are formulated, based on the peculiarities of crimes in the field of entrepreneurial activity and the priority of planning coordinated actions of the investigator and operational workers, tactical features of the pre-investigation audit are highlighted.

Ключевые слова: преступления в сфере предпринимательской деятельности; субъект предпринимательства; предварительная (доследственная) проверка; криминалистические рекомендации; планирование; взаимодействие; возбуждение уголовного дела.

Keywords: crimes in the field of entrepreneurial activity; business entity; preliminary (pre-investigation) check; forensic recommendations; planning; interaction; initiation of a criminal case.

Сложный и завуалированный характер способов преступлений в сфере предпринимательской деятельности, разнообразие сфер и отраслей экономики, в которых они совершаются, продолжительный характер преступной деятельности, ее многоэпизодность, большой объем финансовой, бухгалтерской и налоговой информации, подлежащей обнаружению и анализу, необходимость использования специальных знаний — все это обуславливает повышенную трудоемкость и длительность процесса расследования, а также требует грамотной организации соответствующей деятельности, начиная с этапа доследственной проверки.

Особое внимание к рассматриваемой проблеме подтверждается и тем, что на состоявшейся в марте 2021 г. расширенной коллегии МВД России Министр внутренних дел Российской Федерации отметил, что: «одной из приоритетных задач является дальнейшая декриминализация экономики и противодействие коррупции. Серьезным образом необходимо усилить процессуальный и ведомственный контроль за обоснованностью и законностью возбуждения и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательства. Проблемы здесь сохраняются. Реагировать на подобные злоупотребления нужно своевременно и жестко, действовать в постоянном, открытом контакте с деловым сообществом»¹.

Сложившаяся ситуация вокруг выявления и расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности вполне закономерна, поскольку это высоклатентные преступления, совершаемые в различных сферах экономической деятельности и отраслях экономики.

В рамках настоящей статьи под преступлениями в сфере предпринимательской деятельности будем понимать «общественно опасные уголовно наказуемые умышленные деяния, совершенные субъектами предпринимательства в процессе осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, либо под прикрытием такой деятельности, путем нарушения нормативной модели предпринимательской деятельности в той или иной

сфере или отрасли экономики, преследуя корыстный мотив для извлечения криминального дохода или причинения материального ущерба гражданам, организациям или государству» [11, с. 105].

Преступления в сфере предпринимательской деятельности условно можно разделить на основные (базовые) составы преступлений, в результате совершения которых извлекается криминальный доход: ст. 159, 159¹, 159², 159⁵, 160, 165, 171, 171¹, 171², 171³, 171⁵, 172, 172², 176, 178, 180, 191, 191¹, 196, 200³, 201, 235¹, 238¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также вспомогательные (сопутствующие) составы, которые, как правило, выступают обязательной составляющей преступной деятельности в сфере предпринимательства (базовых преступлений) и могут совершаться на различных этапах преступной деятельности (до совершения базового преступления, одновременно с ним либо после его совершения в целях сокрытия): ст. 172¹, 172³, 173¹, ч. 2 ст. 173², 174, 174¹, 187, 193, 193¹, 195, 197, 238, 327¹, 327² УК РФ [12, с. 131].

С учетом общности закономерностей подготовки, совершения и сокрытия преступления в сфере предпринимательской деятельности условно можно объединить в две типичные модели преступной деятельности²:

«неисполнение договорных обязательств и неправомерное распоряжение вверенным имуществом», в основе которой лежат закономерности заключения и исполнения договорных обязательств, регламентированные гражданским законодательством Российской Федерации, а также использования полномочий руководителя организации или индивидуального предпринимателя по распоряжению вверенным имуществом — 74 %;

«незаконная деятельность по производству, хранению, перевозке, сбыту товаров, выполнению работ или оказанию услуг», в основу которой положен нормативно регламентированный порядок осуществления предпринимательской деятельности: регистрации субъектов предпринимательства, выдачи лицензий, разрешений;

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.pf/document/23363523> (дата обращения: 01.12.2021).

² Эмпирические данные, приведенные в настоящей статье, базируются на результатах авторского исследования [10, с. 206–208, 257–286].

вхождения в состав саморегулируемых организаций; производства, хранения, перевозки, сбыта товаров, выполнения работ или оказания услуг; привлечения денежных средств, либо их выдачи в виде кредита — 26 %.

Применительно к указанным типичным моделям преступной деятельности в сфере предпринимательства и будут проанализированы вопросы проведения доследственной проверки. Особенности организации расследования и проверки заявлений и сообщений о преступлении являются предметом исследований как ученых-процессуалистов [4; 5; 6; 13], так и криминалистов [1; 2; 7; 8; 14; 15].

Например, В. В. Степанов, анализируя процессуальные и криминалистические вопросы проверки заявлений и сообщений о совершенных или подготавливаемых преступлениях, определял «предварительную проверку заявлений и сообщений о преступлениях как деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законом лиц, направленную на обнаружение признаков преступления и иных обстоятельств для своевременного и обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела или принятия иных мер» [15, с. 11].

По мнению А. Н. Ильина, «предварительная проверка сообщения о преступлении — это процесс приема и регистрации информации о предполагаемом преступном событии, выявления в ней фактических данных, указывающих на признаки преступления, а также сбора дополнительных сведений о следах преступного события и иных его признаках, необходимых для принятия предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством решения по сообщению о преступлении» [7, с. 9].

Отдельные авторы предлагают рассматривать доследственную проверку как составную часть методики расследования преступлений. Например, В. П. Корж «под доследственной проверкой понимает систему научных положений и разрабатываемых на их основе методов проверки криминалистически значимой информации о признаках экономического преступления, совершенного организованными преступными образованиями, в той или иной доследственной ситуации, процессуально-криминалистической оценки полученной информации, необходимой для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела» [8, с. 209].

Нам больше импонирует подход профессора В. П. Лаврова, согласно которому «предварительная проверка сообщения о преступлении — это деятельность компетентных должностных лиц правоохранительных органов по анализу принятой и зарегистрированной в установленном порядке информации о предполагаемом

преступном событии, выявлении в ней фактических данных, указывающих на признаки преступления (или их отсутствия), необходимых и достаточных для принятия одного из предусмотренных уголовно-процессуальным законом решений, а в необходимых случаях — сбора дополнительных сведений о следах и иных признаках преступного деяния, имеющих значение для возбуждения уголовного дела и начала расследования» [9, с. 113].

Важной особенностью расследования преступлений рассматриваемой категории выступает необходимость установления наличия (или отсутствия) связи подготовки или совершения преступления со сферой предпринимательской деятельности, а также исполнением субъектом предпринимательства служебных обязанностей, что влияет на процедуру проверки и необходимость обеспечения дополнительных гарантий в отношении субъектов предпринимательства в сфере уголовного судопроизводства.

При возбуждении уголовного дела о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности в соответствии со ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), поводами (источниками информации) выступают:

- заявление о преступлении (граждан, руководителя юридического лица, работников предприятий и организаций, акционеров и членов обществ о ставших им известных фактах преступной деятельности, Агентства по страхованию вкладов) — 23 %;

- сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников — 72 %: по материалам подразделений ЭБиПК МВД России — 39 %; по материалам оперативных подразделений ФСБ России — 1 %; по материалам контролирующих государственных органов (Счетная палата Российской Федерации, КРУ Минфина России, ФНС России, Банк России, Росфинмониторинг, Федеральное казначейство, ФАС России) — 14 %; по результатам проведения оперативно-профилактических мероприятий — 11 %; аудиторов и аудиторских организаций — 1 %; непосредственное обнаружение следователем или судом признаков преступления — 4 %; материалы, опубликованные в СМИ (статьи, иные публикации, телевизионные репортажи, журналистские расследования и т. п.) — 2 %;

- постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) — 5 %.

Исходная информация о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, поступающая в правоохранительные органы,

как правило, требует предварительной проверки (82 %), поскольку первичные материалы содержат лишь косвенную, неполную и недостаточную информацию о событии преступления, его признаках, либо информация носит противоречивый характер.

К числу факторов, которые негативно отражаются на результатах доследственной проверки сообщений о преступлениях, относятся следующие:

1) обращение в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления либо его выявление правоохранительными органами спустя значительное время с момента совершения преступления;

2) наличие в действиях подозреваемых или обвиняемых и потерпевших гражданско-правовых отношений;

3) наличие в действиях подозреваемых или обвиняемых правонарушений, выявленных контролирующими органами и оспариваемых предпринимателями в арбитражном суде. В отдельных случаях привлечение к уголовной ответственности возможно только после подтверждения соответствующего нарушения контролирующим (надзорным) органом (например, ФНС России — налоговое преступление, Банк России — преступление в банковской сфере, ФАС России — ограничение конкуренции, ФТС России — преступления в сфере внешнеэкономической деятельности). Кроме того, такое решение нередко должно еще пройти стадию судебного обжалования. Только после этого соответствующее нарушение может выступать основанием привлечения к уголовной ответственности;

4) сокрытие либо уничтожение документов, отражающих результаты финансово-хозяйственной деятельности организации, ее финансовых операций и выступающих доказательствами незаконной деятельности в сфере предпринимательства;

5) сложность определения точного размера ущерба, причиненного преступлением, либо размера извлеченного дохода от незаконной деятельности. Разнообразие сфер экономической деятельности детерминирует и разнообразие предмета посягательства, особенности его измерения и расчета (например, размер неисполненных обязательств, завышение стоимости работ, сумма обналиченных либо легализованных денежных средств, стоимость контрафактной продукции, доход от незаконной банковской деятельности, от игровой деятельности и т. п.). Решение отмеченной задачи, как правило, невозможно без привлечения специалистов и проведения соответствующих исследований или судебных экспертиз;

6) использование фирм-однодневок при совершении и сокрытии преступлений в сфере предпринимательской деятельности;

7) вывод активов организации, денежных средств, полученных в результате преступления, путем совершения многократных финансовых операций по фиктивным основаниям и с фиктивными контрагентами, либо их передача аффилированным лицам;

9) отсутствие единообразных и согласованных подходов к оценке признаков преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности и нередко квалифицируемых по совокупности преступлений со стороны следователей, прокуроров и судей;

10) большой объем криминалистически значимой информации в цифровом виде, требующей специальных навыков обнаружения, изъятия, изучения, осмотра и анализа таких документов бухгалтерской, финансовой и налоговой отчетности.

Значительная часть преступлений рассматриваемой категории выявляется преимущественно оперативным путем (например, незаконная банковская деятельность, игорная деятельность, глубоко законспирированные хищения бюджетных средств, финансовые пирамиды, действующие исключительно в сети Интернет, и др.) либо требует в процессе проверки проведения целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

При организации проведения доследственной проверки по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности должны соблюдаться следующие общие требования и условия:

1) особый нормативный порядок, регламентирующий проверку заявлений и сообщений о преступлениях экономической направленности³.

На уровне территориальных органов МВД России вопросы рассмотрения сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, в том числе применительно и к отдельным сферам экономической деятельности, получили дополнительную регламентацию в виде как ведомственных, так и межведомственных приказов, определяющих порядок организации и проведения проверки сообщений о преступлениях, алгоритмы действий оперативных работников и следователей, примерный перечень документов, находящихся в мате-

³ Об организации рассмотрения сообщений о преступлениях экономической направленности: приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 785. Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверки в порядке ст.ст. 140–145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности: приказ Следственного департамента МВД России от 26 октября 2011 г. № 55. Об организации работы по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: указания Следственного департамента МВД России № 17/3-27769 от 6 сентября 2017 г., № 17/3-29881 от 24 августа 2018 г., 27 февраля 2019 г.

риалах доследственной проверки, особый порядок согласования таких материалов⁴;

2) соблюдение сроков рассмотрения сообщения о преступлении в сфере предпринимательской деятельности (ст. 144 УПК РФ).

По материалам изученных уголовных дел фактический срок доследственной проверки (с учетом отмены решений об отказе в возбуждении уголовного дела) лишь по одной трети дел завершен в установленные уголовно-процессуальным законодательством сроки, то есть до 30 суток. В 63 % дел доследственная проверка фактически длилась до 6 месяцев, а еще в 7 % уголовных дел — превышала полгода.

В этой связи следует согласиться с И. А. Возгриным в том, что «отмечая важность предварительной проверки сведений о фактах, имеющих признаки преступлений, в то же время следует указать на недопустимость превращения проверочной работы в непроцессуальное расследование [3, с. 43].

Для преступлений рассматриваемой категории указанное обстоятельство весьма актуально, поскольку повышенные требования к решениям, принимаемым следователями по материалам в отношении предпринимателей, детерминирует повышенную требовательность последних и к материалам доследственных проверок.

Доследственные проверки по делам рассматриваемой категории фактически растягиваются на многие месяцы (происходит многократная отмена решений об отказе в возбуждении уголовного дела), а количество проверочных мероприятий, проводимых как оперативными работниками, так и самим следователем, сопоставимо с полноценной деятельностью по расследованию преступления.

Очевидно одно, что этап доследственной проверки по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности является весьма важной и сложной задачей, стоящей перед сотрудниками правоохранительных органов, а ее решение во многом зависит от профессионального мастерства и слаженной совместной работы оперативных работников, экспертов и следователей;

3) согласованность действий следователя и оперативных работников на этапе дослед-

ственной проверки, в том числе совместное планирование проверочных действий.

Рассогласованность и недостаточная тактическая продуманность действий вышеуказанных субъектов, как правило, приводит к просчетам и упущениям, затягиванию сроков рассмотрения сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, потере тактических преимуществ, а нередко и утрате криминалистически значимой информации.

Эффективность доследственной проверки и расследования в целом зависит от согласованности, непрерывности и плановости проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий на всех этапах выявления, раскрытия и расследования преступлений вплоть до вступления приговора в законную силу.

Уже на этапе документирования преступной деятельности в сфере предпринимательства сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, или их руководители должны использовать возможность обращения к следователю по вопросам процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности, определения сроков и порядка их реализации. Именно отсутствие должного взаимодействия и согласованности действий оперативных работников и следователей на данном этапе приводит к неоднократным возвратам материалов проверки, как правило, в связи с неполнотой проведенной проверки.

При наличии оснований для возбуждения уголовного дела разрабатывается совместный комплексный план, предусматривающий реализацию оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, в том числе осуществляемых в составе следственной группы.

На важность оперативного сопровождения проверок по сообщениям о преступлениях рассматриваемой категории указано в п. 3.1 приказа МВД России от 1 декабря 2016 г. № 785 и п. 17.3 и 17.4 Типового положения о следственной части по расследованию организованной преступной деятельности главного следственного управления (следственного управления, следственного отдела) территориального органа МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях⁵.

Такой порядок взаимодействия следователя и оперативного работника будет способствовать тактически грамотному, согласован-

⁴ Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверок по отдельным видам преступлений экономической, коррупционной направленности, а также в сфере предпринимательской деятельности: приказ ГУ МВД России по Нижегородской области от 24 октября 2020 г. № 756; О порядке взаимодействия правоохранительных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства при рассмотрении сообщений о преступлениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства: приказ прокуратуры Кировской области, УМВД России по Кировской области, СУ СК РФ по Кировской области, УФСБ России по Кировской области от 25 июня 2018 г. № 119/534/89/49.

⁵ О направлении образца типового положения: письмо Следственного департамента МВД России от 2 февраля 2021 г. № 17/3-3000; Об организации рассмотрения сообщений о преступлениях экономической направленности: приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 785.

ному осуществлению следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования, закладывая прочную основу для успешного расследования по делу в целом;

4) соблюдение особенностей уголовного судопроизводства в отношении субъектов предпринимательства.

Так, уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности, касающиеся, в частности, порядка возбуждения уголовного дела о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ) и др.

Оценивая тот или иной источник информации, важно проверять соблюдение требований ч. 3 ст. 20 УПК РФ (по установлению и получению заявлений от потерпевшего). Это одна из процессуальных гарантий, адресованная предпринимателям, защищающая последних от незаконного возбуждения уголовных дел и оказания противоправного давления.

В следственной практике этап доследственной проверки является весьма ответственным и сложным. Именно указанный этап, как правило, связывают с наибольшим риском оказания давления на бизнес, вовлечения субъектов предпринимательской деятельности в уголовный процесс, избрания меры пресечения субъектам предпринимательства, приостановки (блокирования) деятельности организации, наложения ареста на имущество, в том числе расчетные счета организации.

Это подтверждают и результаты анализа обращений и жалоб предпринимателей, направленных в 2020–2021 гг. на платформу «ЗаБизнес.РФ». Так, многие обращения связаны с возбуждением уголовных дел о преступлениях в сфере госзаказа; с необоснованным возбуждением уголовных дел за покушение на мошенничество и с нарушениями при проведении доследственных проверок⁶.

К числу типичных недостатков, возникающих в ходе проведения доследственной проверки, относятся: неполнота исследования финансово-хозяйственной деятельности проверяемой организации, непроведение встречных проверок контрагентов; неустановление всех контрагентов и непроведение их опроса; неприобщение документов, определяющих правовой статус организации и полномочия ее руководителя; неустановление бухгалтерской, налоговой и иной документации, отражающей ре-

зультаты финансово-хозяйственной деятельности и историю гражданско-правовых сделок; неустановление движения денежных средств, полученных в результате совершения преступления, а также конечных бенефициаров; отсутствие документов, отражающих получение субъектом дохода от незаконной предпринимательской деятельности, а также заключений специалистов по расчету дохода; ошибки, допущенные в расчете размера ущерба или извлеченного дохода от незаконной деятельности; отсутствие материалов о ранее проведенных проверках контролирующих органов, их результатах, в том числе обжалования в судебном порядке; отсутствие информации из лицензирующих органов о выдаче лицензии, разрешения; неприобщение материалов, отражающих претензионную работу в рамках неисполненных гражданско-правовых обязательств; нарушения, допущенные в ходе изъятия документов в проверяемой организации, и др.

Нередко решения о возбуждении уголовного дела принимаются преждевременно по неполным и некачественным материалам проверок. В последующем при производстве предварительного следствия выводы доследственных проверок сообщений о преступлениях не подтверждаются, а возбужденные уголовные дела прекращаются как в процессе предварительного следствия, так и в суде.

Это связано с тем, что в ходе рассмотрения материалов сотрудниками оперативных служб не предпринимаются достаточные меры к установлению места нахождения, изъятию документации и на момент возбуждения уголовных дел документы уже утрачены, сокрыты или сфальсифицированы.

При поступлении в следственное подразделение материалов доследственных проверок о преступлениях рассматриваемой категории рекомендуется: истребовать финансово-хозяйственные документы; проводить судебные бухгалтерские, финансово-аналитические, экономические, оценочные экспертизы (исследования), документальные проверки, ревизии, необходимые для установления извлеченного дохода или размера причиненного материального ущерба; истребовать документы, регламентирующие деятельность индивидуальных предпринимателей, организаций и их сотрудников для установления факта противоправности действий данных лиц; проводить криминалистические, почерковедческие, химические и иные экспертизы (исследования) для установления фиктивности финансово-хозяйственных и иных документов.

При анализе конкретных материалов следователю необходимо установить и досконально изучить выписки банков по расчетным счетам

⁶ Официальный сайт цифровой платформы «ЗаБизнес.РФ». URL: <https://zabiznes.pf/news/news/114> (дата обращения: 01.12.2021).

обвиняемого и потерпевшего, финансово-хозяйственную документацию и отчетность по ведению предпринимательской деятельности и ее результатам, если хищение сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, сведения ЕГРЮЛ, ЕГРИП, протоколы объяснений подозреваемого, заявления потерпевшего, свидетелей, материалов проверок контролирующими органами, результаты ревизий и исследований, материалы встречных проверок организаций-контрагентов и др.

Оценивая готовность материалов проверки к принятию решения о возбуждении уголовного дела, необходимо учитывать результаты анализа сведений о движении по расчетным счетам физических и юридических лиц (при наличии и необходимости) с указанием на конкретные финансовые операции, подтверждающие выводы о наличии состава преступления (взаимоотношения с сомнительными контрагентами, обналичивание денежных средств и т. д.).

В случае установления признаков преступления по материалу проверки до принятия решения о возбуждении уголовного дела рекомендуется обеспечить подготовку следователем совместно с сотрудниками оперативной службы, проводившими проверку, согласованного плана первоначальных следственных действий, в котором должны быть отражены: меры по изъятию документов первичной документации финансовой деятельности лица или организации; меры по обеспечению возмещения причиненного материального ущерба; меры, направленные на установление местонахождения и проведение неотложных следственных действий со значимыми для доказывания лицами по уголовному делу.

По уголовным делам рассматриваемой категории также рекомендуется составлять мотивированное заключение, которое должно содержать сведения о поводе и основании возбуждения уголовного дела; о квалификации действий подозреваемого; краткие характеризующие данные подозреваемого; сведения о потерпевшем; сведения, подтверждающие размер причиненного ущерба и имущественное положение потерпевшего; сведения о заявителе в случае причинения вреда исключительно интересам юридического лица; краткое изложение полученных в ходе проверки данных; информацию о законности получения предметов и документов, наличии либо отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния или влекущих прекращение уголовного преследования.

Существенным обстоятельством, подлежащим выяснению на этапе следственной проверки, является установление имущества, на которое может быть наложен арест в счет обеспечения возмещения ущерба.

В целях повышения эффективности работы по возмещению ущерба необходимо обеспечить постоянный контроль за своевременным планированием и результативностью проводимых мероприятий по возмещению вреда, обысковых мероприятий, поиску и аресту активов в целях его обеспечения, расширять практику использования имеющихся оперативных источников, а также информационных баз данных Росфинмониторинга, Росреестра, ФНС России, государственного кадастра недвижимости, ГИБДД МВД России, МЧС России и Ростехнадзора.

Важно обеспечить незамедлительное после возбуждения уголовного дела направление поручений в орган дознания для проведения мероприятий, направленных на отыскание похищенного имущества, установление имущественного положения подозреваемого, отработку родственников и ближнего окружения подозреваемых, на которых с целью сокрытия могло быть оформлено похищенное имущество, для принятия процессуальных мер в порядке ст. 115¹ УПК РФ.

По каждому материалу следственной проверки о преступлениях данной категории рекомендуется осуществлять контроль за своевременностью предоставления рассекреченных результатов оперативно-розыскных мероприятий⁷, а также полных характеризующих данных на основных фигурантов, в том числе об их имущественном положении, месте проживания, открытых расчетных счетах, а также имущественном положении близких и иных аффилированных лиц.

Как правильно отмечается С. В. Ермаковым, М. М. Макаренко и П. Г. Сычёвым, «фактическая сложность проверки сообщений о преступлениях экономической направленности обусловлена выполнением значительного количества процессуальных действий и на территории различных субъектов Российской Федерации; необходимостью установления и анализа многочисленных финансово-хозяйственных операций с участием юридических и физических лиц. На соблюдение сроков проведения проверок по преступлениям экономической направленности влияет и необходимость истребования документов от различных контрагентов заявителя, которые могут находиться за пределами региона, а также получения объяснений от их представителей.

Правовая сложность заключается в высокой латентности данных преступлений и маскировке их под гражданско-правовые отношения, не-

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776.

обходимости правовой оценки действий подозреваемых и доказывания их вины в условиях использования межотраслевого законодательства, при наличии судебных решений, подтверждающих правомерность некоторых действий фигурантов (то есть в условиях преюдиции) [5, с. 52].

Анализ данных о доследственных проверках по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности позволяет сформулировать рекомендации по установлению и проверке, прежде всего, следующих данных о преступлении:

- правовой статус субъекта предпринимательства, полномочия руководителя, периоды исполнения таких полномочий, в том числе по доверенности;

- правовой статус потерпевшего (для дел, по которым ущерб причинен юридическому лицу) для получения заявления от уполномоченного лица;

- обстоятельства дела, свидетельствующие о необходимости соблюдения дополнительных гарантий для субъектов предпринимательства в сфере уголовного судопроизводства;

- факты использования фирм-однодневок для совершения или сокрытия преступлений в сфере предпринимательской деятельности и их подтверждение в ходе проверки (в рамках преднамеренного неисполнения договорных обязательств, уклонения от уплаты налогов, в процессе незаконной предпринимательской или банковской деятельности);

- гражданско-правовой спор между хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности, в том числе с учетом решений судов, носящих преюдициальное значение;

- факты нарушения норм отраслевого законодательства, включая выявленные контролирующими органами (истребование и изучение материалов проверок, актов ревизий, аудиторских проверок и т. п., вынесенных решений, назначенных наказаний);

- размер ущерба, причиненного в результате совершения преступления, либо суммы дохода от незаконной деятельности в сфере предпринимательства, размера легализованных или вывезенных за рубеж денежных средств;

- схемы движения денежных средств, обусловленные моделью преступной деятельности, все участники этой схемы, а также расчетные счета организаций (физических лиц), через которые осуществлен вывод денежных средств, либо их обналичивание.

В зависимости от модели преступной деятельности в сфере предпринимательства к числу ключевых обстоятельств, подлежащих установлению в рамках доследственной проверки, следует отнести:

1) в рамках модели преступной деятельности «Неисполнение договорных обязательств и распоряжение вверенным имуществом»:

- получение заявления от потерпевшего (законного представителя потерпевшего, уполномоченного лица, представляющего интересы государственного органа или организации);

- установление доказательств, подтверждающих наличие договорных отношений и неисполнение обязательств (исполнение не в полном объеме, либо ненадлежащее исполнение), включая решение арбитражного суда по результатам разрешения гражданского спора либо обжалования решений контролирующих органов;

- установление доказательств умышленного неисполнения договорных отношений одной из сторон;

2) в рамках модели преступной деятельности «Незаконная деятельность по производству, хранению, перевозке, сбыту товаров или оказанию услуг»:

- установление правового статуса субъекта незаконной деятельности (наличие либо отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя);

- установление наличия действующего разрешения (лицензии) на осуществление соответствующего вида деятельности; членство в саморегулируемой организации;

- установление доказательств, подтверждающих осуществление незаконной деятельности и ее масштаб, а также расчет размера извлеченного дохода.

К числу общих тактических особенностей производства доследственной проверки по преступлениям рассматриваемой категории необходимо отнести следующие:

1) недопустимо необоснованное расширение предмета доследственной проверки;

2) требуется строго соблюдать рекомендации по изъятию документов, предметов и электронных носителей информации, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, и только в крайних случаях в остальных ситуациях — изготавливать копии таких документов и возвращать оригиналы их владельцу в установленные сроки;

3) в обязательном порядке привлекать к проведению проверки специалистов в сфере экономики, финансов, бухгалтерского учета, информационных технологий и других областей знаний, включая специалистов контролирующих и надзорных государственных органов, в целях обнаружения, изъятия, анализа и использования полученных данных в процессе производства исследований и судебных экспертиз;

4) обеспечивать исключение фактов преждевременного афиширования хода и результа-

тов доследственной проверки в отношении конкретных субъектов предпринимательства и их контрагентов, если это может привести к подрыву деловой репутации и финансовым потерям, например, за счет отказа от заключения контрактов либо их разрыва, отказа банка в открытии кредитной линии и т. п.;

5) соблюдать баланс мер негативного воздействия в отношении субъектов предпринимательства и обеспечения сохранности доказательственной информации в части изъятия продукции, наложения ареста на имущество, блокировки расчетных счетов или приостановки деятельности организации;

6) осуществлять всестороннюю проверку обстоятельств, свидетельствующих о наличии гражданско-правового спора между субъектами хозяйственной деятельности, в том числе ранее вынесенных судебных решений, имеющих преюдициальное значение;

7) сочетание оперативно-розыскных, следственных и иных проверочных действий в процессе доследственной проверки для обнаруже-

ния доказательственной информации и обеспечения ее сохранности, пресечения попыток противодействия выявлению преступления, в том числе путем оказания негативного воздействия на участников проверки, а также создания тактических преимуществ, обеспечивающих условия для заключения в последующем досудебных соглашений с отдельными подозреваемыми.

В завершение отметим, что от правильной и тактически грамотной организации проверки заявлений и сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности и планирования ее осуществления во многом зависит успех дальнейшего расследования, а также исключение фактов необоснованного вмешательства правоохранительных органов в гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов, сохранность следов преступления, возможность их обнаружения, изъятия и фиксации, своевременное назначение судебных экспертиз и соблюдение разумных сроков расследования по уголовному делу.

Список литературы:

1. Арсланова А. Р. Криминалистическая тактика процессуальных действий при рассмотрении сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2017.
2. Возбуждение уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Данилова, В. А. Шиплюк. Санкт-Петербург, 2011.
3. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Санкт-Петербург, 1993. Ч. 3.
4. Гаврилов Б. Я., Валов С. В., Образцов А. В. Организация рассмотрения территориальными органами МВД России сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях: учебно-методическое пособие / под науч. ред. Б. Я. Гаврилова. Москва, 2015.
5. Ермаков С. В., Макаренко М. М., Сычев П. Г. Возбуждение уголовных дел о преступлениях экономической направленности: учебно-практическое пособие. Москва, 2018.
6. Ефремова Е. А. Организация расследования преступлений экономической направленности: монография / под ред. А. В. Шмонина. Москва, 2014.
7. Ильин А. Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.

References:

1. Arslanova A. R. Kriminalisticheskaya taktika processual'nyh dejstvij pri rassmotrenii soobshcheniya o prestuplenii: dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2017.
2. Vozbuzhdenie ugovnogo dela: ugovno-processual'nyj i kriminalisticheskij aspekty: uchebnoe posobie / отв. red. N. A. Danilova, V. A. Shiplyuk. Sankt-Peterburg, 2011.
3. Vozgrin I. A. Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij. Sankt-Peterburg, 1993. Ch. 3.
4. Gavrilov B. Ya., Valov S. V., Obrazcov A. V. Organizaciya rassmotreniya territorial'nymi organami MVD Rossii soobshchenij o prestupleniyah, administrativnyh pravonarusheniyah, proisshestviyah: uchebno-metodicheskoe posobie / pod nauch. red. B. YA. Gavrilova. Moskva, 2015.
5. Ermakov S. V., Makarenko M. M., Sychyov P. G. Vozbuzhdenie ugovnyh del o prestupleniyah ekonomicheskoy napravlenosti: uchebno-prakticheskoe posobie. Moskva, 2018.
6. Efremova E. A. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti: monografiya / pod red. A. V. Shmonina. Moskva, 2014.
7. Il'in A. N. Taktika predvaritel'noj proverki soobshcheniya o prestuplenii: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2008.
8. Korzh V. P. Teoreticheskie osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh organizovannymi prestupnymi obrazovaniyami v

8. Корж В. П. Теоретические основы методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными образованиями в сфере экономической деятельности: монография. Харьков, 2002.
9. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
10. Лапин В. О. Научные основы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности: монография / под ред. В. П. Лаврова. Москва, 2022.
11. Лапин В. О. Преступления в сфере предпринимательской деятельности как объект криминалистического исследования // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54).
12. Лапин В. О. Типичные модели преступной деятельности в сфере предпринимательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 1.
13. Организация деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию преступлений экономической направленности: учебно-практическое пособие / под общ. ред. А. В. Шмонина. Москва, 2013.
14. Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты: учебно-методическое пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. Москва, 2015.
15. Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972.
16. сфера ekonomicheskoy deyatel'nosti: monografiya. Har'kov, 2002.
9. Lavrov V. P. Problemy predvaritel'noj proverki soobshchenij o prestupleniyah v sovremennyh rossijskikh usloviyah // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44).
10. Lapin V. O. Nauchnye osnovy rassledovaniya prestuplenij v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti: monografiya / pod red. V. P. Lavrova. Moskva, 2022.
11. Lapin V. O. Prestupleniya v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2 (54).
12. Lapin V. O. Tipichnye modeli prestupnoj deyatel'nosti v sfere predprinimatel'stva // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2022. № 1.
13. Organizaciya deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii po rassledovaniyu prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti: uchebno-prakticheskoe posobie / pod obshch. red. A. V. Shmonina. Moskva, 2013.
14. Proverka soobshchenij o prestupleniyah. Processual'nye i kriminalisticheskie aspekty: uchebno-metodicheskoe posobie / pod red. A. I. Bastykina. Moskva, 2015.
15. Stepanov V. V. Predvaritel'naya proverka pervichnyh materialov o prestupleniyah. Saratov, 1972.

Для цитирования:

Лапин Вячеслав Олегович. Предварительная проверка сообщений о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: криминалистический аспект // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 90–100.

For citation:

Lapin Vyacheslav Olegovich. Preliminary Checks of Business Crime Reports: Criminalistic Aspect // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 90–100.

АННА ВАСИЛЬЕВНА СИБИЛЬКОВА,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

ANNA VASIL'YEVNA SIBIL'KOVA,
Senior Lecturer of the Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Candidate of Law
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

УДК 343.9

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-101-109

Дата поступления: 30 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики

Psychological Aspects of Interrogation Tactics in the Paradigm of Criminology Development

Аннотация

Актуальность изучения тактики допроса, ее развития и современного состояния обусловлена тем, что показания, получаемые при допросе различных участников уголовного судопроизводства, как правило, составляют основную часть доказательств по уголовному делу, а иногда являются единственным видом доказательств. Наблюдающаяся в настоящее время трансформация преступности не меняет ситуацию, поскольку при расследовании по новым видам преступлений уголовных дел не обойтись без допросов. При этом преступники нового формата требуют особого подхода к тактике их допроса.

Постановка проблемы: ежегодно около половины преступлений остаются нераскрытыми в Российской Федерации. Поскольку допрос является основным способом получения ориентирующей и доказательственной информации по уголовному делу, можно сделать вывод, что во многих случаях допросы проведены недостаточно качественно.

При этом под качеством допроса понимается не только проведение допроса с соблюдением всех уголовно-процессуальных требований и запретов, но и получение в ходе него от допрашиваемого лица криминалистически

Abstract

The relevance of the study of interrogation tactics, its development and current state is due to the fact that the testimony obtained during the interrogation of various participants in criminal proceedings, as a rule, constitute the bulk of the evidence in a criminal case, and sometimes are the only type of evidence. The currently observed transformation of crime does not change the situation, since it is impossible to do without interrogations when investigating criminal cases of new types of crimes. At the same time, the criminals of the new format require a special approach to the tactics of their interrogation.

The problem statement: every year about half of crimes remain unsolved in the Russian Federation. Since interrogation is the main way to obtain orienting and evidentiary information on a criminal case, it can be concluded that in many cases interrogations were conducted insufficiently qualitatively.

At the same time, the quality of interrogation is understood not only to conduct an interrogation in compliance with all criminal procedural requirements and prohibitions, but also to receive during it from the interrogated person criminally significant information in the fullest extent that he has, and in the most objective expression.

значимой информации в наиболее полном объеме, которым он располагает, и в максимально объективном выражении.

Одной из проблем является то, что долгое время в качестве субъекта применения тактических приемов рассматривался «абстрактный следователь», индивидуальные свойства личности следователя во внимание не принимались.

Вместе с тем долгое время в криминалистике не учитывался тот факт, что не только допрашивающий оказывает влияние на допрашиваемое лицо, но и допрашиваемое лицо может оказывать психологическое влияние на допрашивающего. В связи с этим следователи оказываются неготовыми к манипуляциям, зачастую не осознают их и не могут им противостоять.

Цель исследования: совершенствование тактики допроса посредством интеграции психологических знаний. Определение личностных особенностей следователя, имеющих значение при осуществлении им допроса и применении тактических приемов. Выработка способов противодействия манипуляциям со стороны допрашиваемых лиц.

Методы исследования: диалектический метод как всеобщий универсальный метод познания, общенаучные формально-логические методы познания (анализ и синтез, дедукция и индукция), чувственно-рациональные методы (сравнение), системный подход, взаимосвязь и взаимообусловленность теории и практики.

Результаты и ключевые выводы: в результате проведенного исследования определены современные тенденции развития криминалистической тактики допроса:

1) признание двухстороннего характера воздействия допрашивающего и допрашиваемого друг на друга. Это позволяет предвидеть возможность различных манипуляций со стороны допрашиваемого и обучить следователя противостоять им. Предложено применять при взаимодействии с допрашиваемым лицом методы транзактного анализа и модель треугольника Карпмана;

2) признание индивидуальности следователя. Это позволяет учитывать сильные и слабые стороны допрашивающего при выборе тактических приемов допроса и организации данного следственного действия, что способствует наиболее эффективному получению криминалистически значимой информации в ходе допроса.

Ключевые слова: тактика допроса; психология допроса; транзактный анализ; треугольник Карпмана; эмоциональный интеллект.

One of the problems is that for a long time an «abstract investigator» was considered as the subject of the use of tactical techniques, the individual properties of the investigator's personality were not taken into account.

At the same time, for a long time, criminology did not take into account the fact that not only the interrogator influences the interrogated person, but also the interrogated person can have a psychological influence on the interrogator. In this regard, investigators are unprepared for manipulations, often do not realize them and cannot resist them.

The purpose of the study: to improve the tactics of interrogation through the integration of psychological knowledge. Determination of the personal characteristics of the investigator that are important in the conduct of his interrogation and the use of tactical techniques. Development of ways to counter manipulation by interrogated persons.

The research methods: dialectical method as a universal universal method of cognition, general scientific formal-logical methods of cognition (analysis and synthesis, deduction and induction), sensory-rational methods (comparison), systematic approach, interrelation and interdependence of theory and practice.

The Results and key conclusions: as a result of the conducted research, modern trends in the development of forensic interrogation tactics have been identified:

1) recognition of the two-way nature of the influence of the interrogator and the interrogated on each other. This allows you to anticipate the possibility of various manipulations on the part of the interrogated and train the investigator to resist them. It is proposed to use the methods of transactional analysis and the Karpman triangle model when interacting with the interrogated person;

2) recognition of the investigator's individuality. This makes it possible to take into account the strengths and weaknesses of the interrogator when choosing tactical interrogation techniques and organizing this investigative action, which contributes to the most effective obtaining of criminally significant information during the interrogation.

Keywords: interrogation tactics; psychology of interrogation; transactional analysis; Karpman triangle; emotional intelligence.

Деятельности следователя допросы занимают большой объем его рабочего времени. Показания, получаемые при допросе различных участников уголовного судопроизводства, как правило, составляют основную часть доказательств по уголовному делу, а иногда являются единственным видом доказательств. А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева указывают, что именно в ходе допроса «почти по каждому делу добывается наибольшее количество доказательств, позволяющих установить истину. В этом смысле допрос можно считать основным или главным источником получения доказательств» [4, с. 79].

В связи с вышеизложенным, качество проведения следователем допросов во многом определяет его профессионализм. Под качеством допроса мы понимаем не только проведение допроса с соблюдением всех уголовно-процессуальных требований и запретов. Данное следственное действие может быть проведено с этой точки зрения безупречно, но при этом не получена информация, имеющая значение для раскрытия уголовного дела или доказывания по нему.

Качество, в нашем понимании, это еще и способность следователя получить от допрашиваемого лица криминалистически значимую информацию в наиболее полном объеме, которым он располагает, и в максимально объективном выражении.

Н. И. Порубов отмечает также, что допрос является «пробирным камнем» работы следователя. Сложность допроса заключается в кажущейся его простоте. Квалифицированное производство допроса требует не только знания закона и творческого его применения, но и житейского опыта, умения интерпретировать и варьировать различные меры воздействия на личность с учетом индивидуально-возрастных ее особенностей. Допрос — это искусство, требующее высокого мастерства и способностей [13, с. 129].

В настоящее время наблюдаются процессы трансформации преступности, растет число преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, появляется потребность в применении специальных знаний в этой сфере. Однако и при расследовании подобного рода уголовных дел не обойтись без допросов. При этом преступники нового формата требуют особого подхода к тактике их допроса.

Таким образом, вопросы тактики допроса являются актуальными на современном этапе развития криминалистики, при этом наблюдаются тенденции, способные, на наш взгляд, благотворно повлиять на ее развитие. Они будут рассмотрены в этой статье.

Различные аспекты тактики допроса находили освещение в трудах многих ученых. Нас же

интересует психологическая составляющая тактики допроса как зона ее развития.

Технически и организационно несложное следственное действие сложно и ресурсозатратно с психологической точки зрения.

Р. С. Белкин пишет, что тактика допроса в целом и все ее элементы должны иметь прочную психологическую основу как необходимый компонент их научного фундамента [1, с. 160].

М. И. Еникеев и Э. А. Черных также отмечают, что допрос является наиболее психологизированным следственным действием, связанным с личностными особенностями допрашиваемого и допрашивающего, с психическим взаимодействием между ними [7, с. 5].

При этом долгое время, несмотря на упоминание в последней цитате личностных особенностей допрашивающего, наряду с особенностями допрашиваемого в криминалистической тактике следователь рассматривался только как воздействующий субъект, а допрашиваемое лицо как объект, на который оказывают воздействие.

Например, Р. С. Белкин отмечает, что с психологической точки зрения допрос — это общение между его участниками, но протекающее в строгих процессуальных формах, с предусмотренными законом обязательными элементами. При этом он указывает, что основная особенность общения при допросе — оказание допрашивающим психологического воздействия на допрашиваемого [1, с. 160]. Также он пишет, что центральным пунктом теоретической концепции допроса является проблема психологического воздействия на допрашиваемого [1, с. 160–161].

При формулировании тактических приемов в учебной и научной литературе следователь обычно рассматривается только как субъект воздействия, а допрашиваемый только как объект, как будто допрашиваемый своим поведением не может оказать никакого воздействия на следователя, его эмоциональное состояние и действия. Однако, на наш взгляд, допрос — это двухстороннее взаимодействие с допрашиваемым, и оно происходит по всем психологическим законам общения между людьми. И допрашиваемый тоже может при определенных обстоятельствах значительно повлиять на допрашивающего.

Этой проблеме посвящены вышедшие в свет в 2021 г. методические рекомендации А. Д. Белоусова, В. О. Морар, Е. В. Манджиевой «Повышение устойчивости следователя (дознателя) к негативному психологическому воздействию со стороны допрашиваемых подозреваемых (обвиняемых)», в которых отмечается, что анкетирование следователей показало, что 81,6 % из них подвергались психологическому

воздействию на допросе, при этом многие даже не осознавали этого [2, с. 6].

Данные несколько шокирующие и идущие вразрез с общепринятой в криминалистике позицией, что воздействует на допрашиваемое лицо только следователь, но не наоборот. Однако если рассматривать допрос как общение между людьми, то все выглядит вполне закономерно.

В. Г. Лукашевич еще в 1989 г. писал: «представляется, что дальнейшая разработка проблемы оптимизации процесса расследования преступлений требует перехода к комплексному исследованию деятельности лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, которая протекает в условиях их взаимодействия друг с другом — рассмотрения всей системы расследования в плане общения [10, с. 11].

Тот факт, что общение является вынужденным и значимым для обеих сторон, только усугубляет напряженность и желание использовать манипуляции. Значимым, потому что от исхода уголовного дела напрямую зависит судьба обвиняемого, получит ли он уголовное наказание либо избежит ответственности, и для следователя, поскольку от этого может зависеть его карьера. Вынужденным, потому что согласно ч. 3 ст. 188 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) вызов следователя на допрос является обязательным для вызываемого лица, но и сам следователь не может отказаться от работы с тем или иным участником уголовного судопроизводства, располагающим важной информацией по уголовному делу, только потому, что он не хочет с ним взаимодействовать.

Н. И. Порубов по этому поводу пишет, что допрос — это не беседа равных участников уголовного процесса. Допрос от беседы отличается психологической особенностью — у одного право спрашивать, а у свидетеля и потерпевшего — обязанность отвечать [13, с. 126]. Однако следует отметить, что современными исследованиями в области психологии установлено, что передаваемая словами информация составляет лишь 7 % от общего объема информации, получаемой человеком, в то время как на долю невербальных сигналов приходится 93 % (55 % — мимика, позы, жесты, запахи и касания, 38 % — голосовая паралингвистическая составляющая) [11, с. 373]. Поэтому формальное право следователя на инициативу в диалоге с допрашиваемым не оказывает решающего влияния на всю полноту содержания данного диалога.

Мы положительно оцениваем тенденцию признания двухстороннего воздействия друг на друга допрашивающего и допрашиваемого, поскольку признание проблемы является уже половиной ее решения.

На наш взгляд, для решения проблемы негативного воздействия допрашиваемого на допрашивающее лицо следует более широко интегрировать достижения психологии в сферу уголовного судопроизводства, пересмотреть подход к тактическим приемам допроса в криминалистике. Это позволит следователям лучше осознавать происходящее во время следственного действия, своевременно пресекать манипуляции, регулировать свое психологическое состояние, чтобы действовать эффективно.

Не следует забывать и про внутренние противоречия, которые могут возникнуть у следователя в процессе работы и повлиять на ее результаты. Д. П. Котов и Г. Г. Шиханцов по этому поводу пишут: «Для полноты психологической характеристики профессиональной деятельности и личности следователя необходимо учитывать, что в процессе этой деятельности у следователя могут возникать как внешние (открытые), так и внутренние (закрытые) конфликты, то есть противоречия, достигшие такой степени остроты, «когда предельно обнажаются и “сталкиваются” (проявляются) противоположные позиции, точки зрения, мотивы или убеждения». К внутренним конфликтам личности (как разладу с самим собой) у следователя можно отнести борьбу мотивов; личностные конфликты между моральными чувствами (например, чувством ненависти к преступлениям) и рассудком, между нравственным профессиональным долгом и непрофессиональными личными желаниями, стремлениями, возможностями и т. д. [9, с. 26].

Нами проведено анкетирование сотрудников следственных органов четырех регионов Российской Федерации (Республики Башкортостан, Московской, Оренбургской и Самарской областей), в результате которого было опрошено 276 сотрудников и которое установило, что 39 % следователей имеют стаж работы по специальности менее 3 лет, 53 % — менее 5 лет, при этом 35 % следователей моложе 25 лет. Это говорит о том, что жизненного и профессионального опыта большинству следователей недостаточно для того, чтобы психологически противостоять зачастую более взрослым, обладающим большим жизненным и криминальным опытом участникам уголовного судопроизводства.

Такое направление, как транзактный анализ в настоящее время успешно применяется в психологическом консультировании, педагогике и, на наш взгляд, имеет хороший потенциал применения в раскрытии и расследовании преступлений при интеграции его в криминалистическую тактику.

Транзактный анализ представляет собой психологическую модель, служащую для описа-

ния и анализа поведения человека как индивидуально, так и в составе групп.

Автором данной теории является американский психолог Э. Берн, изложивший ее в книгах «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры», вышедших в 60-х гг. прошлого века. Игрой он называл практически любое взаимодействие между людьми, а транзакцией — единицу общения, то есть обмен стимулом и ответом на него. Согласно транзактному анализу личность каждого человека представлена тремя частями или эго-состояниями: Ребенок, Взрослый и Родитель [3].

Эго-состояние «Ребенок». Каждый человек был когда-то ребенком и иногда в более старшем возрасте чувствует, думает и проявляет себя так, как делал это в прошлом. Например, взрослый человек покупает ребенку игрушку и ему самому интересно поиграть с ней. Или человек раздражается от того, что начальник дает ему какие-то задания, указывает, что нужно сделать, — он чувствует себя как подросток, бунтующий против норм и правил.

В обоих примерах человек как будто попадает в свое прошлое и целостно воспроизводит те реакции, мысли, чувства, которые когда-то были для него привычны. Это и называется проявлять эго-состояние Ребенка.

По функциям различают Ребенка Свободного — проявляющего творчество, веселость, интерес к познанию. И Ребенка Адаптивного, который выступает в двух амплуа. Это может быть Послушный Адаптивный ребенок (например, если человека обучили, что других людей нужно слушаться, нельзя громко выражать свои чувства, свое мнение) или Бунтующий Ребенок, который, наоборот, активно выражает свое несогласие, делает все наперекор. В любом случае, когда речь идет об Адаптивном Ребенке, смысловым содержанием действия становится выполнение или противодействие чьим-то чужим желаниям. Мотивация не является внутренней, она ориентирована на то, чтобы откликнуться на призыв извне, на родительское воздействие — реальное или субъективно услышанное [14].

Эго-состояние «Родитель». Это скопированная форма поведения. Например, человек отчитывает окружающих так, как это делала его учительница в младших классах. В этом случае человек проявляет Контролирующего Родителя — скопированное поведение, направленное на установление правил и влияния на окружающих. Может проявляться вторая ипостась Родителя — забота. Человек копирует те формы поддержки, защиты и потакания, которые он наблюдал в своем прошлом со стороны воспитывавших его людей.

Эго-состояние «Взрослый». Наиболее позднее образование личности, появляющееся в процессе взросления и обучения. Когда человек поступает, исходя из логики, мыслит объективно и реалистично, эмоционально стабилен, принимает на себя ответственность за свои действия. Из этого состояния может строиться деловое общение и конструктивный диалог.

В норме 75 % времени взрослый человек должен находиться в состоянии Взрослого, однако часто, особенно если говорить о лицах, совершающих преступления, в силу неблагоприятных условий взросления Взрослый формируется у них недостаточно, и такой человек может большую часть времени пребывать в состоянии Бунтующего Ребенка или Контролирующего Родителя. Либо лицо может сознательно прибегать к манипуляциям, общаясь из состояния Родителя, критикуя и давя на собеседника, или из состояния Ребенка, выставляя себя жертвой обстоятельств, капризничая и т. д. В этом случае хорошо, если следователь знает о таких манипуляциях и умеет им противостоять.

Разумеется, наиболее благоприятной при допросе является ситуация, когда и следователь, и допрашиваемое лицо находятся в состоянии Взрослого. В связи с этим одна из задач работника правоохранительного органа — постоянно оставаться на позиции Взрослого и поддерживать это же состояние у лица, с которым он работает.

Однако опытные преступники или просто искусные манипуляторы могут стремиться вывести следователя из состояния Взрослого, добиваясь тем самым доминирующего положения при взаимодействии с ним.

Например, обвиняемый может занять позицию Контролирующего Родителя во взаимодействии с молодым и неопытным следователем, обращаясь к его эго-состоянию Ребенка, критикуя его действия, провоцируя на ошибки. Это может привести к активизации у следователя состояния Адаптивного Ребенка — Послушного либо Бунтующего, из-за чего он может потерять контроль и инициативу в следственном действии и в конечном итоге в расследовании в целом.

Специалист в какой-то сфере (например, это могут быть компьютерные технологии) может занять позицию Родителя исходя из того, что знает в этой сфере больше, чем следователь. Умышленно использовать профессиональные термины тогда, когда можно было бы объяснить ситуацию доступным языком, тем самым вводя следователя в замешательство.

Возможен и другой вариант, когда подозреваемый (обвиняемый) жалуется на свою тяжелую жизнь, якобы вынудившую его пойти на преступление, просит о поощрениях для себя.

Также допрашиваемое лицо может стараться выглядеть так, как будто чего-то не понимает, не владеет какой-либо информацией. В этом случае оно занимает позицию Ребенка, а следователь может автоматически занять позицию Заботливого Родителя.

Следует отметить, что занятие следователем позиции Родителя в случае занятия позиции Родителя допрашиваемым лицом, согласно законам транзактного анализа, может привести к открытой конфликтной ситуации, поскольку является пересекающейся транзакцией, поэтому также нежелательно.

Занятие следователем позиции Ребенка в то время, когда аналогичную позицию занимает и допрашиваемое лицо, также не будет эффективным, поскольку превалирование в поведении эмоциональной составляющей может также привести к конфликту.

Следователю, чтобы наладить контакт с участником уголовного судопроизводства, необходимо понять, какой позиции придерживается партнер, какое его эго-состояние сейчас доминирует. И в соответствии с этим давать соответствующую ответную реакцию, выводя его на позицию Взрослого, при этом гася свои автоматические реакции на попытки манипулятивного воздействия и сохраняя свою позицию Взрослого.

На наш взгляд, очень полезным для правоприменителей будет знание такой психологической модели взаимодействия между людьми, применяемой в транзактном анализе, как треугольник Карпмана, согласно которой в созависимых отношениях люди поочередно находятся в одной из ролей — Жертвы, Преследователя и Спасателя [8]. Сотрудникам полиции довольно часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда жена вызывает полицию либо обращается с заявлением с жалобами на действия своего мужа, а когда к нему применяются меры воздействия, она начинает его защищать и жаловаться уже на сотрудников полиции.

Необъяснимая с точки зрения обычной логики ситуация объяснима для человека, знающего транзактный анализ и концепцию треугольника Карпмана. Жена обращается в полицию, находясь в состоянии Жертвы, когда в отношении нее совершил насилие муж, находящийся в состоянии Преследователя, она ищет Спасателей. Когда же к мужу начинают применять меры воздействия, то в ее глазах он уже становится Жертвой, сотрудники полиции — Преследователями, а она принимает на себя роль Спасателя.

Знание таких закономерностей, на наш взгляд, помогает быть готовым к различным вариантам развития событий при работе с людьми,

делает работу правоохранителя более эффективной. Следователь может предугадать, каким образом в конкретной ситуации может происходить манипулирование, исходя из позиции в треугольнике Карпмана потерпевшего и подозреваемого, если они находятся в каких-то взаимоотношениях между собой. А также при проведении следственных действий следователь сможет оценивать эго-состояние лица, с которым работает, и свое собственное и правильно выстраивать транзакции.

Таким образом, интеграция в криминалистическую тактику транзактного анализа будет способствовать эффективному преодолению противодействия расследованию преступлений и в конечном итоге повысит эффективность и качество предварительного расследования.

Однако не следует забывать, что возможности следователя контролировать проявления своих телесных реакций не безграничны, и это тоже нужно учитывать при выборе тактики. Хотя в криминалистической литературе сильна иная позиция.

И. Н. Якимов и П. П. Михеев пишут: «Надо наружно проявить к нему (подозреваемому. — прим. А. С.) доверие и снисходительное отношение, как бы отвратительно и ужасно не было совершенное им преступление» [15, с. 20].

Р. С. Белкин перечисляет такие средства воздействия на допрашиваемого: голос, интонации, реплики следователя и т. п. [1, с. 168]. Но только очень искусный актер полностью управляет этими проявлениями своей личности, а у неподготовленного человека маловероятно, что это получится. В юридических учебных заведениях, где готовят следователей, актерское мастерство не преподается даже в самом усеченном варианте. Хотя, возможно, у некоторых следователей от природы есть хорошие актерские способности, которые позволят ему в полной мере сделать свой голос, интонацию и мимику такими, какими требует ситуация допроса.

Здесь мы обращаемся к следующей тенденции развития криминалистической тактики — индивидуальному подходу к субъекту, ее применяющему.

При разностороннем развитии криминалистических знаний субъект, их применяющий, долгое время оставался в тени. Это был абстрактный следователь, не имеющий никаких слабостей, особенностей характера, потребностей, при этом грамотный и абсолютно честный. Однако сверхчеловек существует только в трудах Ф. Ницше, а работают следователями реальные люди, и каждый из них имеет свои особенности, и, по нашему мнению, их следует учитывать.

Работа следователя задействует множество сторон его личности. Это и интеллектуальные способности, и творческое мышление, и эмоциональная сфера, и волевые качества, и физическая выносливость и др. На наш взгляд, результаты допроса во многом обусловлены сочетанием всех этих свойств у следователя, проводившего допрос.

По этому поводу О. В. Полстовалов пишет: «Удивительный парадокс, когда результат творческих усилий познающего субъекта не зависит от его создателя» [12, с. 96], обращая внимание на объективность, в которой ученые-криминалисты долгое время видели исключительно знания, не зависящие от чего бы то ни было субъективного, случайного, привнесенного, интерпретационного, по существу вычеркивая из науковедческой проблематики главное звено — познающего субъекта.

Можно возразить, что следователи при поступлении на службу проходят профессиональный отбор и в их число не попадают люди с психическими отклонениями, девиантным поведением, серьезными проблемами со здоровьем и т. п. Но в пределах нормы все люди имеют различия, и они могут значительно влиять на работу следователя.

Например, пол и возраст следователя не только в существенной степени определяют особенности его мышления и поведения, но и влияют на восприятие его другими участниками уголовного судопроизводства. У человека, пришедшего на допрос, изначально может сложиться разное отношение к следователю в зависимости от того, видит он перед собой мужчину зрелого возраста либо молодую женщину. И в последнем случае следователю нужно приложить гораздо больше усилий, чтобы установить должный психологический контакт с допрашиваемым, основанный на авторитете следователя. В рассматриваемом случае играют роль социальные установки, согласно которым следователь — это не женская профессия (хотя по факту женщин в следственных подразделениях работает не меньше, а в некоторых подразделениях гораздо больше мужчин). Относительно возраста тоже может сработать установка, что молодой человек априори не такой компетентный, нежели человек более старшего возраста. На наш взгляд, подобные социальные установки подлежат изучению криминалистикой для усовершенствования тактики.

Есть еще не такие очевидные, но важные характеристики личности, как преобладающий тип темперамента (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик), направленность личности (интроверт, экстраверт, амбиверт) и т. п. Тактический прием, легко и естественно примененный сангвиником-экстравертом, в исполнении

меланхолика-интроверта может выглядеть неестественно и не достигнуть своей цели. Но это не значит, что меланхолик или интроверт хуже. Их преимущество в способности к глубочайшему анализу информации, что для расследования преступления тоже очень ценно. Следователю для эффективной работы нужно знать свои сильные и слабые стороны, активно задействовать и развивать первые, компенсировать вторые. Вероятно, далеко не все следователи их знают, начиная свою службу, поэтому, на наш взгляд, задача криминалистики состоит в том, чтобы разработать методику самодиагностики следователя по различным параметрам и предложить рекомендации с учетом особенностей его личности. Также такой подход может быть полезен при создании следственных групп, для того чтобы распределять работу между членами группы наиболее рационально.

Большую популярность в психологии в настоящее время приобрела концепция эмоционального интеллекта. Его развитию придается все больше значения для эффективной работы в различных сферах человеческой деятельности. Эмоциональный интеллект представляет собой сумму навыков и способностей человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач¹.

Для следователя, чья работа основана на взаимодействии с людьми, безусловно, важным является развитие эмоционального интеллекта. И работа по расследованию преступления должна задействовать не только интеллект в традиционном его понимании, но и эмоциональный интеллект. Например, порядок, место и время проведения допроса с различными участниками уголовного судопроизводства должны определяться не формально, а с учетом их психологических особенностей, убеждений, чувств, испытываемых по поводу преступления и участия в его расследовании.

В настоящее время все большее развитие и распространение находят психофизиологические экспертизы и исследования с применением полиграфа — устройства, позволяющего фиксировать эмоциональные реакции на вопросы, касающиеся преступления. На наш взгляд, следователь с хорошо развитым эмоциональным интеллектом лучше сможет понять реакции допрашиваемого лица, нежели техническое устройство, фиксирующее лишь всплески эмоций, а каких именно не дифференцирующее.

¹ Эмоциональный интеллект. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.11.2021).

Ю. Л. Дяблова пишет, что среди научных работ, посвященных криминалистическому изучению личности, преобладают научные изыскания о преступнике (подозреваемом, обвиняемом), потерпевшем, реже — свидетеле и практически отсутствуют работы, посвященные криминалистическому изучению личности следователя. При этом она обращает внимание на необходимость криминалистического изучения личности следователя как основного субъекта, реализующего криминалистические знания, применяющего криминалистические средства и используемые криминалистикой методы [5].

Мы поддерживаем мысль Ю. Л. Дябловой о необходимости создания частного криминалистического учения о личности следователя [6, с. 76]. Однако не согласны с тем, что основным аспектом, на котором следует сосредоточить внимание при криминалистическом изучении личности следователя, должно являться его профессиональное мышление. По нашему мнению, другие свойства личности следователя, упомянутые нами ранее, имеют не менее важное значение в его работе и также должны исследоваться.

Представляется перспективной разработка криминалистического учения о личности сле-

дователя, включающего в себя такие аспекты, как самодиагностика следователя, восприятие следователя другими участниками уголовного судопроизводства, разработка на этой основе индивидуальной криминалистической тактики и стратегии, самоорганизация труда следователя с учетом его индивидуальных особенностей, саморегуляция эмоциональных состояний, управление следственным подразделением и оптимизация формирования следственных групп с учетом личностных характеристик подчиненных сотрудников.

Подводя итог сказанному, отметим, что в развитии криминалистической тактики допроса наблюдаются следующие тенденции.

1. Признание двухстороннего характера воздействия допрашивающего и допрашиваемого друг на друга. Это позволяет предвидеть возможность различных манипуляций со стороны допрашиваемого и обучить следователя противостоянию им.

2. Признание индивидуальности следователя. Это позволяет учитывать сильные и слабые стороны допрашивающего при выборе тактических приемов допроса и организации данного следственного действия, что способствует наиболее эффективному получению криминалистически значимой информации.

Список литературы:

1. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики: учебное пособие. Волгоград, 1993.
2. Белоусов А. Д., Морар В. О., Манджиева Е. В. Повышение устойчивости следователя (дознателя) к негативному психологическому воздействию со стороны допрашиваемых подозреваемых (обвиняемых): методические рекомендации. Москва, 2021.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / пер. с англ. М. Будыниной и др. Москва, 2002.
4. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. Москва, 1970.
5. Дяблова Ю. Л. Криминалистическое изучение личности: история развития и современные подходы к пониманию // Известия ТулГУ. Серия: Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3. Ч. 2.
6. Дяблова Ю. Л. Личность следователя и его профессиональное мышление как объект криминалистического изучения // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические

References:

1. Belkin R. S. Ocherki kriminalisticheskoy taktiki: uchebnoe posobie. Volgograd, 1993.
2. Belousov A. D., Morar V. O., Mandzhieva E. V. Povyshenie ustojchivosti sledovatelya (doznavatelya) k negativnomu psihologicheskomu vozdejstviyu so storony doprashivaemyh podozrevaemyh (obvinyaemyh): metodicheskie rekomendacii. Moskva, 2021.
3. Bern E. Igrы, v kotorye igrayut lyudi: psihologiya chelovecheskih vzaimootnoshenij; Lyudi, kotorye igrayut v igrы: psihologiya chelovecheskoj sud'by / per. s angl. M. Budyninoy i dr. Moskva, 2002.
4. Vasil'ev A. N., Karneeva L. M. Taktika doprosa pri rassledovanii prestuplenij. Moskva, 1970.
5. Dyablova Yu. L. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti: istoriya razvitiya i sovremennye podhody k ponimaniyu // Izvestiya TulGU. Seriya: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. Vyp. 3. Ch. 2.
6. Dyablova Yu. L. Lichnost' sledovatelya i ego professional'noe myshlenie kak ob'ekt kriminalisticheskogo izucheniya // Optimizaciya deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya: pravovye, upravlencheskie i kriminalisticheskie problemy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy

- проблемы: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. И.П. Можевой. Москва, 2017.
7. Еникеев М. И., Черных Э. А. Психология допроса: учебное пособие. Москва, 1994.
 8. Карпман С. Жизнь, свободная от игр / пер. с англ. Д. Касьянова. Санкт-Петербург, 2016.
 9. Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Воронеж, 1977.
 10. Лукашевич В. Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: учебное пособие. Киев, 1989.
 11. Лунева Е. В. Невербальные компоненты общения как эффективное средство коммуникации в педагогическом коллективе // Modern science. 2020. № 1.
 12. Полстовалов О. В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. М. А. Лущечкиной. Москва, 2015.
 13. Порубов Н. И. Профессиограмма следственной деятельности: монография. Москва, 2010.
 14. Станковская Е. Б. Транзактный анализ: 7 лекций для проекта «Магистерия». Москва, 2020.
 15. Якимов И. Н., Михеев П. П. Допрос. Практическое пособие для допрашивающих. Москва, 1930.
 - konferencii / pod red. I. P. Mozhaevoy. Moskva, 2017.
 7. Enikeev M. I., Chernyh E. A. Psihologiya doprosa: uchebnoe posobie. Moskva, 1994.
 8. Karpman S. Zhizn', svobodnaya ot igr / per. s angl. D. Kas'yanova. Sankt-Peterburg, 2016.
 9. Kotov D. P., Shihancov G. G. Psihologiya sledovatelya. Voronezh, 1977.
 10. Lukashevich V. G. Taktika obshcheniya sledovatelya s uchastnikami otdel'nyh sledstvennyh deystvij: uchebnoe posobie. Kiev, 1989.
 11. Luneva E. V. Neverbal'nye komponenty obshcheniya, kak effektivnoe sredstvo kommunikacii v pedagogicheskom kollektive // Modern science. 2020. № 1.
 12. Polstovalov O. V. O lichnosti sledovatelya kak ob'ekte kriminalisticheskogo analiza // Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. M. A. Lushechkinoj. Moskva, 2015.
 13. Porubov N. I. Professiogramma sledstvennoj deyatel'nosti: monografiya. Moskva, 2010.
 14. Stankovskaya E. B. Tranzaktnyj analiz: 7 lekcij dlya proekta «Magisteriya». Moskva, 2020.
 15. Yakimov I. N., Miheev P. P. Dopros. Prakticheskoe posobie dlya doprashivayushchih. Moskva, 1930.

Для цитирования:

Сибилькова Анна Васильевна. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 101–109.

For citation:

Sibil'kova Anna Vasil'evna. Psychological Aspects of Interrogation Tactics in the Paradigm of Criminology Development // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 101–109.

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА ШПАГИНА,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: iushpagina@yandex.ru

YULIYA VIKTOROVNA SHPAGINA,
Senior Lecturer of the Department of Management
of Crime Investigation Bodies, Candidate of Law
Management Academy of the Ministry of the
Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: iushpagina@yandex.ru

Научные специальности:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific specialties:
12.00.09 — Criminal Proceedings.

ORCID 0000-0002-7379-5452

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-110-115

Дата поступления: 15 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Уголовно-процессуальное познание при производстве дознания в сокращенной форме

Criminal Procedural Cognition in the Course of Inquiry in an Abbreviated Form

Аннотация

Актуальность: введение в уголовно-процессуальный закон института дознания в сокращенной форме, предусматривающего упрощенные правила собирания доказательств, фактически секвестрирующие возможности познания, породило проблему в правоприменительной практике и активную научную дискуссию среди ученых по вопросам его применения. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о сохранении баланса между пожеланиями правоприменителя в части повышения эффективности деятельности за счет удешевления затрачиваемых ресурсов, снижения затрат на достижение желаемого результата и аксиомой создания надежной системы гарантий прав участников уголовного процесса, зачастую стремящейся к усложнению уголовно-процессуальной формы.

Постановка проблемы: анализ правоприменительной практики, действующего законодательства, теоретических воззрений позволил автору выявить следующие проблемы:

– установленные уголовно-процессуальным законом правила доказывания для дознания в сокращенной форме находятся в дисбалансе с уголовно-процессуальным доказыванием, созданным на гносеологических закономерностях

Abstract

The relevance: the institution of inquiry in an abbreviated form has been introduced into the criminal procedure law, which provides for simplified rules for collecting evidence that limit the possibilities of knowledge. This has created a problem in practice and an active scientific discussion among scientists on its application. In this regard, the issue of maintaining a balance between, on the one hand, the wishes of the law enforcement officer in terms of increasing the efficiency of activities by reducing the cost of the resources expended, reducing the cost of achieving the desired result, and on the other hand, the axiom of creating a reliable system of guarantees of the rights of participants in criminal proceedings, is of particular relevance, often seeking to complicate the criminal procedural form.

The problem statement: analysis of practice, current legislation, theoretical views allowed the author to identify the problem of the contradiction between the rules of proof established by the criminal procedure law for a reduced inquiry and the process of criminal procedure proof based on epistemological patterns that underlie traditional procedural forms, and the actual limitation of guarantees, which provide the process of proof, both during the investigation of a criminal case in an ab-

стях, лежащих в основе традиционных процессуальных форм;

– фактическое ограничение гарантий, обеспечивающих процесс доказывания, как при расследовании уголовного дела в сокращенной форме дознания, так и его последующем рассмотрении в суде.

Цель исследования заключается в научном обосновании важности гносеологических закономерностей в построении процессуальных институтов в российском уголовном судопроизводстве, в данном случае – дознания в сокращенной форме.

Методологическую основу исследования составил избранный автором методологический инструментарий, включающий в себя систему общенаучных и частнонаучных методов. В частности, сравнительный метод исследования и метод анализа документов оказались востребованными при изучении различных научных точек зрения по исследуемой проблематике. Использование статистического метода позволило получить статистические сведения о количестве возвращенных уголовных дел судом прокурору для производства дознания в общем порядке и необходимую правоприменительную практику. Применение формально-логического метода позволило обосновать суждения, к которым пришел автор в своей работе.

Результаты и ключевые выводы: решением проблемы видится пересмотр всей главы 32¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с необходимостью выделения судебного производства по делу, по которому производилось дознание в сокращенной форме, или введение в уголовно-процессуальный закон, при условии соблюдения процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса, протокольной формы расследования уголовных дел.

Ключевые слова: гарантии прав личности; уголовно-процессуальное познание; досудебное производство; дознание в сокращенной форме; доказывание; истина.

breviated form of inquiry, and its subsequent consideration in court.

The purpose of the study is to scientifically substantiate the importance of epistemological patterns in the construction of procedural institutions in Russian criminal proceedings, in this case, inquiry in an abbreviated form.

The methodological basis of the study was a system of general scientific and particular scientific methods. In particular, the comparative method of research and the method of document analysis turned out to be in demand in the study of various scientific points of view on the issues under study. The use of the statistical method made it possible to obtain statistical information on the number of criminal cases returned by the court to the prosecutor for the production of an inquiry in a general manner and the necessary practice. The application of the formal-logical method made it possible to substantiate the judgments that the author came to in his work.

The results and key conclusions: the solution to the problem seems to be the revision of the entire chapter. 32¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with the need to separate judicial proceedings in a case investigated in the form of an abbreviated inquiry or introduction to the criminal procedure law, subject to procedural guarantees of the rights of participants in criminal proceedings – a protocol form of investigation of criminal cases.

Keywords: individual rights guarantees, criminal procedural cognition, pre-trial proceedings, inquiry in an abbreviated form, proof, truth.

Введение. Сегодня уголовно-процессуальное законодательство подвержено перманентным изменениям, носящим не в полной мере систематизированный характер и приводящим к дисбалансу корреляционных связей между отдельными процессуальными институтами. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹ в Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации (далее – УПК РФ) введен институт – дознание в сокращенной форме, предусматривающий упрощенные правила собирания доказательств, фактически секвестрирующие возможности познания, что породило научную дискуссию по различным вопросам применения данного института. Автор настоящей публикации акцентирует внимание

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской

ской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

на существующей проблеме собирания и оценки доказательств при реализации исследуемого в статье института сквозь призму уголовно-процессуального познания, недостаточно раскрытую, по мнению автора, на страницах юридической печати. Как таковое познание выступает неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности, а в основе правоприменительных решений должностного лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, должно лежать уголовно-процессуальное познание. Именно на вопрос о том, что же фактически заложено в фундаменте современного дознания в сокращенной форме, попытался ответить автор. И, пользуясь заявленным в аннотации инструментарием, выработать ориентиры возможного решения существующей проблемы, позволяющие сохранить баланс между правоприменителем, который нуждается в повышении эффективности деятельности за счет удешевления затрачиваемых ресурсов, снижения затрат на достижение желаемого результата, и аксиомой создания надежной системы гарантий прав участников уголовного процесса, зачастую стремящегося по инициативе законодателя к усложнению уголовно-процессуальной формы.

Проблема. В науке уголовно-процессуального права не выработан единый подход к соотношению познания и доказывания. Однако ни у кого не вызывает сомнений факт взаимосвязи познавательной деятельности субъекта, осуществляющего расследование по уголовному делу, с доказыванием. Сущность доказательственного права, как отмечают ученые, имеет историческую преемственность и обусловлена формой уголовного процесса [5, с. 521], и, как показывает ретроспектива развития отечественного уголовного судопроизводства, законы теории познания подчас не связаны с установленными правилами человеческого бытия и существуют сами по себе вразрез с материалистической диалектикой. Отсюда вывод, что теория уголовно-процессуального доказывания — это изначально наполненная внутренним противоречием система научных положений [1, с. 131].

При этом обозначенные выше противоречия приобретают наиболее острый характер в условиях ранее упомянутого перманентного реформирования уголовного судопроизводства и меняющейся уголовно-процессуальной формы предварительного расследования уголовного дела. Отсюда возникает закономерный вопрос: должны ли законы гносеологии быть заложены в современную уголовно-процессуальную форму, в частности, в особенности доказывания при осуществлении дознания в сокращенной форме, и могут ли упрощенные процессуальные правила привести к ограничению гаран-

тий участников уголовно-процессуальных правоотношений? На эти вопросы и попытался ответить автор.

Представляется целесообразным привести научную дискуссию относительно понимания уголовно-процессуального познания и его соотношения с доказыванием. Одни ученые придерживаются мнения о тождественности уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания, где последнее, в свою очередь, выступает формой рассматриваемого познания [2, с. 22; 8, с. 24].

Точка зрения других ученых-процессуалистов сводится к тому, что рассматриваемые понятия разновекторные и являются формой выражения уголовно-процессуальной деятельности властных участников уголовно-процессуальных правоотношений [4, с. 20]. В научных публикациях можно встретить мнение и о широком понимании уголовно-процессуального познания, где доказывание — один из способов приобретения знания в рамках уголовного процесса [7, с. 108].

Автор разделяет позицию ученых о том, что рассматриваемые явления немыслимы друг без друга, и полагает, что они находят свое проявление в уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов, направленной на эффективное решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач. И если лишить доказывание гносеологического фундамента, то принимаемые указанными субъектами решения при расследовании уголовных дел могут содержать в своей основе бессмысленные суждения, противоречащие логическим законам.

Доказывание сводится к уголовно-процессуальному познанию обстоятельств уголовного дела и системе логических операций обоснования истинности принимаемых властных решений или так называемому в научном труде Л. А. Воскобитовой и С. Б. Россинского «логическому обоснованию данными обстоятельствами правоприменительных решений» [1, с. 132], где уголовно-процессуальному познанию присущи гносеологические закономерности и исключение его из доказывания следует приравнять к неустановлению истины по делу.

Безусловно, можно и нужно разделять в расследовании уголовного дела, помимо процессуального познания, и непроцессуальное познание, которое осуществляется в ходе оперативно-розыскной деятельности. Однако полученное в результате указанной деятельности знание останется за пределами уголовного процесса, поскольку приобретено в не предусмотренной законом процессуальной форме [3, с. 138].

Рассмотрим полученное знание применительно к доказыванию при производстве дозна-

ния в сокращенной форме и последующему судебному разбирательству, а для этого обратимся к правовым нормам уголовно-процессуального закона.

I. Так, ст. 226⁵ УПК РФ содержит неоднозначный подход к предмету доказывания. Формулировка данной статьи свидетельствует о том, что предмет доказывания ограничен. Дознаватель после удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме собирает обвинительные доказательства и не стремится к установлению обстоятельств, которые могли бы повлечь его освобождение от уголовной ответственности.

Ст. 226⁵ УПК РФ позволяет дознавателю фактически оценивать непроверенные доказательства вразрез с принципом свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению и закономерностями процесса познания. Дознаватель проводит только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Кроме того, с указанного должностного лица снята обязанность проверять доказательства, если они не оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ) [7, с. 55]. Стоит согласиться с профессором А. В. Победкиным, что весь процесс доказывания при производстве дознания в сокращенной форме сводится к собиранию доказательств. И в таком случае закономерен вопрос, могут ли указанные доказательства именоваться таковыми, если не оценены их относимость и допустимость [6, с. 35]?

Полагаем, что нет, поскольку в рассматриваемом случае нарушены взаимосвязь и проявление уголовно-процессуального познания и доказывания в уголовно-процессуальной деятельности властного субъекта — дознавателя. Попытка упрощения процессуальных правил в том виде, который сегодня представлен в главе 32¹ УПК РФ, фактически привела к выходу за пределы предусмотренной законом процессуальной формы и к дисбалансу устоявшихся подходов, разработанных учеными-процессуалистами в отношении доказывания в рамках предварительного расследования. Автор настоящей публикации склонен к мнению о том, что доказательства должны собираться должностным лицом, осуществляющим расследование, в объеме, достаточном для установления обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела по существу, на что обращено внимание в его кандидатской диссертации [9, с. 175], но с учетом гносеологических закономерностей.

Исключение дознавателя при реализации рассматриваемой формы расследования из числа познающих субъектов привело к наделению

невластных участников уголовно-процессуальных правоотношений, таких как потерпевший (его представитель) и подозреваемый, правомочием заявить в суде возражение против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, являющееся основанием для возвращения уголовного дела прокурору. Как показывает практика, указанные лица злоупотребляют предоставленным правом. В период с 2016 по 2021 г. из возвращенных судом прокурору уголовных дел для передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке около 70 % уголовных дел возвращены по причине заявления указанными невластными участниками ходатайства о производстве дознания в общем порядке, что отражено на гистограмме².

II. Согласно ч. 2 ст. 226⁹ УПК РФ по уголовному делу, дознание по которому осуществлялось в сокращенной форме, приговор постановляется на основании исследования и оценки доказательств, указанных в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого. Однако возникает правовая неопределенность, обусловленная тем, что уголовные дела, расследованные в указанной форме, рассматриваются в особом порядке судебного разбирательства, при котором законом предусмотрен иной порядок — не исследовать и не оценивать собранные доказательства в общем порядке (ч. 5 ст. 316 УПК РФ).

Так, отменен приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 25 октября 2018 г. в отношении А., осужденного по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Суд апелляционной инстанции, отменивший указанный приговор, указал, что была нарушена процедура судебного производства, установленная для уголовных дел, дознание по которым осуществлялось в сокращенной форме. Доказательства, указанные в обвинительном постановлении, судом не исследовались, соответственно, не получили надлежащей оценки в обжалуемом приговоре³.

Таким образом, установленный законом подход к исследованию и оценке доказательств в суде по уголовным делам, по которым осуществлялось сокращенное дознание, вступает в противоречие с общими условиями судебного разбирательства — непосредственностью

² Отчет по форме № 1-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» // ГИАЦ МВД России, 2022.

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 декабря 2018 г. по делу № 10-23055/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.02.2022).

Гистограмма

и устностью (ст. 240 УПК РФ). Законодатель, дополняя УПК РФ главой 32¹, не предусмотрел изменение положений ст. 240, что привело к дисбалансу корреляционных связей между рассматриваемыми процессуальными институтами. Если ч. 2 ст. 226⁹ УПК РФ предписывает суду соблюдать законы гносеологии в части проведения исследования доказательств и их последующей оценки, то такие процессуальные действия должны быть выполнены в соответствии со ст. 240 УПК РФ.

Вывод. Подводя итог нашим суждениям, отметим, что наука уголовного процесса, а вместе с ней и законодатель не должны ставить под сомнение или отрицать возможность рассматривать уголовно-процессуальную деятельность властных субъектов сквозь призму материалистической диалектики. Законы теории познания распространяются, как отмечено выше, и на уголовно-процессуальную деятельность указанных субъектов [4]. Правила доказывания, установленные для дознания в сокращенной форме, сегодня вступают в противоре-

чие с правилами уголовно-процессуального доказывания, основанными на гносеологических закономерностях, лежащих в основе процессуальных форм расследования [6, с. 36], установленных для предварительного следствия и дознания в общем порядке, и приводят к ограничению процессуальных гарантий. Рассматриваемая проблема, как видно из статьи, проецируется и на судебное производство.

В заключение отметим, что видится несколько возможных направлений в решении затронутой проблемы: 1) выделение в уголовно-процессуальном законе отдельного судебного производства по уголовному делу, расследованному в сокращенной форме дознания, и соответственно кардинальный пересмотр главы 32¹ УПК РФ; 2) замена данного института протокольной формой расследования с соблюдением выявленных особенностей, изложенных в настоящей статье [9, с. 16], где значимая роль отводится познающему субъекту, осуществляющему расследование, в сборе, проверке и оценке доказательств по уголовному делу.

Список литературы:

1. Воскобитова Л. А., Россинский С. Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1.
2. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства //

References:

1. Voskobitova L. A., Rossinskij S. B. Voprosy poznaniya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9. № 1.
2. Gavrilov B. Ya. Ideologiya formirovaniya sovremennogo dosudebnogo proizvodstva //

- Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
3. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.
 4. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: учебное пособие. Ижевск, 2003.
 5. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. Москва, 1989.
 6. Победкин А.В. Теория уголовно-процессуального доказывания — научная фикция? (по поводу дифференциации процессуальной формы досудебного производства) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.
 7. Прокопова А.А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021.
 8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Москва, 1968. Т. 1.
 9. Шпагина Ю.В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021.
- Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1 (45).
3. Davletov A.A. Osnovy ugolovno-processual'nogo poznaniya. Sverdlovsk, 1991.
 4. Zinatullin Z.Z. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: uchebnoe posobie. Izhevsk, 2003.
 5. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Obshchaya chast' / pod red. A.D. Bojkova, I.I. Karpeca. Moskva, 1989.
 6. Pobedkin A.V. Teoriya ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya — nauchnaya fikciya? (po povodu differenciacii processual'noj formy dosudebnogo proizvodstva) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 7.
 7. Prokopova A.A. Uskorennoe dosudebnoe proizvodstvo v Respublike Kazahstan i Rossijskoj Federacii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2021.
 8. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: v 2 t. Moskva, 1968. T. 1.
 9. Shpagina Yu. V. Ugolovno-processual'naya deyatel'nost' policii kak organa doznaniya: teoretiko-pravovye osnovy i pravoprimeritel'naya praktika: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2021.

Для цитирования:

Шпагина Юлия Викторовна. Уголовно-процессуальное познание при производстве дознания в сокращенной форме // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 110–115.

For citation:

Shpagina Yulia Viktorovna. Criminal Procedural Cognition in the Course of Inquiry in an Abbreviated Form // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 110–115.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

ЕРИК СЕРИКОВИЧ АКИМЖАНОВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических
кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: er.ema@bk.ru

YERIK SERIKOVICH AKIMZHANOV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel)
Management Academy of the Ministry of the
Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: er.ema@bk.ru

Научная специальность:
12.00.14 — административное право;
административный процесс.

Scientific Speciality:
12.00.14 — Administrative Law;
Administrative Process.

УДК 342.951:351.82

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-116-121

Дата поступления: 9 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

К вопросу о компетенции субъектов, осуществляющих противодействие домашнему насилию в Республике Казахстан

To the Question of the Competence of Subjects Engaged in Combating Domestic Violence in the Republic of Kazakhstan

Аннотация

Актуальность исследования компетенции субъектов противодействия домашнему насилию в Республике Казахстан связана с недостаточным нормативно-правовым закреплением функциональной составляющей соответствующих органов, общественных организаций и граждан в вопросах, касающихся предупреждения и профилактики домашнего насилия. Исследование указанного вопроса актуально и для Российской Федерации, где принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия все еще не реализовано.

Постановка проблемы: проблематика иссле-

Annotation

The relevance of the study of the competence of the subjects of countering domestic violence in the Republic of Kazakhstan is associated with insufficient regulatory and legal consolidation of the functional component of the relevant bodies, public organizations and citizens in matters related to the prevention and prevention of domestic violence. The study of this issue is also relevant for the Russian Federation, where the adoption of the law on the prevention of domestic violence has not yet been implemented.

The problem statement: the problems of the study are due to the fact that the Kazakh legisla-

* Ранее — начальник учебно-методического центра Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

** Previously, he was the head of the training and methodological center of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev.

дования обусловлена тем, что казахстанское законодательство, регламентирующее участие государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан Республики Казахстан, осуществляющих профилактику домашнего насилия, является недостаточно полным: наблюдаются пробелы в законодательстве, требующие восполнения. В Российской Федерации указанный вопрос также не разрешен, что связано с отсутствием законодательного регулирования профилактики семейно-бытового насилия.

Цель исследования: раскрытие особенностей функционального и компетентностного содержания деятельности субъектов противодействия домашнему насилию в Республике Казахстан; установление существующих в исследуемой сфере проблем и выработка рекомендаций и перспективных направлений их устранения.

Методы исследования: методы анализа, синтеза; функциональный, системно-структурный, формально-логический методы.

Результаты и ключевые выводы: предложено деление субъектов противодействия домашнему насилию в Республике Казахстан на четыре группы: 1) специально уполномоченные органы в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия; 2) другие органы и учреждения, на которые возлагаются функции по осуществлению мероприятий в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия; 3) общие и специализированные службы поддержки пострадавших от домашнего насилия; 4) граждане Республики Казахстан. Рекомендована конкретизация функций органов первой группы. Обоснована целесообразность внесения изменений в наименование ст. 8 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия» с указанием на компетенцию комиссий по делам женщин и семейно-демографической политике. Определены перспективы дальнейших исследований с учетом выявленных проблем, в том числе связанных с необходимостью или же отсутствием целесообразности обязывания отдельных субъектов сообщать в органы внутренних дел Республики Казахстан о выявленных ими фактах домашнего насилия, а также с конкретизацией в действующем казахстанском законодательстве компетенции граждан в сфере противодействия домашнему насилию.

Ключевые слова: домашнее насилие; бытовое насилие; профилактика домашнего насилия; субъекты предупреждения домашнего насилия; классификация субъектов профилактики домашнего насилия.

tion regulating the participation of state bodies, local self-government bodies, organizations and citizens of the Republic of Kazakhstan engaged in the prevention of domestic violence is not complete enough: there are gaps in legislation that need to be filled. In the Russian Federation, this issue is also not resolved, which is due to the lack of legislative regulation of the prevention of domestic violence.

The purpose of the study: to reveal the features of the functional and competence content of the activities of the subjects of countering domestic violence in the Republic of Kazakhstan; to identify existing problems in the field under study and to develop recommendations and promising directions for their elimination.

The research methods: methods of analysis, synthesis; functional, system-structural, formal logical methods.

The results and key conclusions: it is proposed to divide the subjects of countering domestic violence in the Republic of Kazakhstan into four groups: 1) specially authorized bodies in the field of prevention and prevention of domestic violence; 2) other bodies and institutions entrusted with the functions of implementing measures in the field of prevention and prevention of domestic violence; 3) general and specialized support services for victims of domestic violence; 4) citizens of the Republic of Kazakhstan. The specification of the functions of the organs of the first group is recommended. The expediency of amending the title of Article 8 of the Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009 No. 214-IV «On the prevention of domestic violence» with an indication of the competence of the commissions on women's affairs and family and demographic policy is substantiated. The prospects for further research are determined taking into account the identified problems, including those related to the need or lack of expediency of obliging individual subjects to report to the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan about the facts of domestic violence they have identified, as well as with the specification in the current Kazakh legislation of the competence of citizens in the field of countering domestic violence.

Keywords: domestic violence; domestic violence prevention; domestic violence prevention subjects; classification of domestic violence prevention subjects.

Важным в теории и практике противодействия административным правонарушениям является четкое определение круга субъектов, к полномочиям которых отнесено осуществление этой деятельности, и роли, которая им отведена согласно действующему законодательству. В ракурсе исследования компетенции субъектов противодействия домашнему насилию в Республике Казахстан это означает установление круга таковых лиц и органов, определение их функционала, правомочий и специфики функционирования в рамках, предусмотренных п. 5 ст. 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» и гл. 2 «Субъекты профилактики бытового насилия» Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия»¹ (далее — Закон РК № 214).

В рамках данной статьи планируется проанализировать специфику противодействия домашнему насилию в контексте осуществления предусмотренных Законом РК № 214 профилактических мероприятий, реализуемых государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и гражданами Республики Казахстан для достижения цели предупреждения и пресечения насилия в быту, а также установления и устранения детерминант совершения насильственных действий в семейно-бытовых отношениях.

Следует оговориться, что в данном случае противодействие домашнему насилию и профилактика домашнего насилия будут рассматриваться как элементы единой терминосистемы, — выбор этих категорий и формулировок обусловлен особенностями категориального аппарата казахстанского законодательства, а также национальной правовой доктрины. Учитывая изложенное, далее речь пойдет о субъектах профилактики домашнего насилия в Республике Казахстан в контексте упомянутого Закона РК № 214, в том числе в ракурсе сличения специфики предлагаемого к установлению правового статуса органов профилактики домашнего насилия, в том числе в контексте значимости принятия в России соответствующего закона. В целях унификации понятий в статье будет использована формулировка «домашнее насилие», под которым предлагается понимать «умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого лица (других лиц), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания, выраженное в фор-

ме нецензурной брани, оскорбительного приставания, унижения, повреждения предметов домашнего обихода, и совершение других действий, выражающих неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающих их спокойствие, если это деяние не содержит признаков уголовного наказания» [1, с. 134].

Исходя из положений гл. 2 Закона РК № 214, можно выделить четыре группы субъектов, осуществляющих мероприятия, направленные на предотвращение и противодействие домашнему насилию, а именно:

- 1) специально уполномоченные органы в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия;
- 2) другие органы и учреждения, на которые возлагаются функции по осуществлению мероприятий в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия;
- 3) общие и специализированные службы поддержки пострадавших от домашнего насилия;
- 4) граждане Республики Казахстан.

Специально уполномоченными органами в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия, отнесенными к субъектам первой группы, следует считать поименованные в положениях ст. 6, 7 Закона РК № 214 Правительство Республики Казахстан, а также местные представительные и исполнительные органы соответственно. Функциональное наполнение деятельности этих субъектов основывается преимущественно на реализации задач по формированию, выработке и внедрению основных направлений государственной политики в сфере профилактики домашнего насилия, а также осуществлению координации взаимодействия между иными субъектами.

К числу субъектов второй группы — иных органов и учреждений, на которые возлагаются функции по осуществлению мероприятий в сфере предотвращения и профилактики домашнего насилия, — относятся комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике (ст. 8); комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (ст. 9); органы внутренних дел (ст. 10); уполномоченный орган в области образования (ст. 11); уполномоченный орган в области здравоохранения (ст. 12) и организации здравоохранения (ст. 13).

Здесь следует обратить внимание на терминологическую неточность: в наименовании ст. 8 Закона РК № 214 отсутствует формулировка «компетенция», хотя содержательно данное положение сходно с иными нормами гл. 2 Закона РК № 214, которые и в наименовании, и в содержании содержат указание на компетентностное содержание деятельности соответствующего органа. В связи с указанным

¹ О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV (с изм. и доп. по сост. на 07.07.2020) // Казахстанская правда. 2009. № 293 (26037).

представляется целесообразным рекомендовать изменить название ст. 8 Закона РК № 214, изложив его следующим образом: «Компетенция комиссий по делам женщин и семейно-демографической политике».

В рамках определения функционала субъектов второй группы следует упомянуть о заявлении депутата, одного из разработчиков нового законопроекта о профилактике домашнего насилия в Казахстане, И. Унжаковой, отмечавшей, что закон, «принятый в 2009 году, фактически не работает, и перелома в преодолении бытового насилия достичь не удалось. Действующие нормы ориентированы на деятельность по случившимся фактам и их последствиям» [3]. Указанное проистекает из того, что «...сегодня практически вся ответственность и нагрузка по преодолению домашнего насилия возложена на органы внутренних дел. Роль всех остальных центральных органов власти, как субъектов профилактики, ограничена формальным участием в межведомственном взаимодействии» [3].

С таким мнением сложно согласиться в безоговорочном порядке. Действительно, роль органов внутренних дел Республики Казахстан в профилактике домашнего насилия очень высока: по официальным данным, в течение 2020 г. в казахстанские органы внутренних дел поступило более 2,5 тыс. обращений о совершении насилия в семейно-бытовых отношениях². Для сравнения, за 9 месяцев 2019 г. по ст. 73 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан³ в суды Республики поступило 19 331 дело⁴. Однако, как свидетельствует статистика, приведенная Организацией Объединенных Наций со ссылкой на службу доверия общественного движения #НемолчиKZ, за первый месяц карантина и вынужденной изоляции населения (март 2020 г.) количество обращений в упомянутую службу относительно случаев домашнего насилия возросло с 10,1 тыс. до 12,5 тыс. сообщений⁵, что в десятки раз больше обращений в правоохранительные органы за аналогичный период.

² Информация МВД Республики Казахстан за 2020 г. о проблемах бытового насилия. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/kaz_interior_ministry_replytohrw.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

³ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по сост. на 02.07.2021) // Казахстанская правда. 2014. № 135 (27756).

⁴ Информация Верховного Суда Республики Казахстан за первые 9 месяцев 2019 г. о проблемах бытового насилия. URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/kaz_supremecourt_responsetorequest_11oct2019.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

⁵ Новости ООН. Бытовое насилие в Казахстане: «Все это свалилось на нас буквально за месяц». URL: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1377672> (дата обращения: 17.10.2021 г.).

Несмотря на высокую значимость деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан в профилактике домашнего насилия, спорным остается момент относительно допустимости проведения сотрудниками полиции профилактических бесед между участниками домашнего насилия «в служебных помещениях субъектов профилактики бытового насилия» (ч. 3 ст. 19 Закона РК № 214), в том числе в помещениях кризисных центров. Как отмечается в материалах правозащитной организации Human Rights Watch, это «серьезно противоречит интересам защиты прав лиц, переживших насилие, и требованиям о приоритетном обеспечении их безопасности, конфиденциальности и благополучия»⁶. Действительно, международные стандарты оказания услуг лицам, пережившим домашнее насилие, предусматривают недопустимость проведения профилактических мероприятий при отсутствии гарантий безопасности потерпевших⁷ [9].

В то же время с тезисом И. Унжаковой отчасти следует согласиться: органы внутренних дел Республики Казахстан действительно осуществляют наибольший объем работы по предотвращению и предупреждению домашнего насилия. При этом в законодательстве Казахстана отсутствует четкий перечень уполномоченных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан, принимающих меры по предотвращению домашнего насилия; а в казахстанской правовой доктрине к таким относят местную полицейскую службу Республики Казахстан, службы по делам несовершеннолетних, службы участковых инспекторов полиции Казахстана [2, с. 112], в связи с чем значимым представляется раскрыть содержание их компетенции относительно противодействия домашнему насилию.

Так, уполномоченные представители полиции могут противодействовать анализируемому негативному социальному явлению посредством его предупреждения, прекращения, осуществления административно-юрисдикционной деятельности в отношении субъектов правонарушения, принятия срочных запретительных предписаний путем составления протоколов об административных правонарушениях, применяя при этом средства административного принуждения в соответствии с законодательством.

⁶ Human Rights Watch: Казахстан: недостаточная помощь для переживших домашнее насилие. Обеспечить пострадавшим защиту, доступ к правосудию и услугам. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2019/10/17/334789> (дата обращения: 19.10.2021).

⁷ Combating violence against women: minimum standards for support services. Strasbourg: Directorate General of Human Rights and Legal Affairs Council of Europe, 2008.

Административно-правовой статус участковых инспекторов полиции Республики Казахстан закрепляет приказ Министерства внутренних дел Республики Казахстан от 29 декабря 2015 г. № 1095, согласно которому участковые инспекторы полиции ставят на превентивный учет и в пределах своей компетенции проводят профилактическую работу с лицами, склонными к совершению домашнего насилия, а также лицами, совершившими правонарушение либо посягавшими на совершение правонарушения⁸.

К основным задачам местной полицейской службы в структуре Министерства внутренних дел Республики Казахстан отнесено выявление фактов домашнего насилия, а также установление причин и условий, способствующих их совершению. Однако непосредственно в законодательстве это положение не отражено, что требует совершенствования нормативного правового регулирования.

Среди подразделений полиции основным органом в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию является служба участковых инспекторов полиции, поскольку большинство полномочий, определенных в ст. 10 Закона РК № 214, коррелирует с полномочиями указанной службы. Именно участковые инспекторы полиции принимают превентивные меры, предусмотренные законодательством и направленные на предотвращение, а также профилактику правонарушений, связанных с домашним насилием. Одним из основных направлений их деятельности является реализация мер по прекращению домашнего насилия через проведение профилактической

работы, составление административных протоколов и принятие срочных запретительных предписаний.

К третьей группе субъектов противодействия домашнему насилию можно отнести органы, функционирующие в сфере образования и здравоохранения (ст. 11–13 Закона РК № 214), а также организации по оказанию помощи, деятельность которых урегулирована ст. 15 Закона РК № 214. Однако для более корректного разделения функций к органам указанной группы мы будем относить только те организации, компетенция которых ориентирована исключительно на работу с потерпевшими.

К проблемам функционирования указанных субъектов (как органов здравоохранения и образования, относящихся к числу субъектов второй группы), следует отнести то, что их обязанностью не является уведомлять «правоохранительные органы о фактах бытового насилия» [5], что требует более детального изучения на предмет соблюдения баланса между охраной тайны частной жизни и необходимостью сообщения о преступлении закона.

Что же касается четвертой группы – граждан Республики Казахстан, то в соответствии с п. 5 ст. 1 Закона РК № 214 их компетенция, а также функционал в части противодействия домашнему насилию и вовсе не раскрываются. Аналогичная ситуация наблюдается и в России, где роль граждан в противодействии домашнему насилию также не конкретизирована, хотя их участие в соответствующей деятельности презюмируется [4].

Завершая проведенный анализ компетенции субъектов противодействия домашнему насилию в Республике Казахстан, следует указать на то, что не все проблемы в положениях действующего казахстанского законодательства решены, что может послужить основой для дальнейших научных изысканий.

⁸ Об утверждении Правил организации деятельности участковых инспекторов полиции, ответственных за организацию работы участкового пункта полиции, участковых инспекторов полиции и их помощников: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29 декабря 2015 г. № 1095 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/origins/V1500013004> (дата обращения: 19.10.2021).

Список литературы:

1. Акимжанов Е. С. Административно-правовые методы предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане // Международный юридический журнал. 2021. Т. 4. № 5.
2. Асанов Ж. К. Теоретико-прикладные проблемы предупреждения и пресечения бытового насилия (криминологические и уголовно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2010.
3. Вааль Т. Законодательство в сфере бытового насилия ужесточают в Казахстане. Семейным дебоширам будут запрещать приближаться к семье. URL: <https://vlast.kz/>

References:

1. Akimzhanov E. S. Administrativno-pravovye metody preduprezhdeniya i presecheniya domashnego nasiliya v Kazahstane // Mezhdunarodnyy yuridicheskij zhurnal. 2021. T. 4. № 5.
2. Asanov Zh. K. Teoretiko-prikladnye problemy preduprezhdeniya i presecheniya bytovogo nasiliya (kriminologicheskie i ugodovno-pravovye problemy): dis. ... kand. yurid. nauk. Almaty, 2010.
3. Vaal' T. Zakonodatel'stvo v sfere bytovogo nasiliya uzhestochayut v Kazahstane. Semejnym deboshiram budut zapreshchat' priblizhat'sya k sem'e. URL: <https://vlast.kz/novosti/41785-zakonodatelstvo-v-sfere-bytovogo-nasilia-uz>

novosti/41785-zakonodatelstvo-v-sfere-bytovogo-nasilia-uzestocaut-v-kazahstane.html (дата обращения: 19.10.2021).

4. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: Российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86).
5. Сыздыков А. Ж., Сагымбеков Б. Ж. Сравнительно-правовой анализ административно-правовых мер профилактики бытового насилия (опыт Казахстана и России) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61).

Для цитирования:

Акимжанов Ерик Серикович. К вопросу о компетенции субъектов, осуществляющих противодействие домашнему насилию в Республике Казахстан // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 116–121.

estocaut-v-kazahstane.html (data obrashcheniya: 19.10.2021).

4. *Rostovskaya T. K., Kaliev T. B., Zav'yalova N. B., Bezverbnyj V. A.* Profilaktika nasiliya kak faktor bezopasnosti sem'i: Rossijskij i kazahstanskij opyt // *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2018. № 1 (86).
5. *Syzdykov A. Zh., Sagymbekov B. Zh.* Sravnitel'no-pravovoj analiz administrativno-pravovyh mer profilaktiki bytovogo nasiliya (opyt Kazahstana i Rossii) // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan*. 2020. № 3 (61).

For citation:

Akimzhanov Yerik Serikovich. To the Question of the Competence of Subjects Engaged in Combating Domestic Violence in the Republic of Kazakhstan // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2022. № 1 (61). P. 116–121.

САЙТХОДЖАЕВ БАХРАМ ХАМЫТОВИЧ,
адъюнкт* кафедры управления деятельностью
подразделений обеспечения охраны
общественного порядка центра
командно-штабных учений
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: bahkram1984@mail.ru

SAITKHODZHAEV BAHRAM KHAMYTOVICH,
Adjunct** of the Department of Management of
the Activities of Units for Ensuring the Protection
of Public Order of the Center for Command and
Staff Exercises Academy of Management of Internal
Ministry of Home Affairs of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: bahkram1984@mail.ru

Научная специальность:
12.00.14 — административное право;
административный процесс.

Scientific speciality:
12.00.14 — Administrative Law;
Administrative Process.

УДК 34

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-122-130

Дата поступления: 10 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Проблемы совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике в современных условиях

The Problems of Improving Road Safety in the Kyrgyz Republic in Modern Conditions

Аннотация

Актуальность: исследование перспективных направлений совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике в современных условиях является весьма актуальным в связи не только с реформой правоохранительной системы Республики, но и в общем контексте стратегических направлений развития страны, связанных с принятием Национальной стратегии устойчивого развития Киргизской Республики на 2018–2040 гг., в которой обозначены основополагающие идеи и начала, а также дорожная карта по решению задач и достижению целей устойчивого развития во всех областях жизнедеятельности киргизского общества.

Существенный аспект исследования указанных проблемных вопросов связан также с выработкой предложений по совершенствованию деятельности подразделений милиции Киргизской Республики по обеспечению безопасности дорожного движения с учетом современного международного опыта правового и организационного регулирования безопасности дорожного движения.

Abstract

The relevance: the study of promising directions for improving road safety in the Kyrgyz Republic in modern conditions is very relevant in connection not only with the reform of the law enforcement system of Republic, but also in the general context of the strategic directions of the country's development related to the adoption of the National Strategy for Sustainable Development of the Kyrgyz Republic for 2018–2040, which outlines the fundamental ideas and beginnings, as well as a roadmap for solving the tasks and achieving the goals of sustainable development in all areas of the Kyrgyz society.

An essential aspect of the study of these problematic issues is also related to the development of proposals for improving the activities of the police units of the Kyrgyz Republic to ensure road safety, taking into account modern international experience in legal and organizational regulation of road safety.

Of course, despite the available scientific developments of national authors, the problems of

* Ранее — старший инспектор-юрисконсульт УДПС и ПП ГУОБДД МВД Киргизской Республики.

** Previously, Senior Inspector of Legal Counsel UDPS and PP GUOBDD of the Ministry of Internal Affairs Kyrgyz Republic.

Безусловно, несмотря на имеющиеся научные разработки национальных авторов, широкому научному анализу и комплексному изучению проблемы совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике в современных условиях не подвергались. Многие вопросы в этой сфере остаются дискуссионными, правоприменительная практика нуждается в научных рекомендациях, в связи с чем полагаем, что исследование обозначенной проблематики является весьма востребованным и актуальным.

Постановка проблемы: формирование и реализация государственной политики Киргизской Республики в сфере совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения, согласования стратегических целей, задач и ключевых мер по ее достижению, а также механизмов взаимодействия всех заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, позволяющих качественным образом повлиять на современное состояние обеспечения безопасности дорожного движения в контексте национальной общественной безопасности, обеспечивающих целостный (системный) подход к решению проблемы снижения дорожно-транспортного травматизма и смертности, комплексно не изучались и остаются не раскрытыми в силу происходящих сейчас социально-политических и правовых процессов в Киргизской Республике. Они дают обширный материал для переосмысления узловых вопросов правоохранительной деятельности, что создает определенный пробел в юридической сфере, для восполнения которого предназначена данная статья.

Цель исследования: на основе анализа научных работ в области административного права и административной деятельности, а также практической деятельности Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Киргизской Республики предложить перспективные направления совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в современных условиях.

Методы исследования: статистический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ, обобщение.

Результаты и ключевые выводы: совершенствование системы обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике является одним из приоритетных направлений и важным фактором обеспечения устойчивого развития страны, так как большое количество дорожно-транспортных происшествий несет прямую угрозу и колоссальный ущерб государству, обществу и личности. Комплекс мер, направленных на приведение в должное соответствие дорожной инфраструктуры в городах и на ключевых автомобильных трассах, дальнейшее внедрение

improving road safety in the Kyrgyz Republic have not been subjected to extensive scientific analysis and comprehensive study in modern conditions. Many issues in this area remain controversial, law enforcement practice needs scientific recommendations, and therefore we believe that the study of these issues is very popular and relevant.

The problem statement: formation and implementation of the state policy of the Kyrgyz Republic in the field of improving road safety, coordination of strategic goals, objectives and key measures to achieve them, as well as mechanisms for interaction of all stakeholders, including representatives of civil society, allowing a qualitative impact on the current state of road safety in the context of national public security, providing a holistic (systematic) approach to solving the problem of reducing road traffic injuries and mortality, have not been comprehensively studied and remain undisclosed due to the ongoing socio-political and legal processes in the Kyrgyz Republic. They provide extensive material for rethinking the key issues of law enforcement, which creates a certain gap in the legal field, which this article is intended to fill.

The purpose of the study: based on the analysis of scientific works in the field of administrative law and administrative activities, as well as the practical activities of the Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic to propose promising directions for improving road safety in modern conditions.

The research methods: statistical, logical, formal legal, comparative legal, analysis, generalization.

The results and key conclusions: improving the road safety system in the Kyrgyz Republic is one of the priorities and an important factor in ensuring the sustainable development of the country, since a large number of road accidents pose a direct threat and enormous damage to the state, society and the individual. A set of measures aimed at bringing the road infrastructure in cities and on key highways into proper compliance, further implementation of the «Safe City» and «Safe Road» projects throughout the country, reform of law enforcement agencies, strengthening measures for the prevention and prevention of offenses, improving theoretical knowledge and practical skills of all road users will allow for high-quality to increase safety and more than halve the mortality and injury rate as a result of road accidents.

All of the above problems certainly affect road safety and require immediate solutions, in connection with which we propose to highlight priority areas that include: improving the efficiency of the road safety management system; improving the safety of road infrastructure; improving the safety of vehicles; ensuring the safety of road users; improving the efficiency of emergency response;

проектов «Безопасный город» и «Безопасная дорога» на всей территории страны, реформа правоохранительных органов, усиление мероприятий по профилактике и предупреждению правонарушений, совершенствование теоретических знаний и практических навыков всех участников дорожного движения позволят качественно повысить безопасность и более чем в два раза сократить смертность и уровень травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий.

Все вышеперечисленные проблемы, безусловно, влияют на дорожную безопасность и требуют незамедлительного решения, в связи с чем предлагаем выделить приоритетные направления, которые включают в себя: повышение эффективности системы управления дорожной безопасностью; улучшение безопасности дорожной инфраструктуры; повышение безопасности транспортных средств; обеспечение безопасности участников дорожного движения; повышение эффективности поставочного реагирования; усиление контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Полагаем, что реализация государственной политики Киргизской Республики с учетом предложенных вышеуказанных приоритетных направлений в области безопасности дорожного движения, согласованных стратегических целей, задач и ключевых мер по ее достижению, а также механизмов взаимодействия всех заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, позволит качественным образом повлиять на современное состояние обеспечения безопасности дорожного движения в контексте национальной общественной безопасности и станет неотъемлемой частью модели устойчивого развития, тем самым обеспечив целостный (системный) подход к решению проблемы снижения дорожно-транспортного травматизма и смертности.

В такой ситуации существует объективная необходимость разработки теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование контрольно-надзорной деятельности милиции Киргизской Республики по обеспечению безопасности дорожного движения. Изложенное актуализирует проблему, имеющую как теоретическое, так и практическое значение для повышения эффективности административно-правового регулирования деятельности милиции Киргизской Республики по обеспечению безопасности дорожного движения в современных условиях.

Ключевые слова: Киргизская Республика; милиция; контроль; надзор; совершенствование; безопасность; дорожное движение.

strengthening control and supervisory activities in the field of road safety.

We believe that the implementation of the state policy of the Kyrgyz Republic, taking into account the above-mentioned priority directions in the field of road safety, agreed strategic goals, objectives and key measures to achieve it, as well as mechanisms for interaction of all stakeholders, including representatives of civil society, will allow a qualitative impact on the current state of road safety in the context of national public security and will become an integral part of the sustainable development model, thereby providing a holistic (systematic) approach to solving the problem of reducing road traffic injuries and mortality.

In such a situation, there is an objective need to develop theoretical provisions and practical recommendations aimed at improving the control and supervisory activities of the police of the Kyrgyz Republic to ensure road safety. The above actualizes the problem that has both theoretical and practical significance for improving the efficiency of administrative and legal regulation of the activities of the police of the Kyrgyz Republic to ensure road safety in modern conditions.

Keywords: Kyrgyz Republic; police; control; supervision; improvement; safety; traffic.

В современных условиях с принятием Национальной стратегии устойчивого развития Киргизской Республики на 2018–2040 гг.¹ (далее — Стратегия) определены стратегические направления развития страны на средне- и долгосрочные периоды, обозначены основополагающие идеи и начала, а также дорожная карта по решению задач и достижению целей устойчивого развития во всех областях жизнедеятельности киргизского общества.

Так, в качестве первоочередных шагов в сфере организации безопасности страны поставлены в том числе задачи по обеспечению безопасности дорожного движения (далее — БДД), а в перспективе в рамках стратегического видения к 2023 г. — по успешной реализации проектов «Безопасный город» и «Безопасная дорога», что позволит качественно повысить безопасность участников дорожного движения (далее — ДД) и более чем в два раза сократить смертность и уровень травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП). Также комплекс мер предусматривает приведение в должное соответствие дорожной инфраструктуры в городах и на ключевых автомобильных трассах, дальнейшее внедрение проекта «Безопасный город» на всей территории страны, реформу правоохранительных органов, усиление мероприятий по профилактике и предупреждению правонарушений, совершенствование теоретических знаний и практических навыков всех участников ДД и многое др. Тем самым повышение БДД является одним из приоритетных направлений и важным фактором обеспечения устойчивого развития страны, так как большое количество ДТП несут прямую угрозу и колоссальный ущерб государству, обществу и личности.

Следует объективно признать, что в Киргизской Республике количество ДТП со смертельным исходом и увечьями намного больше, чем во многих других странах, и степень их тяжести очень высока (в среднем примерно 22 ДТП со смертельным исходом на 100 ДТП с увечьями, тогда как: в России — 13, в Германии этот показатель существенно ниже — 3, в Дании — 2). При этом существует вероятность, что официальная статистика по количеству ДТП в Киргизской Республике зачастую не отражает реальной картины, поскольку определенная часть происшествий, которые не влекут за собой смертельных исходов, может оказываться незарегистрированной по согласованию субъектов ДТП².

В целом, помимо вышеуказанной Стратегии, многое делается по изменению законодательства и ужесточению мер наказания виновных в совершении ДТП, а сам вопрос безопасности дорог постоянно отслеживается на самом высоком политическом уровне.

В частности, предпринимаемые меры и активная работа по борьбе с аварийностью на дорогах в течение последних лет позволили добиться повышения БДД и тем самым существенно изменить негативные тенденции развития ситуации с аварийностью и смертностью на дорогах. Однако достижения не удается сделать устойчивыми и продолжить снижение аварийности и смертности на дорогах, так как с увеличением количества автотранспорта вновь пошла тенденция нарастания случаев ДТП с травматизмом и смертельными исходами. Так, анализ ведомственной статистики показывает, что самыми уязвимыми участниками ДД — и среди раненых, и среди погибших — являются пешеходы и пассажиры (примерно 70 % пассажиров и пешеходов на 25 % водителей). Согласно данным Главного управления обеспечения безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Киргизской Республики (далее — ГУОБДД МВД КР), в 2020 г. было зарегистрировано 973 случая аварий с участием пешеходов, что на 33,9 % меньше по сравнению с предыдущим 2019 г.³

Вместе с тем нужно отметить, что снижение данных показателей 2020 г. было обусловлено введением режима чрезвычайного положения на территории города Бишкек с марта по июнь месяц, в связи с чем более полную картину состояния аварийности показывают данные 2019 г., которые свидетельствуют, что в 2019 г. в г. Бишкеке было зарегистрировано 1475 случаев аварий с участием пешеходов, что на 15 % больше по сравнению с предыдущим 2018 г. Более 38 % дорожных смертей приходится на пассажиров.

Особенно высоким остается травматизм среди детей на дорогах (17–19 % среди раненых в ДТП). Возрастная группа 10–16 лет является наиболее уязвимой. В среднем каждый четвертый случай ДТП с пешеходом — это авария с участием ребенка младше 16 лет. В общем количестве происшествий за 2013–2020 гг. на дорогах ДТП с участием детей до 16 лет составляет 11 751 случай (получили травмы 13 379 детей и погибло 853 ребенка).

С 2013 по 2020 г. в Киргизской Республике официально зарегистрировано 52 680 случаев ДТП, в которых погибло 7 377 человек

¹ О Национальной стратегии развития Киргизской Республики на 2018–2040 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Киргизской Республики от 31 октября 2018 г. УП № 221. Доступ из информационно-правового портала «ТОКТОМ».

² Материалы отчета деятельности ГУОБДД МВД Кир-

гизской Республики с 2013 по 2021 гг. // Официальный сайт ГУОБДД МВД Киргизской Республики. URL: <http://www.guobdd.kg/> (дата обращения: 09.02.2022).

³ Там же.

и 78 801 человек был ранен; ДТП по вине водителей составляют 44 725 случаев, при этом порядка 70 % погибших в авариях — это активные трудоспособные граждане страны в возрасте 25–40 лет⁴.

В качестве ключевых причин ДТП при существующей практике идентификации определены следующие: превышение скоростного режима, нарушение правил маневрирования, а также управление автотранспортным средством (далее — АТС) в нетрезвом состоянии. Зачастую эксперты говорят, что доля ДТП растет с ростом народонаселения, приростом парка АТС и плохим качеством подготовки водителей, которые сочетаются с низкой культурой соблюдения правил дорожного движения (ПДД) в обществе в целом [см., например: 4; 2]. Так, анализ практической деятельности ГУОБДД МВД КР показывает, что большая часть смертельных аварий в основном происходит на 15 перекрестках г. Бишкека.

Основными причинами, влияющими на степень тяжести при авариях, по мнению практических работников милиции, являются проблемы низкого качества дорожных инфраструктур, связанные с национальными стандартами проектирования, строительства и реконструкции автомобильных дорог, которые являются устаревшими с точки зрения принципов БДД, не в полной мере учитывающими интересы всех участников ДД (например, не позволяют обеспечить беспрепятственный проезд карет скорой помощи к пострадавшим в ДТП, не гарантируют беспрепятственный проезд общественного транспорта, а также безопасное движение для немоторизованных участников ДД и т. д.) [3].

Безусловно, в Республике в последние годы активно осуществляется ремонт и модернизация дорожного полотна в населенных пунктах и на стратегических трассах между ними, но модернизация не всегда сопровождается соблюдением международных стандартов обеспечения безопасности, все еще существует большой дефицит дорожных знаков, ограждений, светофоров и другого необходимого оборудования. В существующих технических регламентах по строительству, реконструкции и ремонту дорог отсутствуют стандартные методики оценки рисков и регламента по проведению аудита безопасности дорог, параметры безопасности по землепользованию, установке рекламных щитов, парковочных мест, ограждений между проезжей частью дорог и арыков, которые в конечном счете должны усилить контрольно-надзорные функции государства.

Другим важным фактором повышения аварийности и травматизма на дорогах при неготовности дорожных инфраструктур является рост численности автомобильного парка Республики, техническое состояние которого слабо регулируется соответствующими государственными структурами. Так, на 2020 г. в Киргизской Республике зарегистрировано 1 млн 487 тыс. 174 единицы АТС, что по сравнению с 2013 г. составило 49,9 % прироста. Средний возраст популярных АТС в Республике составляет 10–14 лет, но немало используется и АТС с пределами установленного ресурса и низкой технической надежностью⁵. При этом контроль за ввозом и технической эксплуатацией прибывающих АТС не осуществляется на должном уровне. К сожалению, надо признать, что сегодня допускается ввоз в Киргизскую Республику автомобилей разных типов, марок, производителей, в Республике нет системы технических барьеров, ограничивающих ввоз колесных транспортных средств с низким уровнем безопасности.

Со вступлением Киргизской Республики в Таможенный союз остро встал вопрос о соответствии национального законодательства Техническим регламентам Таможенного союза. Примером может служить п. 72 ч. 3 гл. 5 Технического регламента Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств», в соответствии с которым проверка выполнения требований к транспортным средствам, находящимся в эксплуатации, должна проводиться в отношении каждого транспортного средства, зарегистрированного в установленном порядке в государстве — члене Таможенного союза, в формах технического осмотра, а также государственного контроля (надзора) за безопасностью дорожного движения. Однако нужно объективно признать, что действующая система технического осмотра транспортных средств в Киргизской Республике не приводит к снижению ДТП. Из всех совершенных ДТП по причинам технической неисправности за указанный период времени с 2013 г. по 2020 г. совершено 145 ДТП, при которых погибли 42 и получили ранения различной степени тяжести 124 человека.

Отмена обязательного прохождения государственного технического осмотра, кроме АТС, указанных в перечне ст. 16 Закона Киргизской Республики «О дорожном движении в Киргизской Республике», противоречит международным обязательствам, которые взяла на себя Киргизия в соответствии с Законом Киргизской Республики «О присоединении Киргизской Республики к Конвенции о дорожном дви-

⁴ Материалы отчета деятельности ГУОБДД МВД Киргизской Республики с 2013 по 2021 гг. // Официальный сайт ГУОБДД МВД Киргизской Республики. URL: <http://www.guobdd.kg/> (дата обращения: 09.02.2022).

⁵ Там же.

жении, подписанной 8 ноября 1968 года в городе Вена, включая поправки к Конвенции, вступившие в силу 3 сентября 1993 года». Данная норма противоречит и требованиям п. 72 ч. 3 гл. 5 Технического Регламента Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств»⁶, в соответствии с которым проверка выполнения требований к транспортным средствам, находящимся в эксплуатации, должна проводиться в отношении каждого транспортного средства, зарегистрированного в установленном порядке в государстве – члене Таможенного союза, в формах технического осмотра, а также государственного контроля (надзора) за безопасностью дорожного движения.

Транспортные средства, осуществляющие перевозку опасных грузов, перевозку пассажиров, а также грузоперевозки не оснащены устройствами регистрации режима труда и отдыха. Сегодня в соответствии с нормативами общественный транспорт, организованный частными перевозчиками, подлежит техническому осмотру структурами Ассоциации центров технического осмотра автотранспортных средств Киргизской Республики, но зачастую результаты осмотра недостоверны и не имеют механизмов выполнения предписаний технического осмотра. Таким образом, вторым ключевым направлением работы являются меры по обеспечению безопасности автотранспортных средств.

Особо следует отметить низкую культуру соблюдения ПДД всеми участниками дорожного движения, что во многом обусловлено тем, что уполномоченными государственными органами не проводится информационно-профилактическая работа и не существует специального обучения ПДД в рамках государственной системы образования, а также наблюдается слабый контроль за соблюдением ПДД со стороны соответствующих государственных органов, не привлекаются гражданские организации. Обязательное обучение ПДД предусмотрено только в системе подготовки водительского состава в автошколах, но многие эксперты подготовку водительского состава и обучение ПДД в автошколах Республики рассматривают как проблему. В частности, только в 2017 г. в ходе проверки деятельности учреждений по подготовке (переподготовке) водителей транспортных средств межведомственной государственной комиссией было установлено, что из 223 автошкол 79 (35,5 %) соответствуют лицензионным требованиям, а остальные 144 не соответствуют. Основными недостатками в автошколах являются ненадлежащее ка-

чество материально-технической, учебно-методической базы подготовки и переподготовки водительского состава, в том числе отсутствие или неукомплектованность автодромов, учебно-методических классов, лабораторий по устройству и обслуживанию автомобилей, тренажеров по вождению и т. п.

Несмотря на разделение функций между системами подготовки водителей, оценки знаний и выдачи водительских прав, по нашему мнению, все еще остаются коррупционные риски и возможность размывания – снятия с себя ответственности за результат каждой из функциональных структур, участвующих в подготовке водителей. Пешеходы и другие участники ДД не получают систематической информации о ПДД. Соответствующие государственные органы не имеют четких задач по проведению информационно-разъяснительных, профилактических кампаний по продвижению ПДД среди всех участников дорожного движения, тогда как именно обучение и информирование в мировой практике являются ключевыми мерами обеспечения безопасности участников дорожного движения.

Так, одним из эффективных шагов преодоления обозначенной выше проблемы, по нашему мнению, является издание Указа Президента Киргизской Республики от 8 декабря 2021 г. «О неотложных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения в Киргизской Республике», согласно которому МВД Киргизской Республики были переданы не только функции по регистрации транспортных средств, водительского состава, выдаче водительских удостоверений, но и функции лицензирования деятельности автошкол в целях улучшения процесса обучения граждан теоретическим и практическим навыкам управления транспортными средствами в соответствии с ПДД Киргизской Республики.

Опыт других государств, которые достигли значимого снижения смертности на дорогах, показывает, что одной из важных сфер является организация комплексного эффективного поставарийного реагирования, способного предотвратить смерть пострадавшего [см. подробнее: 6; 10; 7; 9; 5]. В Киргизской Республике не существует достоверной разделенной статистики по смертности непосредственно сразу на месте происшествия и умершим в пути к медучреждению, а также смертности от ДТП в медицинских учреждениях [3], однако полагаем, что смертность пострадавших можно было бы снизить, если бы эффективно работала система поставарийного реагирования, включая организацию развития специальных навыков у участников дорожного движения в оказании неотложной медицинской помощи.

⁶ О безопасности колесных транспортных средств [Электронный ресурс]: технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 018/2011). Доступ из информационно-правового портала «ТОКТОМ».

Предоставление поставарийной помощи затруднено из-за отсутствия на местном уровне специализированной медпомощи, особенно в сфере нейрохирургии, травматологии, кардиологии и пр. Слабая техническая оснащенность бригад скорой помощи и ограниченность технических средств, отсутствие доступной санитарной авиации усугубляют ситуацию по поставарийному реагированию. Вопросы эффективности поставарийного реагирования связаны и со слабой координацией и взаимодействием разных государственных структур, что и приводит к высокой поставарийной смертности и повышенному травматизму.

Основной причиной наличия проблем в обеспечении БДД является неэффективность сложившейся системы управления, которая, включая в себя разные структуры, до сих пор не сконцентрирована на достижении единой цели и выполнении задач, не руководствуется едиными сквозными индикаторами для всех вовлеченных лиц и объединений. В частности, в соответствии с п. 4 Правил учета дорожно-транспортных происшествий, утвержденных постановлением Правительства Киргизской Республики от 9 августа 2004 г. № 578, такой учет ДТП и пострадавших лиц ведется органами внутренних дел; предприятиями и организациями, министерствами и ведомствами, имеющими транспортные средства; дорожными и коммунальными организациями; лечебно-профилактическими учреждениями.

Следует указать, что в организации БДД отсутствуют функциональные структуры, ответственные, прежде всего, за разработку и анализ политики, а также проведение мониторинга и оценки ее реализации. Полагаем, что в рамках исполнения вышеназванного Указа Президента Киргизской Республики данная проблема будет разрешена, так как предусматриваются меры по увеличению штатной численности ГУОБДД МВД КР с выделением дополнительных финансовых средств и улучшением материально-технической базы.

Отсутствует система информационного обмена между участниками БДД, что снижает возможности эффективного межведомственного взаимодействия с участием гражданского общества. В настоящий момент задачи и функции по обеспечению БДД раздроблены и распределены между разными государственными органами, но до сих пор не определен орган, который был бы ответственен за весь комплекс мер по БДД.

При существующем функциональном распределении между государственными ведомствами и учреждениями наблюдаются зоны, непокрытые управленческими полномочиями и задачами, даже несмотря на широкие право-

мочия ГУОБДД МВД КР в сфере обеспечения БДД, так как разработка целостной политики по БДД не вменена ни одному из государственных органов. Полагаем, функции, определенные в положении о ГУОБДД МВД КР, объективно превышают поставленную задачу и не определяют ответственность за разработку целостной государственной политики в сфере БДД⁷.

Наиболее сдерживающим фактором в достижении устойчивых результатов по повышению БДД являются межведомственная координация и взаимодействие [1; 8]. В частности, не разработаны сквозные индикаторы, включая целевые показатели по снижению смертности и травматизма на дорогах для всех государственных органов, а оценка эффективности реализации функций ведомств осуществляется преимущественно на ведомственных индикаторах. Сложившаяся система управления ДБ также не способна выполнять поставленные задачи и функции в силу неадекватности ресурсов для этого. Так, например, в настоящее время у ГУОБДД МВД КР существенно ограничены возможности осуществлять эффективный контроль и обслуживание дорог большой протяженности, в их ведении находится 6 тыс. км дорог, которые «покрываются» 1 тыс. 900 сотрудниками, из них более чем 1 тыс. 100 в Чуйской области и городе Бишкеке. При установленном нормативе (6 км на одного сотрудника) существующие штаты сотрудников могут охватить только 17 % дорог. Именно поэтому работа сотрудников ГУОБДД МВД КР фактически не нормирована, например, на трассе Бишкек – Тору-гарт у сотрудников вынужденно рабочий день длится не менее 12 часов⁸.

В каждом из вовлеченных в обеспечение БДД государственном органе недостаточно человеческих ресурсов для организации и проведения мониторинга и анализа данных для принятия решений на доказательной базе. Не сформирована до сих пор система постоянно обновляемого межведомственного информационного обмена (включающая ведомственную статистику и результаты исследований по БДД). Сбор и анализ данных – насущная потребность в процессе обеспечения БДД: например, существующая статистика ограничивает возможности эффективного проектирования и управления БДД (нет картирования

⁷ О безопасности колесных транспортных средств [Электронный ресурс]: технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 018/2011). Доступ из информационно-правового портала «ТОКТОМ».

⁸ Об утверждении Инструкции по совершенствованию и повышению эффективности надзора за дорожным движением и общественным порядком подразделениями ГУОБДД МВД Киргизской Республики [Электронный ресурс]: приказ ГУОБДД МВД Киргизской Республики от 31 декабря 2018 г. № 1284. Доступ из информационно-правового портала «ТОКТОМ».

опасных зон с точки зрения частоты ДТП, плохого качества инфраструктуры; временных режимов совершения ДТП), нет организации государственного заказа на развитие такого анализа, нет исполнителя такой задачи [3].

Все вышеперечисленные проблемы, безусловно, влияют на дорожную безопасность и требуют незамедлительного решения, в связи с чем предлагаем выделить приоритетные направления совершенствования обеспечения БДД, основанные на формуле «водитель — транспортное средство — дорога», которые включают в себя:

- улучшение качества подготовки водительского состава;
- обеспечение безопасности участников ДД;
- повышение безопасности АТС;
- улучшение безопасности дорожной инфраструктуры;
- повышение эффективности системы управления дорожной безопасностью;
- повышение эффективности поставарийного реагирования;
- совершенствование контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения БДД.

Безусловно, совершенствование обеспечения БДД — это сложный многофакторный процесс, эффективность которого в современных условиях можно обеспечить путем:

- модернизации системы государственного управления и повышением качества предоставляемых государственных услуг по обеспечению дорожной безопасности;
- эффективного управления общественным здравоохранением по оказанию неотложной помощи;
- качества системы профессиональной подготовки водителей пассажирского и грузового транспорта и ее лицензирования;
- регулирования безопасности АТС;
- качества проектирования, строительства и обслуживания дорожных инфраструктур;
- усиления контрольно-надзорной функции в сфере обеспечения БДД;
- эффективного управления общественной безопасностью в сфере ДД.

Список литературы:

1. Административное право России: курс лекций / К. С. Бельский [и др.]; под ред. Н. Ю. Хамановой. Москва, 2007.
2. Бахаев А. А. Административно-правовое регулирование дорожного движения: вопросы безопасности и ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009.
3. Борбиев Б. И. Административно-правовое регулирование контрольной и надзор-

Полагаем, что реализация вышеуказанных перспективных направлений совершенствования обеспечения безопасности в сфере дорожного движения, а также внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность ГУОБДД МВД КР, в части соответствия деятельности современным ожиданиям общества, основанных на передовом зарубежном опыте и гуманистических принципах, — все это позволит повысить эффективность отечественной системы обеспечения БДД в современных условиях.

Убеждены, что в условиях развития Киргизской Республики как правового демократического социального государства сосредоточение деятельности не только ГУОБДД МВД КР, но и всех заинтересованных субъектов на предложенных перспективных направлениях совершенствования системы обеспечения БДД как многоуровневого комплекса взаимосогласованных организационных, правовых, социально-экономических, контрольных и иных мер, реализуемых уполномоченными государственными органами, общественными и неправительственными организациями и объединениями, позволят добиться повышения уровня защищенности участников дорожного движения, а также предотвратить количество ДТП и их неблагоприятные последствия.

Таким образом, реализация государственной политики Киргизской Республики с учетом предложенных вышеуказанных приоритетных направлений в области БДД, согласования стратегических целей, задач и ключевых мер по ее достижению, а также механизмов взаимодействия всех заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, позволят качественным образом повлиять на современное состояние обеспечения БДД в контексте национальной общественной безопасности и стать неотъемлемой частью модели устойчивого развития, тем самым обеспечив целостный (системный) подход к решению проблемы снижения дорожно-транспортного травматизма и смертности.

References:

1. Administrativnoe pravo Rossii: kurs lekcij / K. S. Bel'skij [i dr.]; pod red. N. Yu. Hamanovej. Moskva, 2007.
2. Bahaev A. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie dorozhnogo dvizheniya: voprosy bezopasnosti i otvetstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2009.
3. Borbiev B. I. Administrativno-pravovoe regulirovanie kontrol'noj i nadzornoj deyatel'nosti

- ной деятельности Главного управления безопасности дорожного движения МВД Киргизской Республики и его территориальных подразделений: монография. Бишкек, 2011.
4. *Босхамджиева Н. А.* Общая характеристика безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2013. № 9.
 5. *Дмитриев С. Н.* Организация деятельности подразделений дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции по предупреждению и раскрытию разбойных нападений на водителей и пассажиров автотранспортных средств. Орел, 1999.
 6. *Исмонзода С. М.* Административно-правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
 7. *Калюжный Ю. Н.* Отдельные теоретические подходы к толкованию понятия «безопасность дорожного движения» // Транспортное право. 2016. № 2.
 8. *Кикоть В. Я.* Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. Я. Кикотя, П. И. Кононова, И. Ш. Киясханова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва, 2012.
 9. *Майоров В. И.* Административно-правовые проблемы управления обеспечением безопасности дорожного движения: дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.
 10. *Сергеев С. А.* Административно-правовой статус ГИБДД как субъекта контрольно-надзорных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.
4. *Boskhamdzhieva N. A.* Obshchaya harakteristika bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 9.
 5. *Dmitriev S. N.* Organizaciya deyatel'nosti podrazdelenij dorozhno-patruľnoj sluzhby Gosavtoinspekicii po preduprezhdeniyu i raskrytiyu razbojnyh napadenij na voditelej i passazhirov avtotransportnyh sredstv. Orel, 1999.
 6. *Ismonzoda S. M.* Administrativno-pravovoe regulirovanie kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Respubliki Tadjikistan: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2019.
 7. *Kalyuzhnyj Yu. N.* Otdel'nye teoreticheskie podhody k tolkovaniyu ponyatiya «bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya» // Transportnoe pravo. 2016. № 2.
 8. *Kikot' V. Ya.* Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsy po special'nosti «Yurisprudenciya» / pod red. V. Ya. Kikoty, P. I. Kononova, I. Sh. Kilyaskhanova. 5-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2012.
 9. *Majorov V. I.* Administrativno-pravovye problemy upravleniya obespecheniem bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 1997.
 10. *Sergeev S. A.* Administrativno-pravovoj status GIBDD kak sub"ekta kontrol'no-nadzornyh pravootnoshenij: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2007.

Для цитирования:

Сайтходжаев Бахрам Хамытович. Проблемы совершенствования обеспечения безопасности дорожного движения в Киргизской Республике в современных условиях // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 122–130.

For citation:

Sajthodzhaev Bahram Hamytovich. The Problems of Improving Road Safety in the Kyrgyz Republic in Modern Conditions // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 122–130.

АБУБАКР ХАКИМ ХАКИМЗОДА,
адъюнкт* 3-го факультета
Академии управления МВД России Российская
Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: abubakr.khakimzoda@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-131-137

Дата поступления: 10 февраля 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Отдельные аспекты правового положения несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации

Certain Aspects of the Legal Status of a Minor in Criminal Proceedings under the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

Аннотация

В данной статье автором затрагивается вопрос регулирования уголовно-процессуальных правоотношений с участием несовершеннолетних лиц. Автор обращает внимание на такой аспект законодательного регулирования, как правовое положение несовершеннолетнего, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу. В частности, проводя анализ законодательства двух стран – России и Таджикистана, выявляет отдельные недостатки правового регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам и указывает на схожесть реализуемых подходов, а также их отличия.

Постановка проблемы: на современном этапе уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан характеризуется недостаточной конкретизацией правового статуса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в досудебном производстве по уголовным делам. Несмотря

Abstract

In this article, the author touches upon the issue of regulation of criminal procedural legal relations with the participation of minors. The author draws attention to such an aspect of legislative regulation as the legal status of a minor in respect of whom criminal proceedings are being conducted. In particular, analyzing the legislation of two countries: Russia and Tajikistan, identifies some shortcomings of the legal regulation of public relations with the participation of minors in pre-trial proceedings in criminal cases and indicates the similarity of the approaches being implemented, as well as their differences.

The problem statement: at the present stage, the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan is characterized by insufficient specification of the legal status of juvenile suspects and accused in pre-trial proceedings in criminal cases. Despite the similarity of the legal regulation of the rights and obligations of minors as participants in criminal proceedings, there are also differences that allow us to

* Ранее – начальник кабинета кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан.

** Previously, he was the Head of the Cabinet of Criminal Law, Criminology and Psychology Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.

на сходство правового регулирования прав и обязанностей несовершеннолетних как участников уголовного судопроизводства, существуют и различия, позволяющие определить базовые направления совершенствования законодательства в целях улучшения правового положения несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве обоих государств.

Цель исследования: на основе сравнительно-правового анализа особенностей правового положения несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве определить направления совершенствования законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Методы исследования: в ходе работы были применены методы и принципы диалектической и формальной логики, сравнительно-правовой метод и метод анализа.

Результаты и ключевые выводы: по результатам исследования автором установлено, что в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана, в отличие от законодательства Российской Федерации, регулирующего аналогичную сферу правоотношений, содержатся более четкие указания на необходимость установления факторов, способных оказывать влияние на поведение несовершеннолетнего, в том числе психофизиологических и поведенческих особенностей личности несовершеннолетнего, имеющих ключевое значение при определении причин и условий, способствовавших совершению преступления; обозначено наличие в законодательстве Таджикистана пробела, связанного с отсутствием указания на необходимость оценки состояния здоровья несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый; правовое положение; процессуальный статус.

determine the basic directions for improving legislation in order to improve the legal status of minors in criminal proceedings of both States.

The purpose of the study: on the basis of a comparative legal analysis of the features of the legal status of a minor in criminal proceedings, to determine the directions for improving the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan.

The research methods: in the course of the work, the methods and principles of dialectical and formal logic, the comparative legal method and the method of analysis were applied.

The results and key conclusions: according to the results of the study, the author found that the criminal procedure legislation of Tajikistan, in contrast to the legislation of the Russian Federation regulating a similar sphere of legal relations, contains clearer indications of the need to establish factors that can influence the behavior of a minor, including psychophysiological and behavioral characteristics of a minor's personality, which are of key importance in determining the causes and conditions that contributed to the commission of a crime; It is indicated that there is a gap in the legislation of Tajikistan associated with the absence of an indication of the need to assess the health status of a minor suspect or accused.

Keywords: criminal proceedings; minor suspect, accused; legal status; procedural status.

Исследователями, рассматривающими вопросы последовательности (логичности и разумности) применения мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, нередко подмечается, что детерминизм криминологической составляющей в поведении указанной категории де-факто мало чем отличается от того, который лежит в основе привлечения к уголовной ответственности взрослых нарушителей [5, с. 200]. Тем не менее порядок применения норм уголовного и уголовно-процессуального права в отношении указанной категории законода-

телем дифференцируется с учетом ряда особенностей.

Прежде всего, к одной из таких особенностей следует отнести аспект психофизиологического развития несовершеннолетнего преступника, непосредственно влияющий на его взгляды и, соответственно, поведение (поступки). Более того, последние исследования о причинах совершения преступлений со стороны несовершеннолетних показали, что указанная категория, переходя грань дозволенного, выходит за рамки установленных правил не по причине того, что не может предусмотреть (предвидеть, осознать) неизбежность

наступления общественно опасных последствий, а в силу того что их когнитивная способность — мыслить, как преступник, связана с несколько иной психологической оценкой происходящего [1]. В некотором смысле это не следствие морального разложения или нравственной деформации индивида, а скорее заложенное природой в таком возрасте недопонимание, основу которого составляют недостаточность теоретических познаний при оценке происходящего и отсутствие надлежащего опыта.

Так, в диссертационном исследовании А. Ю. Тучков отмечает, что главными триггерами проблематики массового потребления наркотических средств в среде несовершеннолетних признается поведенческий фактор, сформировавшийся за счет искаженного (ложного) представления о досуге и пользе его проведения и, кроме этого, основанный на природной (биохимической) предрасположенности самого человека, стремящегося к реализации инстинктивного желания облегчить свое существование путем осознанного отторжения реальной действительности. Подтверждением этому служит и то, что такое юридическое понятие, как «вовлечение несовершеннолетнего» в качестве квалифицирующего признака все чаще включается законодателем в различные составы преступлений [6, с. 12].

Категоричной позиции придерживаются исследователи и по части определения правового положения несовершеннолетнего в контексте применения уголовно-процессуальных норм, непосредственно регулирующих осуществление судопроизводства. В данном вопросе представителями следственных органов и подразделений дознания, не всегда учитывающих особенности такого положения, нередко допускаются ошибки, которые потом становятся предметом обжалования и, как правило, приводят к признанию проведенных с участием такого лица следственных действий незаконными.

Попробуем частично проанализировать применение уголовно-процессуальных норм, затрагивающих положение несовершеннолетних, а также провести сравнение между законодательными подходами в определении такого положения в уголовном судопроизводстве двух государств: России и Таджикистана.

Необходимо отметить, что за последнее время в законодательстве указанных стран произошли значительные изменения, которые в том числе коснулись и правил привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. В большей степени это затронуло вопрос определения того, какие именно составы преступления могут иметь распространение в отноше-

нии лиц, которые еще не достигли возраста 16 лет — возраста, с момента наступления которого несовершеннолетнее лицо уже может привлекаться к указанному виду юридической ответственности на общих основаниях.

Для объективности анализа попробуем разбить наше исследование на части, где его основными аспектами станут следующие вопросы: правовое обеспечение досудебного порядка привлечения к ответственности несовершеннолетних лиц; основные критерии (возраст, социальная определенность, наличие родственников и др.), которые определяют статус несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, схожесть и отличия в законодательном подходе рассматриваемых стран при регулировании вопросов процессуального положения несовершеннолетних лиц в уголовном процессе; отдельные особенности и недостатки их применения на практике.

Итак, основу правового обеспечения порядка привлечения к ответственности несовершеннолетнего за совершение преступления, прежде всего на общем уровне, составляют акты международного права, среди которых главным, несомненно, является Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.¹ В данном акте делается первое упоминание значимости государственного обеспечения интересов детей, прежде всего, если они участвуют в отношениях уголовно-процессуального характера. Логика данного посыла заключается в том, что дети изначально представляют собой особый субъект таких отношений, а следовательно, в любой стране необходимо разработать обособленный с правовой точки зрения комплекс норм (правил) уголовного судопроизводства, которыми бы указанные отношения были урегулированы.

В частности, законодательную основу российского правотворческого взгляда на данный вопрос составили такие акты, как Конституция России² и, соответственно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации³ (далее — УПК РФ). Именно в гл. 50 УПК РФ тот самый дифференцированный подход законодателя к вопросам развития ювенальной юстиции в сфере действия уголовно-правовых норм нашел свое отражение. К примеру, в дан-

¹ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.; с внесенными поправками от 14 марта 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

ной главе дается раскрытая характеристика использования уголовных правил в случае, если несовершеннолетний обвиняемый, совершивший впервые преступление средней тяжести, страдает заболеванием, которое препятствует его содержанию в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (ст. 421 УПК РФ). Более того, некоторые вопросы применения норм уголовного характера в отношении несовершеннолетних были раскрыты в положениях Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁴, а также в ряде иных актов прежде всего интерпретационного свойства (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и др.).

В свою очередь, в группу основных источников, регулирующих порядок привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений, совершенных на территории государства Таджикистан, вошли следующие источники: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан⁵ (далее — УПК РТ), где, наряду с иными положениями уголовно-процессуального толка, имеется отдельная глава (гл. 44), которая так же, как и в случае с российским уголовно-процессуальным законом, полностью посвящена процессуальной алгоритмизации правил, направленных на привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних лиц; Закон Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних»⁶. Последними затрагиваются сфера отношений, связанная с системой предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних, а также специфика признания несовершеннолетнего субъектом преступления.

Структура вышеуказанных глав приведенных источников практически идентична: и в том и другом случае законодатель выделяет в качестве основных положений нормы об установлении порядка привлечения несовершеннолетних (в данном случае он является общим для всех категорий несовершеннолетних, за исключением только тех моментов, которые такими главами определены от-

дельно), а также предписания, которые с точки зрения предметного толкования затрагивают разнообразные вопросы, связанные, к примеру, с возрастом несовершеннолетнего, его социальным положением, состоянием здоровья, а также непосредственным участием лица данной категории в различных процессуальных действиях и мероприятиях.

Переходя к сравнению упомянутых нами положений, стоит отметить сразу же, что в законодательной логике представления обозначенных стран о правильности процессуального регулирования отношений, связанных с привлечением несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности, очень много похожего. При поверхностном сравнении может показаться, что указанные акты составляла одна и та же группа ученых, однако при более предметной оценке затронутых норм становится понятно, что различия все же есть, хотя в большей части они носят не логико-правовой, а, скорее, семантический характер.

Так, среди основных положений гл. 50 УПК РФ (ст. 421) и гл. 44 УПК РТ особо выделяется перечень обстоятельств, которые подлежат установлению в случае, если обвиняемым является несовершеннолетнее лицо. Стоит отметить, что к перечню таких обстоятельств, согласно требованиям законодательства Таджикистана, отнесены некоторые положения, не указанные в УПК РФ: степень интеллектуального и волевого развития несовершеннолетнего, особенности его темперамента и характера, а также потребности и интересы, суть которых отражена отдельно в ст. 25 УПК РТ.

Из этого следует, что законодательство Таджикистана в вопросе оценки факторов, способных оказывать влияние на поведение несовершеннолетнего, в том числе и при совершении преступления, дает более развернутое представление о том, какие именно обстоятельства могут данные факторы образовывать. А если учесть, что психофизиологический фактор оценки личности при определении причин совершения преступления не менее важен, чем, к примеру, тот же аспект привычной для нашего времени характеристики поведенческого типа, то ничего удивительного нет в том, что в законодательстве обеих стран немало норм, которые в том числе направлены на защиту несовершеннолетних от преступных посягательств, где вопрос психологической устойчивости, особенно в отношении тех, кто не обладает ею в силу возраста, должен решаться более основательно.

Отдельно стоит отметить, что в положениях уголовного законодательства Республики Таджикистан, определяющего вышеуказанные обстоятельства, никак не затронут вопрос

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationonline.org/download/id/9521/file/TAJ_CPC.pdf (дата обращения: 05.12.2021).

⁶ О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Таджикистан от 2 января 2020 г. № 1658 [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 05.12.2021).

оценки состояния здоровья несовершеннолетнего. В свою очередь, формулировка «степень интеллектуального, психического и волевого развития», на наш взгляд, не может в полной мере отражать состояние здоровья несовершеннолетнего.

Как отмечается рядом исследователей, данный пробел в законодательном регулировании вопросов определения состояния несовершеннолетнего в момент совершения преступления может представлять собой серьезное упущение, что, как следствие, ведет к недооценке его мотива, а также к отсутствию учета иных признаков субъективной и объективной стороны содеянного [2, с. 104].

Между тем в положениях уголовно-процессуального законодательства России такая оценка имеет место быть. Так, исходя из смысла положений ч. 3 ст. 421 УПК РФ, лицо, ведущее судебное производство, обязано предпринимать меры, направленные на установление данных, свидетельствующих об отставании несовершеннолетнего обвиняемого в психическом развитии. При этом российский законодатель в данном вопросе понятия «психическое развитие» и «психическое расстройство» намеренно разграничивает, давая тем самым понять, что последнее может рассматриваться как обстоятельство, исключающее ответственность любого лица вне зависимости от его возраста. В данном случае, как показывает практика [4, с. 274], проводящим расследование должностным лицом по результатам проведения судебной экспертизы полученное заключение приобщается к материалам уголовного дела (ч. 4 ст. 421 УПК РФ). Что особо показательно, так это установленная российским законодательством обязательность проведения такой экспертизы в случае необходимости помещения несовершеннолетнего подозреваемого в следственный изолятор. Стоит отметить, что при схожем развитии событий законодательство Таджикистана затрагивает только аспект оценки состояния здоровья несовершеннолетнего, если имеются явные признаки (симптомы), указывающие на наличие такого заболевания. Однако в УПК РТ нет указания на то, что выявление данных признаков должен обязательно производить врач или другое лицо, обладающее специальными познаниями в области медицины (ст. 427 УПК РТ).

Помимо этого, российский и таджикский законодатели дают указание на необходимость определения степени осознания несовершеннолетним совершенного им проступка с учетом таких объективных составляющих вины, как желание и предвидение. Более того, как было уже указано выше, российскими правилами введена мера, направленная на установ-

ление наличия у несовершеннолетнего какого-либо заболевания в принципе. Так, если будет установлено, что у несовершеннолетнего имеются признаки нездоровья, а выявленное заболевание препятствует содержанию несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, то суд уполномочен разрешить вопрос его дальнейшего содержания в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷.

Отдельное внимание в данном анализе следует уделить вопросу привлечения несовершеннолетних к участию в различных следственных действиях, что вытекает из положений ст. 423 УПК РФ. Как отмечает Т. Н. Михайлова, сегодня такая мера является нормой при ведении уголовного судопроизводства и, по сути, должна гарантировать несовершеннолетнему соблюдение его прав и законных интересов [3, с. 120]. Действительно, в силу того что вовлеченный в уголовный процесс несовершеннолетний не обладает достаточными познаниями в области права, а также интеллектуально и физиологически (психологически) не достиг определенного уровня развития, законодателем был создан механизм, который функции по контролю за соблюдением его прав в ходе уголовного судопроизводства возлагает на третьих лиц. Нужно сказать, что механизм делегирования полномочий в указанном институте был реализован в западной практике еще в XIX в., а к нам он пришел несколько позднее. Однако российский законодатель внедрил его в виде смешанной модели, где основными участниками стали: защитник, законный представитель, психолог и педагог. Все эти лица, по замыслу законодателя, должны обеспечивать особый контроль за ходом производства по уголовному делу, оказывать необходимую помощь (поддержку) несовершеннолетнему и психологическое сопровождение всех процессуальных действий, участником которых он является. При этом указанное соучастие согласно российским законам (за отдельным исключением в части приглашения педагога и психолога) носит обязательный характер. Отступление от данного правила влечет за собой признание проведенных мероприятий незаконными, а полученные в ходе таких мероприятий сведения — недопустимыми к оценке со стороны суда.

⁷ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения процедуры направления несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 427-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 39.

Вместе с тем некоторые моменты участия таких лиц по законодательству Республики Таджикистан вызывают ряд вопросов. В частности, согласно требованиям ст. 427 УПК РТ допуск к несовершеннолетнему представителя или защитника осуществляется с момента первого допроса в качестве обвиняемого или подозреваемого, что, на наш взгляд, делает защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего несколько ограниченной. По сути, в отношении данной категории обвиняемых или подозреваемых присутствие указанных лиц должно производиться безоговорочно, то есть без соответствующего согласования, поскольку ущемление прав несовершеннолетнего возможно и после его задержания. Так, согласно предписаниям и таджикского законодательства, и требованиям российских уголовно-процессуальных норм лица, производящие задержание несовершеннолетнего, обязаны уведомить об этом его родственников. Следовательно, в этом случае формально появляется новый участник уголовного судопроизводства, который в дальнейшем, при наличии специальных полномочий, имеет право производить самостоятельно ряд действий, в том числе и связанных с реализацией прав несовершеннолетнего на указанной стадии дела. Непосредственный перечень таких правомочий предусмотрен ст. 437 УПК РТ. Однако представляется нелогичным, если данные права будут реализованы представителем уже после допроса несо-

вершеннолетнего, поскольку тогда смысл применения нормы о необходимости уведомления первого о задержании попросту утрачивается. В свою очередь, законодательство России содержит аналогичные требования, что также говорит о необходимости его дальнейшего совершенствования.

Таким образом, проведя анализ действия норм уголовно-процессуального права таких стран, как Россия и Таджикистан относительно регулирования вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, можно констатировать, что в указанных странах рассматриваемый процессуальный порядок носит в принципе схожий характер. Как в российском уголовно-процессуальном законодательстве, так и в законодательстве Таджикистана несовершеннолетний правонарушитель представляет собой объект отдельного (специального) регулирования. При этом такой субъект, как несовершеннолетний нуждается в дополнительной защите со стороны государства, что является выражением общей позиции указанных государств. С другой стороны, если обратить внимание на различия в законодательных подходах регулирования процессуального положения несовершеннолетнего, то российские нормы представляются нам более прогрессивными и продуманными с точки зрения прогноза последствий возможного нарушения прав такого участника уголовного процесса.

Список литературы:

1. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2020.
2. Красильников А. В., Хакимзода А. Х. К вопросу об особенностях досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Таджикистан // Академическая мысль. 2021. № 3 (16).
3. Михайлова Т. Н. Принцип особого положения несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97).
4. Морозова Т. А. Проблемные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы

References:

1. Demidova-Petrova E. V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye problemy ee poznaniya i preduprezhdeniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 2020.
2. Krasil'nikov A. V., Hakimzoda A. H. K voprosu ob osobennostyakh dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnih v ugolovnom processe Respubliki Tadjikistan // Akademicheskaya mysl'. 2021. № 3 (16).
3. Mihajlova T. N. Princip osobogo polozheniya nesovershennoletnego v ramkah ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2021. № 2 (97).
4. Morozova T. A. Problemnye voprosy kompleksnoj psihologo-psihiatricheskoj ekspertizy v otnoshenii nesovershennoletnih // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj

- Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 октября 2019 года. Краснодар, 2020.
5. *Титова Д. А.* Формирование правовой культуры несовершеннолетних в школе как фактор профилактики и снижения уровня преступности несовершеннолетних // Юридическая наука и практика: взгляд молодых ученых: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 апреля 2018 г. Уфа, 2018.
 6. *Тучков А. Ю.* Дифференциация уголовной ответственности за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014.
- nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 25 oktyabrya 2019 g. Krasnodar, 2020.
 5. *Titova D. A.* Formirovanie pravovoj kul'tury nesovershennoletnih v shkole kak faktor profilaktiki i snizheniya urovnya prestupnosti nesovershennoletnih // Yuridicheskaya nauka i praktika: vzglyad molodyh uchenyh: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 25 aprelya 2018 g. Ufa, 2018.
 6. *Tuchkov A. Yu.* Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnye proizvodstvo, sbyt pli peresylku narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv ili ih analogov: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2014.

Для цитирования:

Хакимзода Абубакр Хаким. Отдельные аспекты правового положения несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 131–137.

For citation:

Hakimzoda Abubakr Hakim. Certain Aspects of the Legal Status of a Minor in Criminal Proceedings under the Legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 131–137.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ХОЗИКОВА,
ведущий научный сотрудник отдела
по исследованию стратегических проблем
управления научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: Khozikova@mail.ru

Научные специальности:
12.00.09 — уголовный процесс;
12.00.14 — административное право;
административный процесс.

ORCID 0000-0001-6717-7802

УДК 341.231.14

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-138-148

Дата поступления: 22 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

EKATERINA SERGEEVNA HOZIKOVA,
Leading Researcher of the Department
for the Study of Strategic Management Problems
of the Research Center,
Candidate of Law
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Khozikova@mail.ru

Scientific Specialties:
12.00.09 — Criminal Proceedings;
12.00.14 — Administrative Law;
Administrative Process.

Использование защитных кабин в залах судебных заседаний: российский и зарубежный опыт

Use of Protective Cabins in Courtrooms: Russian and Foreign Experience

Аннотация

Актуальность темы исследования: 14 ноября 2018 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона, предусматривающий полный запрет на помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в процессуальной зоне залов судебных заседаний, а также использование иных конструкций, препятствующих общению указанных лиц с адвокатом (защитником). Данная законодательная инициатива обнажила давно существовавшую проблему обеспечения прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, помещаемых в защитные кабины в залах судебных заседаний. С одной стороны, они уже претерпевают негативные последствия совершенных противоправных деяний, с другой — до вступления приговора суда в законную силу человек считается невиновным в предъявляемом ему обвинении. Разработка указанного федерального закона и его обсуждение повысили интерес ученых, практикующих юристов, сотрудников правоохранительных орга-

Abstract

The relevance of the research: on November 14, 2018, a draft federal law was submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, which provides for a complete ban on placing suspects, accused and defendants in protective cabins in the procedural zone of courtrooms, as well as using other structures that impede the communication of these persons with a lawyer (protector). This legislative initiative has exposed the long-standing problem of ensuring the rights and legitimate interests of suspects, accused and defendants placed in protective cabins in courtrooms. On the one hand, they are already undergoing the negative consequences of the unlawful acts committed. On the other hand, until the court's verdict enters into legal force, a person is considered innocent of the charges brought against him. The development of this federal law and its discussion increased the interest of scientists, practicing lawyers, law enforcement officials and human rights organizations in the issue of the legality of placing suspects, accused and defendants in protective cabins in courtrooms.

нов и правозащитных организаций к вопросу правомерности помещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в залах судебных заседаний.

Постановка проблемы: помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в залах судебных заседаний вызывает многочисленные споры как в юридической науке, так и в правоприменительной практике. В настоящее время в российском научном сообществе нет единого мнения о необходимости помещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины: высказываются позиции от полного демонтажа любых защитных кабин до использования видео-конференц-связи. Законодательством Российской Федерации порядок размещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных кабинках в ходе судебных заседаний урегулирован не в полной мере. Размещение в защитных кабинках при определенных условиях расценивается Европейским Судом по правам человека как нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, затрагивающее сферу деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В целях решения вопроса о необходимости законодательной регламентации порядка размещения указанных лиц в защитных кабинках требуются обобщение и анализ международного опыта в данной сфере, а также позиций Европейского Суда по правам человека относительно конкретных законодательных решений и правоприменительной практики. На основе изучения действующих российских нормативных правовых актов, законодательства государств Европы, постановлений Европейского Суда по правам человека постараемся сформулировать авторский взгляд на проблему размещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных кабинках в залах судебных заседаний в Российской Федерации и предложить меры по ее разрешению.

Цели и методы исследования: целью настоящего исследования являются приращение научных знаний в области международного опыта регулирования размещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных кабинках в залах судебных заседаний и решение вопроса о необходимости совершенствования правового регулирования в данной сфере. Методика исследования основана на апробированных наукой методах комплексного изучения явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности, прежде всего, диалектическом методе научного познания объективной действительности.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и частнонаучные методы познания явлений и процессов объективной

The formulation of the problem: the placement of suspects, accused and defendants in protective cabins in courtrooms causes numerous controversies both in legal science and in law enforcement practice. At present, there is no consensus in the Russian scientific community about the need to place suspects, accused and defendants in protective cabins: positions are being expressed from the complete dismantling of any protective cabins to the use of video conferencing. The legislation of the Russian Federation does not fully regulate the procedure for placing suspects, accused and defendants in protective cabins during court hearings. Accommodation in protective cabins under certain conditions is regarded by the European Court of Human Rights as a violation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, affecting the scope of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. In order to resolve the issue of the need for legislative regulation of the procedure for placing these persons in protective cabins, it is necessary to generalize and analyze international experience in this area, as well as the positions of the European Court of Human Rights regarding specific legislative decisions and law enforcement practice. Based on a study of the current Russian normative legal acts, the legislation of European states, decisions of the European Court of Human Rights, we will try to formulate the author's view of the problem of placing suspects, accused and defendants in protective cabins in courtrooms in the Russian Federation and propose measures to resolve it.

The objectives and research methods: the purpose of this study is to increase scientific knowledge in the field of international experience in regulating the placement of suspects, accused or defendants in protective cabins in courtrooms and to address the issue of the need to improve legal regulation in this area. The research methodology is based on scientifically proven methods of complex study of phenomena and processes in their interconnection and interdependence, first of all, the dialectical method of scientific knowledge of objective reality.

The methodological basis of research work is made up of general scientific and specific scientific methods of cognition of phenomena and processes of objective reality: statistical, logical, system-structural and formal-legal methods, the method of document analysis.

The results and key findings: the need to install protective cabins in courtrooms is due to the very practice of their use and adequate measures by states to address the cruelty of crimes. Security cabins ensure order in courtrooms. This applies to both the prosecution and the defense, as well as to other participants in the session – journalists,

действительности: статистический, логический, системно-структурный и формально-юридический методы, метод анализа документов.

Результаты и ключевые выводы: необходимость установления защитных кабин в залах судебных заседаний обусловлена самой практикой их применения и адекватными мерами государств на жестокость преступлений. Защитные кабины обеспечивают порядок в залах судебных заседаний. Это относится и к стороне обвинения, и к стороне защиты, а также к иным участникам заседания – журналистам, представителям общественных организаций и другим лицам, чье нахождение в зале открытых судебных заседаний может нанести вред общим принципам проведения судебного заседания.

Одним из способов разрешения проблемы нарушения прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых при помещении в защитные кабины может стать выработка и законодательное закрепление определенных критериев помещения указанных лиц в защитные кабины в залах судебных заседаний. Как особый случай следует считать рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, где вопрос о помещении подсудимого в стеклянную кабину должен решаться председательствующим судьей в каждом конкретном случае индивидуально.

Другим возможным способом может стать внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части детальной регламентации порядка размещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных кабинах с подробным указанием всех особенностей такого размещения и конструкции защитных кабин.

Проведенное исследование свидетельствует о возможности обоснованного и правомерного использования стеклянных кабин в залах судебных заседаний в России. Это подтверждается решениями Европейского Суда по правам человека, не установившими нарушения требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вместе с тем целесообразно возложить обязанность контроля за надлежащим помещением подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в стеклянные кабины в залах судебных заседаний на судебных приставов.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; права и свободы человека и гражданина; защитные кабины; металлические клетки; пытки; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; залы судебных заседаний.

representatives of public organizations and other persons whose presence in the hall of open court sessions may harm the general principles of holding a court session.

One of the ways to resolve the problem of violation of the rights of suspects, accused and defendants when placed in protective cabins can be the development and legislative consolidation of certain criteria for placing these persons in protective cabins in courtrooms. As a special case, consideration of a case with the participation of a jury should be considered, where the issue of placing the defendant in a glass booth should be decided by the presiding judge in each case individually.

Another possible way could be amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of detailed regulation of the procedure for placing suspects, accused and defendants in protective cabins with a detailed indication of all the features of such placement and design features of protective cabins.

The conducted research indicates the possibility of a reasonable and lawful use of glass booths in courtrooms in Russia. This is confirmed by the decisions of the European Court of Human Rights, which did not establish any violation of the requirements of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

At the same time, it is advisable to assign the responsibility of monitoring the proper placement of suspects, accused and convicted persons in glass booths in courtrooms on of bailiffs.

Keywords: European Court of Human Rights; human and civil rights and freedoms; protective cabins; metal cages; torture; inhuman or degrading treatment; courtrooms.

Проблема обеспечения прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и подсудимых является дискуссионной в юридической науке и злободневной в правоприменительной практике. Указанные категории лиц, с одной стороны, уже претерпевают негативные последствия совершенных противоправных деяний. С другой стороны, в силу основополагающего юридического принципа уголовного судопроизводства — презумпции невиновности — лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

14 ноября 2018 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее — ГД ФС РФ) внесен проект федерального закона, предусматривающий полный запрет на помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в процессуальной зоне залов судебных заседаний, а также использование иных конструкций, препятствующих общению указанных лиц с адвокатом (защитником)¹.

Изменению планируется подвергнуть ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), закрепляющую принцип уважения чести и достоинства личности.

Очевидно, что рассматриваемая проблема возникла гораздо раньше и актуализировалась в связи с вынесением Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) постановлений в отношении Российской Федерации о нарушении прав личности. Проанализируем российский и зарубежный опыт использования защитных кабин и постараемся предложить авторский взгляд на разрешение проблемы помещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в залах судебных заседаний в Российской Федерации.

Анализ законодательства свидетельствует, что использование защитных кабин в России началось с 1992 г. и в дальнейшем получило правовую регламентацию в различных нормативных правовых актах. В Российской империи и СССР защитные кабины в залах суда не устанавливались. Подсудимые находились за невысоким деревянным ограждением — барьером под охраной конвоя.

Появление в России металлических клеток в залах судебных заседаний связано с рас-

смотрением в 1992 г. уголовного дела в отношении печально известного А. Чикатило, обвинявшегося в серии убийств, изнасилований и насильственных действий сексуального характера, в том числе и в отношении малолетних. Первоначально данная мера была обусловлена необходимостью защиты подсудимого от неправомерных действий со стороны потерпевших — родственников жертв.

Массовое появление металлических клеток в залах судебных заседаний обусловлено изданием письма, предписывавшего председателям судов общей юрисдикции «обеспечить до 1 января 1994 г. оборудование всех залов судебных заседаний специальными фиксированными металлическими ограждениями, отделяющими подсудимых по уголовным делам от состава суда и посетителей, прибывших на слушание»².

В соответствии с его положениями конвойные обязаны помещать за эти ограждения всех подсудимых, содержащихся под стражей.

Дальнейшая правовая регламентация установки металлических клеток связана с принятием Строительных правил «Здания судов общей юрисдикции» (СП 31-104-2000) (далее — Правила), установивших требования к защитным кабинам в залах судебных заседаний³.

Указанные Правила действовали до вступления в силу 1 июля 2013 г. Строительных правил от 25 декабря 2012 г.⁴, которые предусматривали установление в залах судебных заседаний двух видов защитных кабин, а именно: защитная кабина из металлических прутьев с теми же характеристиками, которые были установлены ранее действовавшими Правилами, и изолирующая прозрачная защитная кабина, выполненная из стального каркаса и стен из пуленепробиваемого стекла.

В настоящее время проектирование и реконструкция зданий федеральных судов осуществляется в соответствии со Сводом правил, вступившим в силу 19 февраля 2019 г. (далее — Свод правил), предусматривающим размещение подсудимых исключительно в защитных кабинах, стены которых выполнены из стекла, имеющих автономное

¹ О внесении изменения в статью 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 587542-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14 ноября 2018 г. URL <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 21.07.2021).

² Письмо от 3 февраля 1993 г., изданное совместно Министерством юстиции Российской Федерации (№ 5-63-96), Верховным Судом Российской Федерации (№ 11-нк/7) и Министерством внутренних дел Российской Федерации (№ 1/483). Документ опубликован не был.

³ Свод правил по проектированию и строительству СП 31-104-2000 «Здания судов общей юрисдикции»: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 2 декабря 1999 г. № 154. Документ опубликован не был.

⁴ Свод правил СП 152.13330.2012 «Здания судов общей юрисдикции. Правила проектирования»: приказ Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству от 25 декабря 2012 г. № 11/ГС. Документ опубликован не был.

вентиляцию и оснащенных устройствами звукоусиления⁵.

Вместе с тем это не способствовало решению общей проблемы помещения отдельных категорий лиц в защитные кабины, так как данный Свод правил распространяется на реконструируемые и строящиеся здания судов.

По информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, замена металлических клеток в залах судебных заседаний на светопрозрачные кабины организована и планомерно осуществляется в рамках выделенных бюджетных ассигнований на строительство и реконструкцию судов общей юрисдикции⁶.

Помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины неоднократно становилось предметом обжалования в ЕСПЧ. В научной литературе принято считать, что первым подобным делом в отношении Российской Федерации стало постановление ЕСПЧ по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» [2, с. 62; 4, с. 43–46; 5, с. 52–53].

В деле «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» П. Л. Лебедев указал, что во время рассмотрения его уголовного дела в районном суде с 8 июня 2004 г. по 31 мая 2005 г. проводил до девяти часов в день в металлической клетке, окруженной вооруженной охраной. Судебный процесс освещался в СМИ, и содержание в металлической клетке, по мнению П. Л. Лебедева, унижало его в глазах общественности и его собственных и было физически болезненно⁷.

Факт причинения заявителю физических страданий нахождением в тесной металлической клетке ЕСПЧ обосновал тем, что такие меры безопасности не оправданы по экономическим преступлениям, ранее заявитель не привлекался к уголовной ответственности. П. Л. Лебедев имеет очень высокий рост и большой размер ноги, в связи с чем нахождение в металлической клетке стесняло его движения и причиняло страдания, не совместимые с требованиями ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)⁸.

Помимо нарушения ст. 3 Конвенции, ЕСПЧ постановил, что имело место нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктами «с» и «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в части нарушения конфиденциальности контактов адвоката и клиента. Содержание заявителей в металлической клетке препятствовало конфиденциальному обсуждению обстоятельств дела с защитниками и лишало последних возможности демонстрировать своим клиентам необходимые материалы.

Постановление по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» обозначило системность нарушений в сфере обеспечения прав при помещении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины⁹.

Заявители А. С. Свинаренко и В. А. Сляднев указывали, что во время рассмотрения их дела Магаданским областным судом они сидели на скамейке, огороженной со всех сторон металлическими прутьями, при этом рядом оставались вооруженные конвоиры.

ЕСПЧ признал содержание под стражей лица в металлической клетке во время судебного разбирательства несовместимым со стандартами цивилизованного поведения и являющимся оскорблением человеческого достоинства в нарушение ст. 3 Конвенции. В обоснование такого мнения ЕСПЧ указал, что подобное содержание не является средством физического ограничения, препятствующим побегу, буйному или агрессивному поведению или защищающим от агрессии извне, а неизбежно причиняет страдание в степени, превосходящей обычный уровень страдания, присущий содержанию под стражей в суде.

В отношении помещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в светопрозрачные кабины ЕСПЧ придерживается дифференцированного подхода.

Так, в деле «Ярослав Белоусов (Yaroslav Belousov) против Российской Федерации»¹⁰ заявитель вместе с другими подсудимыми поочередно находился в двух разных стеклянных кабинах в залах № 338 и № 635 Московского городского суда.

⁵ Свод правил СП 152.13330.2018 «Здания федеральных судов. Правила проектирования» [Электронный ресурс]: приказ Минстроя России от 15 августа 2018 г. № 524/пр. Документ опубликован не был.

⁶ Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 год. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 18.07.2021).

⁷ Постановление ЕСПЧ от 25 июля 2013 г. по делу «Ходорковский и Лебедев (Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05) // Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1.

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с Протоколом № 1, подписан в г. Париже 20 марта 1952 г., Про-

токолом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней, подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г., Протоколом № 7, подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Свинаренко и Сляднев (Svinarenko and Slyadnev) против Российской Федерации» (жалобы № 32541/08, 43441/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (11).

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 4 октября 2016 г. по делу «Ярослав Белоусов (Yaroslav Belousov) против Российской Федерации» (жалобы № 2653/13 и 60980/14) // Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. 2017. № 2.

В своем постановлении ЕСПЧ указал, что содержание десяти подсудимых в стеклянной кабине площадью 5,4 кв. м в зале заседаний № 338 представляло собой унижающее достоинство обращение, так как они сидели практически вплотную друг к другу в течение длительного времени. Судебный процесс по делу заявителя вызвал большой резонанс и подробно освещался российскими и международными средствами массовой информации, поэтому в стесненных условиях заявители постоянно представляли перед широкой аудиторией.

Таким образом, ЕСПЧ постановил, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции в связи с условиями содержания в стеклянной кабине в зале № 338 Московского городского суда и отсутствовало нарушение ст. 3 Конвенции в связи с условиями содержания в стеклянной кабине в зале № 635 Московского городского суда.

В последующем ЕСПЧ был принят ряд постановлений, установивших подобные нарушения¹¹.

В настоящее время в научном сообществе нет единого мнения о помещении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины.

Рассуждая об обеспечении права обвиняемого (подозреваемого) на защиту, М. А. Жадяева полагает, что «нахождение подсудимого в клетке, а не рядом с защитником противоречит международным нормам о достоинстве личности, презумпции невиновности» [4, с. 43–46].

Аналогичной позиции придерживается А. И. Александров, рассматривая проблему в контексте правила «не претерпевать ограничений больше необходимого». Он указывает, что помещение подсудимого в настоящую металлическую клетку затрудняет реализацию права на защиту, вынуждая его осуществлять защиту самостоятельно и лишая возможности консультироваться с адвокатом [1, с. 17].

Противники помещения в защитные кабины предлагают различные варианты решения анализируемой проблемы. Е. В. Оренбуркина указывает, что помещение в защитную кабину должно осуществляться только по судебному решению при наличии данных, что лицо угро-

жает безопасности участников судебного заседания либо участники угрожают ему, оснований, что он совершит побег из зала суда [5, с. 56].

Как указывают Я. В. Пантелеева и А. В. Пивень, «необходимо учитывать общественную опасность, психическое состояние лица, находящегося под стражей. На практике бывают случаи, когда при, казалось бы, должной защите подсудимый набрасывался с оружием на должностных лиц в зале суда» [6, с. 224].

Е. К. Антонович предлагает использовать возможности информационных технологий, в том числе цифровых, что позволит получать показания посредством видео-конференц-связи (дистанционный допрос) или путем депонирования показаний [2, с. 63–64].

Если говорить о действующем законодательстве, то УПК РФ в ст. 247 указывает на обязательное участие подсудимого в судебном разбирательстве, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ.

Ст. 258 УПК РФ предусматривает меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, среди которых возможно удаление подсудимого из зала судебного заседания до окончания прений сторон. При этом ему должно быть предоставлено право на последнее слово. Приговор в этом случае должен провозглашаться в его присутствии или объявляться ему под расписку немедленно после провозглашения.

Таким образом, помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитные кабины в Российской Федерации – это мера, направленная на обеспечение безопасности участников процесса. Действующее законодательство регулирует лишь отдельные аспекты данной проблемы, касающиеся в большей степени проектирования зданий судов и помещений для судебных заседаний в частности.

Предлагаемый в настоящее время полный запрет помещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в металлические клетки, а также использования иных конструкций, препятствующих общению указанных лиц с адвокатом (защитником), вызывает больше вопросов, так как, с одной стороны, необходимо надежно обеспечить безопасность всех лиц, находящихся в зале судебного заседания, а с другой стороны, это потребует значительных финансовых затрат как на переоборудование залов судебных заседаний, так и на увеличение числа сотрудников конвойных подразделений¹².

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 6 февраля 2018 г. по делу «Акименков (Akimenkov) против Российской Федерации» (жалобы № 2613/13 и 50041/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 9; постановление ЕСПЧ от 29 мая 2018 г. по делу «Ковязин (Kovuzin) против Российской Федерации» (жалоба № 50043/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 12; постановление ЕСПЧ от 2 июля 2018 г. по делу «Полихович (Polikhovich) против Российской Федерации» (жалобы № 62630/13, 5562/15) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 5.

¹² По официальной информации МВД России, в случае принятия законопроекта потребуется увеличение штатной численности полиции на 30,5 тыс. единиц, на содержание которых понадобится 21,5 млрд рублей в год. Официальный отзыв на проект федерального

¹⁵ Соответствующие положения Уголовного кодекса Италии гласят: «Статья 608 (злоупотребление властью по отношению к арестованному или заключенным). Должностное лицо, подвергающее даже временно подведомственного ему или переданного ему во исполнение решения компетентных органов арестованного или заключенного не предусмотренным законом строгим мерам, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до тридцати месяцев...». «Статья 610 (насилие над личностью). Лицо, принуждающее другое к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения, а также подвергающее другое каким-либо действиям, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 4 лет...». Ни одно из положений Уголовного кодекса Италии не предусматривает запрета пыток или жестокого и унижающего достоинство обращения (постановление ЕСПЧ от 18 октября 2001 г. по делу «Инделикато против Италии», жалоба № 31143/96).

Как отметил заместитель председателя Московского городского суда Д. А. Фомин, «В Италии до сих пор они есть и используются при рассмотрении больших дел в отношении мафиозных и террористических групп»¹⁶.

Мнения Н. Канестрини и Д. А. Фомина опровергает бывший председатель ЕСПЧ (председательствовал с 1 ноября 2015 г. по 4 мая 2019 г.) неаполитанский судья Гвидо Раймонди, который отмечает, что дел против Италии по использованию защитных кабин ЕСПЧ не рассматривал [3, с. 8–18]. Последним процессом, проходившим в огромном судебном зале с многочисленными клетками для подсудимых, стал так называемый *Maxiprocesso*, проходивший в 1986–1987 гг. в спецбункере тюрьмы Уччардоне в Палермо.

В настоящее время в Италии проходит очередной большой судебный процесс над участниками преступной организации «Ндрагета»¹⁷ и связанными с ней сотрудниками правоохранительных органов, государственными служащими, бизнесменами, юристами. Суд проходит в огромном, специально переоборудованном зале суда в южном калабрийском городе Ламеция-Терме. Для подсудимых оборудованы специальные помещения с металлическими прутьями¹⁸.

Таким образом, в Италии продолжается практика применения защитных кабин, в том числе металлических клеток в судебных процессах над членами преступных синдикатов и представителями мафии.

В своем выступлении заместитель председателя Московского городского суда Д. А. Фомин отметил, что во время командировки в Великобританию по обмену опытом в 2013 г. он лично видел клетки в Королевском апелляционном суде Лондона.

Относительно залов судебных заседаний в уголовном суде Лондона он указал, что там установлена деревянная скамья для подсудимых с защитным стеклянным ограждением,

и подсудимый независимо от того, находится ли он под стражей или нет, помещается на эту скамью и находится в кабине с судебным приставом¹⁹.

Уголовно-процессуальный кодекс Французской республики в преамбуле предусматривает, что «ограничительные меры, которым может подвергнуться подозреваемый или обвиняемый, принимаются по решению или под эффективным контролем судебной власти. Они должны строго ограничиваться требованиями процедуры, быть соразмерными тяжести совершенного обвиняемым правонарушения и не ущемлять достоинство человека»²⁰.

Во Франции после совершения в 2015 и 2016 гг. череды террористических актов с большим количеством жертв²¹ и установления постоянно высокого уровня террористической угрозы было принято решение об установлении защитных кабин в целях обеспечения безопасности во время судебных заседаний, в том числе самих подсудимых.

Указ Министерства юстиции Франции от 18 августа 2016 г. № JUST 1624217A «Об утверждении политики Министерства в области обороны и безопасности» определяет порядок применения мер безопасности для обеспечения порядка в ходе судебных заседаний. Ут-

¹⁹ Доклад заместителя председателя Общественной комиссии по взаимодействию с судебным сообществом г. Москвы – заместителя председателя Московского городского суда Д. А. Фомина на заседании комиссии, посвященном теме «Проблемы изоляции в зале судебных заседаний лиц, в отношении которых избирается или избрана мера пресечения в виде заключения под стражу», Московский городской суд, 18 июня 2019 г. // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/public-commission/work/doklad-zamestitelya-predsedatelya-moskovskogo-gorodskogo-suda-da-fomina> (дата обращения: 20.07.2021).

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Французской республики: Закон от 31 декабря 1957 г. № 57-1426, Порядок от 23 декабря 1958 г. № 58-1296, вступил в силу 2 марта 1959 г., версия в ред. 21 июля 2021 г. Изменения внесены Законом от 23 марта 2019 г. № 2019-222 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071154/> (дата обращения: 21.07.2021).

²¹ В Париже 7 января 2015 г. был совершен террористический акт против редакции сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», расстреляны 12 сотрудников журнала, 11 человек получили ранения. 9 января 2015 г. в Париже 4 человека были убиты и 15 взяты в заложники в магазине кошерных продуктов у Венсенских ворот. 26 июня 2015 г. в Сен-Кантен-Фаллаве (недалеко от Лиона) автомашина протаранила ворота предприятия по производству сжиженного газа и взорвалась в складированные баллоны с газом. У входа на предприятие нашли обезглавленное тело директора завода. В ночь с 13 ноября 2015 г. на 14 ноября 2015 г. во Франции произошел крупнейший в истории страны террористический акт. Почти одновременно произошли взрывы возле стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей нескольких ресторанов и в концертном зале «Батаклан». Жертвами стали 130 погибших и более 350 человек получили ранения. 14 июля 2016 г. в Ницце во время гуляний в честь Национального праздника (День взятия Бастилии) на Английской набережной грузовой автомобиль врезался в толпу людей, погибли 86 человек и 308 получили ранения // Официальный сайт государственного информационного агентства ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2435266> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁶ Доклад заместителя председателя Общественной комиссии по взаимодействию с судебным сообществом г. Москвы – заместителя председателя Московского городского суда Д. А. Фомина на заседании комиссии, посвященном теме «Проблемы изоляции в зале судебных заседаний лиц, в отношении которых избирается или избрана мера пресечения в виде заключения под стражу», Московский городской суд, 18 июня 2019 г. // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/public-commission/work/doklad-zamestitelya-predsedatelya-moskovskogo-gorodskogo-suda-da-fomina> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁷ «Ндрагета» перед судом: в Италии начинается крупнейший за 30 лет процесс над мафией // Официальный сайт BBC News / русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55636983> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁸ Ndrangheta: Major Italian mafia 'maxi-trial' kicks off with over 350 defendants // Официальный сайт The Local.it. URL: <https://www.thelocal.it/20210111/italy-prepares-for-mafia-maxi-trial-with-355-defendants/> (дата обращения: 20.07.2021).

вержден список таких мер, в который включены стеклянные кабины для подсудимых²².

Согласно ст. 5.1.3.2.6 Указа Министерства юстиции Франции от 18 августа 2016 г. № JUST 1624217A стеклянные защитные кабины безопасности в судебных заседаниях — это закрытые помещения, предназначенные для подсудимых в сопровождении конвоя. Рекомендуются для установки кабины двух уровней безопасности:

- 1) кабина полностью застекленная;
- 2) фасадная часть из металлической решетки с остеклением боковых сторон кабины.

После проведенных исследований данных кабин на предмет соответствия размеров, комфортности, в том числе акустических условий, с января 2018 г. во французских судах началась их установка.

Министерством юстиции Франции было разъяснено, что данные меры необходимы в целях безопасности участников судебного процесса и что будет осуществляться дифференцированный подход: в защитные кабины будут помещаться только те лица, которые представляют особую опасность для окружающих, в основном террористы. А судебные инстанции должны иметь помещения для заседаний, предусматривающие как наличие защитных кабин, так и их отсутствие.

Несмотря на эти заявления, указанная норма стала предметом обжалования. Профессиональное сообщество юристов Франции обратилось в Государственный совет с ходатайством об отмене ст. 5.1.3.2.6 в связи с превышением полномочий. Как указал Tribunal des conflits France, в настоящем деле, учитывая характер оспариваемых положений, спор подпадает под юрисдикцию административного суда, так как касается законности акта общего и безличного характера и, следовательно, относится к организации государственной службы правосудия. И только административный судья обладает компетенцией знать, какова бы ни была цель этого акта²³.

В Турецкой Республике порядок содержания в зале суда подозреваемых, обвиняемых и подсудимых регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Турции от 4 декабря 2004 г. № 5271, вступившим в силу 17 декабря 2004 г. (далее — УПК Турции)²⁴. В нем опреде-

лен весь порядок проведения судебного разбирательства, в том числе действия в отношении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в ходе судебного заседания.

Ст. 196 УПК Турции содержит требование о неприкосновенности обвиняемого от суда. В частности, если возможно произвести допрос обвиняемого с использованием видео- и аудиосвязи одновременно, применяется этот метод.

Кроме того, суд может принять решение не доставлять на слушания обвиняемого, который был переведен в больницу или иное место содержания под стражей за пределами юрисдикции, где проводится судебное разбирательство, из-за болезни, дисциплинарных мер или других признанных уважительными причин, если его присутствие не считается необходимым, при условии, что он был допрошен ранее. В случаях когда обвиняемому, находящемуся за границей, затруднительно присутствовать на слушании в назначенную дату, оно может быть открыто или судебный вопрос может быть решен до этой даты.

Лионель Блэкман указывает, что обвиняемый должен иметь возможность видеть и слышать, что происходит во время судебного разбирательства. Например, если место, где обвиняемого просят сесть в суде, представляет собой защитную кабину за толстым стеклом, он может не слышать речь участников процесса. Уже этого обстоятельства достаточно, чтобы нарушить право на справедливое судебное разбирательство [7, с. 24].

Ст. 204 УПК Турции устанавливает, что в случаях когда присутствие обвиняемого может поставить под угрозу нормальное ведение слушания из-за его поведения, обвиняемый удаляется из зала суда. А в ст. 203 указано, что председатель суда или судья приказывает удалить из зала лицо, нарушившее порядок слушания, при условии, что это не препятствует использованию права на защиту. Если человек оказывает сопротивление или нарушает общественный порядок во время его удаления из зала суда, он по решению судьи или суда подвергается дисциплинарному наказанию в виде заключения на срок до четырех дней. Это правило не распространяется на адвокатов и детей²⁵.

Таким образом, в европейских государствах возможно размещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных каби-

²² Arr t du 18 ao t 2016 portant approbation de la politique minist rielle de d fense et de s curit № JUST1624217A // Bulletin Officiel Du Minist re De La Justice. 2016. 31 ao t. URL: http://www.textes.justice.gouv.fr/art_pix/JUST1624217A.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

²³ Tribunal des conflits France 8 fvrier 2021 № C4202. Identifiant URN: LEX: urn:lex:fr:tribunal.conflits;arret;2021-02-08;c4202. URL: <https://juricaf.org/arret/FRANCE-TRIBUNALDESCONFLITS-20210208-C4202> (дата обращения: 21.07.2021).

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Турции [Электронный ресурс]: Закон от 4 декабря 2004 г. № 5271. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2004/12/20041217.htm> (дата обращения: 21.07.2021).

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Турции [Электронный ресурс]: Закон от 4 декабря 2004 г. № 5271. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2004/12/20041217.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

нах при условии неукоснительного соблюдения прав и свобод личности, действующего национального законодательства, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров.

Необходимость установления защитных кабин обусловлена самой практикой их применения и адекватными мерами государств в ответ на жестокость преступлений. Защитные кабины обеспечивают порядок в залах судебных заседаний. Это относится и к стороне обвинения, и к стороне защиты, а также к иным участникам заседания — журналистам, представителям общественных организаций и другим лицам, чье нахождение в зале открытых судебных заседаний может нанести вред общим принципам проведения судебного заседания.

Одним из способов разрешения проблемы нарушения прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых при помещении в защитные кабины может стать выработка и законодательное закрепление определенных критериев помещения указанных лиц в защитные кабины. В частности, такими критериями могут выступать:

1) тяжесть совершенного преступления (например, помещать только по тяжким и особо тяжким преступлениям — убийствам, преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности, против несовершеннолетних, при рецидиве);

2) совершение преступления группой лиц (более 5 человек — по преступлениям, совершенным организованными преступными организациями, террористическими группами);

3) позиция председательствующего судьи, основанная на конкретных фактах (склон-

ность или подготовка побега, наличие соучастников преступления, оставшихся на свободе, возможность расправы со стороны потерпевших).

Как особый случай следует считать рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, где вопрос о помещении подсудимого в стеклянную кабину должен решаться председательствующим судьей в каждом конкретном случае индивидуально.

Другим возможным способом может стать внесение изменений в УПК РФ в части детальной регламентации порядка размещения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в защитных кабинах с подробным указанием всех особенностей такого размещения и конструкции защитных кабин.

Анализ постановлений ЕСПЧ показывает, что помещение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в стеклянные кабины при соблюдении условий размещения в них, хорошей вентиляции, наличии звукоусиливающих устройств, возможности общения с защитником не препятствует их использованию при одновременном соблюдении требований Конвенции.

Таким образом, исходя из практики ЕСПЧ, можно сделать вывод о возможности обоснованного и правомерного использования стеклянных кабин в залах судебных заседаний в России. Это подтверждается решениями ЕСПЧ, не установившими нарушения требований Конвенции.

Вместе с тем целесообразно возложить обязанность контроля за надлежащим помещением подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в стеклянные кабины в залах судебных заседаний на судебных приставов.

Список литературы:

1. Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8.
2. Антонович Е. К. Содержание подсудимых в зале судебного заседания с использованием ограждающих конструкций: правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Российский следователь. 2020. № 8.
3. Верещагин А. Имплементация решений ЕСПЧ происходит непросто, но в целом система работает [Интервью с Г. Раймонди] // Закон. 2019. № 6.
4. Жадяева М. А. Защитник вместе с подсудимым в судебном заседании // Адвокатская практика. 2018. № 6.

References:

1. Aleksandrov A. I. Obespechenie prava obvinяемого (podozrevaемого) na zashchitu v ugolovnom processe Rossii: aktual'nye problemy // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 8.
2. Antonovich E. K. Soderzhanie podsudimyh v zale sudebnogo zasedaniya s ispol'zovaniem ograzhdayushchih konstrukcij: pravovye standarty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 8.
3. Vereshchagin A. Implementaciya reshenij ESPCH proiskhodit neprosto, no v celom sistema rabotaet [Interv'yu s G. Rajmondi] // Zakon. 2019. № 6.
4. Zhadyaeva M. A. Zashchitnik vmeste s podsudimym v sudebnom zasedanii // Advokatskaya praktika. 2018. № 6.
5. Orenburkina E. V. Predely ispol'zovaniya zashchitnyh kabin v zale sudebnogo zasedaniya //

5. *Оренбуркина Е. В.* Пределы использования защитных кабин в зале судебного заседания // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23).
6. *Пантелеева Я. В., Пивень А. В.* К вопросу об условиях содержания подсудимого под стражей // Эпомен. 2019. № 24.
7. *Blackman L.* nsan Haklar Aktivistleri in Dava zleme Rehberi. stanbul: E it Haklar in zleme Derne i, 2017.
8. *Canestrini N.* La detenzione in gabbie metalliche durante l'udienza lesiva dei diritti fondamentali dell'imputato di // Giurisprudenza Penale Web. 2018. 4.
9. *Rivello P.* La Disciplina Della Partecipazione A Distanza Al Procedimento Penale Alla Luce Delle Modifiche Apportate Dalla Riforma Orlando // DPC. 2017. 7-8.
- Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 4 (23).
6. *Panteleeva Ya. V., Piven' A. V.* K voprosu ob usloviyah soderzhaniya podsudimogo pod strazhej // Epomen. 2019. № 24.
7. *Blackman L.* nsan Haklar Aktivistleri in Dava zleme Rehberi. stanbul: E it Haklar in zleme Derne i, 2017.
8. *Canestrini N.* La detenzione in gabbie metalliche durante l'udienza lesiva dei diritti fondamentali dell'imputato di // Giurisprudenza Penale Web. 2018. 4.
9. *Rivello P.* La Disciplina Della Partecipazione A Distanza Al Procedimento Penale Alla Luce Delle Modifiche Apportate Dalla Riforma Orlando // DPC. 2017. 7-8.

Для цитирования:

Хозикова Екатерина Сергеевна. Использование защитных кабин в залах судебных заседаний: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 138–148.

For citation:

Hozikova Ekaterina Sergeevna. Use of Protective Cabins in Courtrooms: Russian and Foreign Experience // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 138–148.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕГОРОВ,
старший преподаватель кафедры теории
государства и права,
кандидат юридических наук
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: egorov.a90@mail.ru

ALEXANDR ALEXANDROVICH EGOROV,
Senior Lecturer of the Department
of Theory of State and Law,
Candidate of Law
Kutafin Moscow State Law University (MGUA)
Russian Federation, 125993, Moscow,
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9
E-mail: egorov.a90@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of the Teachings on Law and the State.

ORCID 0000-0002-9867-0437

УДК 342.5

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-149-158

Дата поступления: 9 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Теория правонарушения и юридическая ответственность в трудах классиков дореволюционной русской юриспруденции А. Н. Радищева (1749–1802) и А. П. Куницына (1783–1840)

The Theory of Offense and Legal Responsibility in the Works of the Classics of Pre-Revolutionary Russian Jurisprudence A. N. Radishchev (1749–1802) and A. P. Kunitsyn (1783–1840)

Аннотация

Актуальность: в отечественной юридической литературе давно назрела потребность в комплексном политико-правовом исследовании теории правонарушения и юридической ответственности в рамках учений о происхождении государства и права. В последние годы наметились тенденции по изучению государственно-правовых воззрений классиков отечественной теоретико-правовой мысли с учетом современного уровня развития знаний и принципа историзма. Благодаря этому обстоятельству некоторые концепции получают «второе дыхание», конструктивно доказывая состоятельность своих положений.

Abstract

The relevance of the study: in the domestic legal literature, there has long been a need for a comprehensive political and legal study of the theory of offense and legal responsibility within the framework of the teachings on the origin of the state and law. In recent years, there have been trends in the study of the state-legal views of the classics of Russian theoretical and legal thought, taking into account the current level of knowledge development and the principle of historicism. Due to this circumstance, some concepts get a «second wind», constructively proving the validity of their provisions. It can be stated with confidence that despite the ex-

Можно с уверенностью констатировать, что несмотря на наличие исследований, посвященных воззрениям на государство и право классиков дореволюционной отечественной юриспруденции, до сих пор должную оценку не получила теория противоправности. Осмысление и познание феноменов правонарушения и юридической ответственности неизменно вызвали интерес в научной среде, так как всегда совершались деяния, противоречащие приоритетам и ценностям человеческого общества, что настоятельно требовало и требует определенных мер реагирования. Эта деятельность может быть эффективной лишь в опоре на надежный научный базис, раскрывающий природу правонарушающего поведения. Современная юридическая наука появилась не в одночасье, а стала результатом накопления, социального осмысления и систематизации доктринального наследия отечественной теоретико-правовой мысли в сфере противоправности.

Постановка проблемы: в истории отечественного правоведения несомненное значение имеет исторический этап второй половины XVIII – XIX в. Именно в рамках этого исторического периода происходит зарождение, развитие и эволюция теоретико-правового осмысления правонарушающего поведения и закладывается основа для дальнейшего развития теории противоправного поведения в науке как советского права, так и современной общей и отраслевой юридической науке. В данном контексте важно исследовать воззрения на правонарушение и юридическую ответственность одного из родоначальников юридической науки в России А. Н. Радищева и А. П. Куницына как представителя отечественной юриспруденции XIX в., в рамках которой наблюдалось бурное развитие правовой науки. Эти мыслители, отстаивая поистине прогрессивные для своего времени положения, внесли важный вклад в зарождение теории противоправности. Важно отметить, что, несмотря на неугасимый интерес к государственно-правовым воззрениям каждого в отдельности, представляется необходимым сопоставить их между собой и сравнить степень разработанности их идей с достижениями современной им науки уголовного права.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе использования современных научных методов научного познания при учете принципа историзма сопоставить доктринальные наработки А. Н. Радищева и А. П. Куницына с последующим развитием юридической науки и оценить их вклад в зарождение теории правонарушения и юридической ответственности.

Методы исследования: диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-правовой, формально-юридический.

Результаты и ключевые выводы: оценен вклад А. Н. Радищева и А. П. Куницына в разрешение таких проблем, как: деление всего правового по-

истенции исследований, посвященных воззрениям на государство и право классиков дореволюционной отечественной юриспруденции, теория противоправности не получила должной оценки. Осмысление и познание феноменов правонарушения и юридической ответственности неизменно вызвали интерес в научной среде, так как всегда совершались деяния, противоречащие приоритетам и ценностям человеческого общества, что настоятельно требовало и требует определенных мер реагирования. Эта деятельность может быть эффективной лишь в опоре на надежный научный базис, раскрывающий природу правонарушающего поведения. Современная юридическая наука появилась не в одночасье, а стала результатом накопления, социального осмысления и систематизации доктринального наследия отечественной теоретико-правовой мысли в сфере противоправности.

The problem statement: in the history of Russian jurisprudence, the historical stage of the second half of the XVIII – XIX century is of undoubted importance. It is within the framework of this historical period that the origin, development and evolution of the theoretical and legal understanding of delinquent behavior takes place and the foundation is laid for the further development of the theory of illegal behavior in science, both Soviet law and modern general and branch legal science. In this context, it is important to investigate the views on the offense and legal responsibility of one of the founders of legal science in Russia, A. N. Radishchev and A. P. Kunitsyn, as a representative of the domestic jurisprudence of the XIX century, within which there was a rapid development of legal science. These thinkers, defending truly progressive positions for their time, made an important contribution to the origin of the theory of illegality. It is important to note that, despite the unquenchable interest in the state-legal views of each of them separately, it seems necessary to compare their developments with each other and compare the degree of development of their ideas with the achievements of the modern science of criminal law.

The purpose of the study is to compare the doctrinal developments of A. N. Radishchev and A. P. Kunitsyn with the subsequent development of legal science on the basis of the use of modern scientific methods of scientific cognition, taking into account the principle of historicism, and evaluate their contribution to the origin of the theory of offense and legal responsibility.

The research methods: dialectical, historical-legal, comparative-legal, structural-legal, formal-legal.

The results and key conclusions: the contribution of A. N. Radishchev and A. P. Kunitsyn to the resolution of such problems as: the division of all legal behavior into lawful and illegal; the concept and types of offenses; signs of an act, guilt and

ведения на правомерное и противоправное; понятие и виды правонарушений; признаки деяния, вины и вреда; доктринальные представления об объекте, объективной и субъективной сторонах неправомерного поведения; авторские трактовки таких универсальных юридических ценностей, как презумпция невиновности и право необходимой обороны.

Ключевые слова: право; неправо; юридическая ответственность; вина; вред; обида; необходимая оборона.

harm; doctrinal ideas about the object, objective and subjective sides of misconduct; author's interpretations of such universal legal values as the presumption of innocence and the right of necessary defense.

Keywords: law; wrong; legal responsibility; guilt; harm; offense; necessary defense.

Введение. Теория правонарушения и юридической ответственности традиционно занимает одно из важнейших мест в корпусе общей теории права и государства. При этом необходимо понимать, что современный теоретико-правовой инструментарий концепции противоправности формировался постепенно посредством накопления, систематизации и методической обработки наследия российской политико-правовой мысли в данной сфере. Сказанное свидетельствует в пользу все более возрастающего исследовательского интереса к выявлению и пониманию исторических особенностей становления, развития и эволюции доктринальной составляющей заявленной тематики. В данном случае целесообразным представляется обращение к наследию Александра Николаевича Радищева (1749–1802), участника комиссии по составлению законов при императоре Александре I, писателя и философа, и Александра Петровича Куницына (1783–1840), профессора, действительного статского советника. Этот выбор представляет собой не просто дань уважения выдающимся отечественным ученым-юристам.

Бесспорно, оба этих мыслителя относились к числу наиболее образованных людей своего времени и отстаивали поистине прогрессивные идеи: решающая роль общества в историческом развитии; свобода и равенство людей от рождения; право народа на восстание; наделение крестьян землей; обеспечение правовой защиты всего населения и т. п. Вместе с тем идейная связь творчества А. Н. Радищева с трудами А. П. Куницына не ставит между ними знака равенства. По справедливому замечанию Ф. Н. Смирнова, А. П. Куницын не был революционером и, выступая за демократические преобразования, большие надежды возлагал на реформы, хотя из его основного труда «Право естественное» можно было сделать революционные выводы [17, с. 7–8]. Соблюдая хронологическую и логическую последовательность, следует начать с общей характеристики общественно-политической и научной

обстановки в России второй половины XVIII в., в контексте которой формировалось юридическое мировоззрение выдающегося деятеля отечественного Просвещения Александра Николаевича Радищева, внесшего важный вклад в зарождение теории противоправного поведения.

Основная часть. Вторая половина XVIII в. в отечественной истории была ознаменована усилением крепостнического гнета и фактическим закрепощением крестьянского населения. Такое положение дел нередко приводило к восстаниям зависимого населения против своих господ и даже убийствам последних. Государственная власть, выражая интересы помещиков, отстаивала феодально-абсолютистский строй посредством законодательного закрепления и применения на практике жестоких, террористических наказаний. Следовательно, теория противоправности А. Н. Радищева как сторонника передовых на тот момент гуманистических ценностей была обречена стать рупором критики уголовного законодательства российского абсолютизма, принципов и уголовных теорий, обосновывающих и оправдывающих карательную политику самодержавия. Препятствием на пути формирования юридического мировоззрения А. Н. Радищева выступало и современное ему состояние правоправедения в России.

В рамках исследуемого исторического периода отечественное законодательство еще не было систематизировано, что обусловило и сугубо описательный характер сочинений по отечественному праву. Основой взглядов А. Н. Радищева стали труды Шарля Луи Монтескье, Вольтера (Франсуа-Мари Аруэ), Клода Адриана Гельвеция, Жан-Жака Руссо и других просветителей, открыто выступивших против произвола абсолютизма. Вместе с тем нельзя не отметить наследие предшественника А. Н. Радищева, одного из первых выпускников созданного в 1755 году юридического факультета Императорского Московского университета, ставшего несколько позднее

первым русским профессором права, Семена Ефимовича Десницкого (1740–1789). Кратко охарактеризуем его вклад в зарождение теории противоправности.

С. Е. Десницкий заложил следующие основы: классификация правонарушений на посягательства против установленного порядка управления (государственная измена, воинские преступления) или личности и имущества членов общества (смерть и разрушение живого человека, тайное и явное хищение чужого имущества, а также неисполнение обязательств); применение наказания лишь при наличии приговора суда. Эти воззрения были им изложены в сочинениях «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» и «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Эти труды стали отправной точкой в зарождении теории правонарушения и юридической ответственности. В свою очередь, работы А. Н. Радищева способствовали развитию идей С. Е. Десницкого и появлению в России доктринального юридического мышления, которое предопределило «взрывной» интерес к праву в XIX столетии. В данном контексте следует хотя бы тезисно охарактеризовать его труды в контексте их значения для развития теории правонарушения и юридической ответственности, основы которой заложил С. Е. Десницкий:

1. «О человеке, его смертности и бессмертии». В этом труде автор рассматривает процесс появления человека на свет, его сходства и отличия от животного мира, а также подсознательное понимание человеком правомерного и противоправного поведения.

2. «Путешествие из Петербурга в Москву»: абсурдность существовавшего неравенства крестьянского состояния; прообраз права необходимой обороны.

3. «Опыт о законодательстве»: определение круга предметов закона; равенство людей от рождения; право и неправое; вольность личная.

4. «О добродетелях и награждениях»: стремление человека к приятному и неприятие им наказаний; самолюбивая природа человека, требующая от общества направлять его поведение в правомерное русло.

5. «О законоположении»: воздействие на гражданина посредством применения к нему запретов (наказаний), побуждений (наград) или предупреждений (охранительных мер).

6. «Проект для разделения Уложения Российского»: виды законов; права и обязанности государства и граждан; градация противоправного поведения на преступление, проступок и погрешность; виды преступлений.

7. «Проект Гражданского уложения»: волевой характер правонарушения; понятие вреда.

8. «О ценах за людей убиенных»: понимание невосполнимого вреда, выражающегося в причинении смерти потерпевшему. Вместе с тем теория противоправности А. Н. Радищева долгое время не привлекала к себе должного интереса в исследовательской среде.

Б. С. Ошерович усматривал две причины в объяснении этого явления. Во-первых, А. Н. Радищев не был специалистом-криминалистом, профессором какого-либо юридического факультета, сенатором или представителем какой-либо юридической комиссии и не оставил после себя специальных исследований по уголовному праву. Во-вторых, в его философских, политических, экономических и публицистических произведениях русские криминалисты и историки не искали решения проблем уголовного права [5, с. 159]. Таким образом, комплексному изучению не подвергались ни его творчество, ни источники его юридического мировоззрения. Данное обстоятельство предопределяет для настоящего исследования необходимость избегать однозначных, но искажающих реальную картину формулировок в части новаторства А. Н. Радищева по различным аспектам теории правонарушения и юридической ответственности. Следует объективно оценить содержательный аспект его взглядов по указанной тематике и сопоставить их с юридическим наследием его последователя А. П. Куницына, а также с воззрениями современных им классиков науки уголовного права в России. Исходным пунктом учения А. Н. Радищева следует признать категории «право» и «неправо».

Понятием права он характеризовал все то, что законы «предписывают исполнять» или «дозволяют совершать». Неправом или обидой он считал поступки, совершение которых «законами запрещается» [9, с. 11]. Будучи апологетом идей гуманизма, А. Н. Радищев был уверен, что каждому человеку присуще внутреннее ощущение «правого» и «неправого», заключающееся в том, чтобы «не делать другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе» [8, с. 28–29]. Следовательно, правомерность и противоправность осознается индивидом интуитивно в пользу соблюдения законов.

Вместе с тем, будучи убежденным в самолюбивой природе человека, А. Н. Радищев был уверен, что поведение индивида необходимо «сообразовывать» с интересами общества [10, с. 28]. В этом контексте государство, по мнению А. Н. Радищева, может воздействовать на гражданина посредством применения к нему запретов (наказаний), побуждений (наград) или предупреждений (охранительных

мер) [11, с. 150]. Провозглашая индивида самолюбивым существом, поведение которого должно контролироваться верховной властью, он особо выделил естественные права человека.

«Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему не судило, есть и прибудет всегда человек <...> и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и нерушимой собственности, тот есть преступник», — категорично заявляет А. Н. Радищев [7, с. 279]. В этом контексте мыслитель утверждает, что законы, нарушающие неотъемлемые права граждан, являются действительными даже в том случае, когда общество добровольно наложило на себя обязанность повиноваться данным юридическим нормам [13, с. 178]. Признавая за людьми данное им от рождения равенство, А. Н. Радищев сформулировал авторское представление о правовом статусе личности, включив в него «вольность личную» и гарантию прав потенциального правонарушителя.

«Вольность личная» состоит в наличии у каждого человека права свободно распоряжаться своей жизнью, здоровьем, частями тела и добрым именем [9, с. 13]. Для соблюдения этого постулата А. Н. Радищев декларирует следующие обязанности верховной власти: прибегать к смертной казни лишь в интересах общества; исключить применение «болезненных» и «членовредительских» наказаний; не умалять честь и достоинство гражданина [9, с. 13]. Кроме того, он считал, что обвиняемое лицо до вынесения судом приговора не может быть лишено своего «добраго имени» и положительного общественного мнения [16, с. 186]. Рассмотрев общую характеристику правового статуса человека, следует перейти к понятию противоправного деяния.

В трудах А. Н. Радищева отсутствуют не только дефиниция, но и общее родовое понятие правонарушения. Однако он использовал такие видовые понятия неправомерного поведения, как «преступление», «проступок» и «погрешность», значение которых, по его мнению, раскрывают уголовные законы [11, с. 168]. Вероятно, речь здесь идет о некоем прообразе степени общественной опасности. Этот вывод следует из предложенной им системы преступлений. А. Н. Радищев классифицировал их на следующие виды: против жизни и здоровья; против чести и доброго имени; против свободы; против имени; против спокойствия; против мысли или мнения [16, с. 168]. Конкретный видовой состав этих групп общественно опасных деяний ученый не раскрыл. Более того, терминология «проступка» и «погрешности» вовсе не содержит никаких пояснений. Вместе с тем он попытался разграничить преступления и гражданские правонарушения.

По мнению А. Н. Радищева, суть «обиды гражданской» состоит в нарушении «права единственного». В свою очередь суть преступления заключается в посягательстве на «право общее» [9, с. 11]. Однако это разделение также не стало достаточно устойчивым в его доктрине. По справедливому замечанию С. А. Покровского, в ряде случаев А. Н. Радищев «обиды гражданские» именуется уже «частными преступлениями», хотя в его более поздних работах «частные преступления» отождествляются с личными оскорблениями [6, с. 208]. Это очевидное противоречие, так как ранее уже было отмечено, что он выделял честь и доброе имя в качестве объектов исключительно преступлений. Тем не менее попытка разграничить правонарушения на виды в зависимости от объекта посягательства и степени исходящей от них опасности налицо. Более того, просветитель сформулировал представление и о некоторых признаках противоправного деяния, к числу которых он относил волевой характер, вину и вред.

По его мнению, противозаконное деяние возникает лишь там, где есть «свобода деяний», «намерение» [12, с. 172]. Следует согласиться с тем, что воля сопутствует любому поведенческому акту индивида. Совершение правонарушения как свободного волевого акта непосредственно ставит вопрос и о вине соответствующего лица. А. Н. Радищев справедливо считал, что наиболее опасны умышленные противоправные акты, а случайное причинение вреда вовсе не должно вменяться в вину [12, с. 176]. Вместе с тем он выделил и некоторое представление о форме неосторожности.

По его мнению, если в обычных условиях для воздержания от совершения поступка требуется «максимальное напряжение внимания», то это «грубый проступок» или «проступок первой степени» [13, с. 176]. Если для воздержания от совершения поступка требуется «обыкновенное внимание», то речь идет о «вине посредственной» или «вине второй степени» [13, с. 176]. Наконец, если для того, чтобы не совершить тот или иной поступок лицо должно обладать «необыкновенным вниманием» или «особыми знаниями», то это образует «малую вину» или «вину третьей степени» [13, с. 176]. Раскрытие этих форм вины напрямую адресует к смягчающим обстоятельствам, в контексте которых А. Н. Радищев упоминает состояние опьянения.

По его мнению, хоть «убийство в пьянстве» не столь виновно как умышленное лишение жизни, однако же «убивающий в пьянстве» подлежит наказанию в зависимости от вреда, который «проистекает обществу» [13, с. 248]. Таким образом, лицо, совершившее умышленное убийство, изолируется от общества, а лицо, причинившее смерть в состоянии опьянения,

может исправиться без изоляции от общества. Далее мыслитель раскрывает такой признак правонарушения, как вред.

Наступление вреда, ущерба или убытка А. Н. Радищев считал результатом преступного деяния, когда «сохранность человека» приходит в худшее положение по сравнению с изначальным состоянием [13, с. 188]. Как уже ранее отмечалось, в качестве объектов правонарушения мыслитель признавал как материальные, так и нематериальные субстанции. Следовательно, можно сделать вывод, что вред в его концепции может быть физическим, материальным и организационным. Однако в ряде случаев, по мнению А. Н. Радищева, невозможно вернуться в изначальное состояние, то есть восполнить причиненный вред. В данном случае он приводит в пример лишение другого человека жизни вне зависимости от формы вины.

Мыслитель писал: «Цены убиенному человеку, умышенно или неумышенно, определить не можно, ибо, сверх общих чувствований человечества, потеря таковая есть всегда неоценимая. Каждый, лишаящийся жизни, принадлежит к какому-либо семейству, следовательно кончина его всегда бывает чувствительна, и, от какой бы причины она не происходила, она все равно для чувствующих бедственна» [14, с. 248]. Оценивая эти постулаты, можно с уверенностью говорить о том, что А. Н. Радищев совершенно правильно определил правовую природу вреда и подразумевал, что он может быть как восполнимым, так и невозполнимым. Вместе с тем ученый полагал, что в некоторых случаях возможно и ненаказуемое причинение вреда.

Оценивая вполне привычные для общественно-политической жизни нашей страны второй половины XVIII века случаи убийств помещиков своими крепостными, А. Н. Радищев признавал последних «вынужденными смертоубийцами»: «Если идущий мне нападет на меня злодей и, вознеся над головою моею кинжал, захочет меня им пронзить, убийцею ли я почтуса, если я предупрежу его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну?...» [7, с. 275]. Анализируя этот подход, можно предположить, что речь идет о праве необходимой обороны, для которого мыслитель не предусмотрел ни пределов осуществления, ни требования соразмерности между совершенным и предотвращенным деяниями. Данная идея обусловлена принципом гуманизма, находящегося в прямом противоречии с конкретно-историческими реалиями жизни и научного творчества А. Н. Радищева. Рассмотрев теорию правонарушения и юридической ответственности А. Н. Радищева, целесообразным представляется подвести промежуточные итоги:

— исследованная авторская концепция противоправности сформировалась в условиях усиления крепостнического гнета населения, а также неупорядоченности отраслевого законодательства и доктринальной юридической мысли;

— правовое поведение определялось законами в каждом конкретном случае как правомерное или противоправное;

— человек по природе своей склонен соблюдать законы, однако верховная власть должна следить за тем, чтобы его поведение не противоречило интересам общества;

— правовой статус человека включает в себя правомочия по свободному распоряжению и защите со стороны государства жизни, здоровья, собственности и доброго имени;

— четкая терминология и дефиниция правонарушения своего выражения не получили, однако была предпринята попытка разграничить противоправные акты в зависимости от объекта посяательства и степени общественной опасности;

— достаточно четкое объяснение получила правовая природа вреда, а также его классификация на виды;

— была предложена авторская классификация форм вины, состояния опьянения как смягчающего обстоятельства, презумпции невиновности и права необходимой обороны. Все эти воззрения в совокупности получили свое развитие в отечественной юриспруденции XIX века, специфика которой также была продиктована конкретно-историческими условиями.

Исторический период конца XVIII — начала XIX в. в нашей стране был ознаменован процессами разложения феодального строя и развития капиталистического уклада. Помещичий класс, руководствуясь вековыми устоями феодализма, всеми силами и средствами стремился сохранить и упрочить свое привилегированное положение, результатом чего стало поступательное ухудшение положения крестьян, являвшихся основной сословной категорией. Эта ситуация приводила к тому, что в стране вспыхивали народные восстания, жестоко подавляемые царскими войсками. Неудачи, сопутствующие крестьянским волнениям, были вполне объяснимы. Необходимо понимать, что основная масса населения была угнетаема, безграмотна и не могла выдвинуть из своей среды революционных идеологов. Таким образом, стихийное революционное движение остро нуждалось в теоретико-мировоззренческом осмыслении и направлении.

Первые идеологи революционной борьбы были в основном представителями дворянского класса и отчасти «разночинцами». Как уже было отмечено, особое место сре-

ди них занимает А. Н. Радищев, творческое наследие которого стало предтечей не только декабристского движения, но и выхода на авансцену еще одного выдающегося отечественного мыслителя, представителя школы естественного права Александра Петровича Куницына. Следует кратко охарактеризовать его труды, имеющие непосредственное отношение к теории правонарушения и юридической ответственности:

1. «Право естественное»: свобода как условие существования права; ограничители проявления свободы человека; понятие и виды обид; виды вины правонарушителя; право необходимой обороны.

2. «Энциклопедия прав: изображение системы политических наук»: право человека производить деяния и оставлять их по собственному произволу и усмотрению.

Прежде чем перейти к исследованию воззрений А. П. Куницына как последователя А. Н. Радищева, необходимо сделать определенную оговорку.

Соотнесение наработок А. Н. Радищева и А. П. Куницына с последующим развитием политико-правовой мысли в России, а также их отражение в законодательстве представляет несомненный интерес для юридической науки. Однако провести такую работу в рамках одной статьи представляется делом совершенно невыполнимым. Проецирование же доктринального наследия указанных ученых на современные вызовы развития нашего общества и появление новых форм противоправных деяний противоречило бы принципу историзма. Следовательно, в данном контексте представляется разумным сопоставление их идей с достижениями современной им науки уголовного права, представители которой традиционно задавали тон в вопросах противоправности и наказуемости. В этом контексте следует обратиться к идеям автора первого учебника по уголовному праву Осипа Иоакимовича Горегляда и ординарного профессора, декана отделения нравственно-политических наук, ректора Императорского Казанского университета, а позднее и казанского губернского прокурора Гавриила Ильича Солнцева.

По справедливому утверждению Л. С. Гиמיшян, правопонимание А. П. Куницына напрямую связано с понятием свободы, которую он рассматривал как необходимое условие существования права [1, с. 128]. А. П. Куницын полагал, что человек может считаться свободным только тогда, когда он способен «располагать своим поведением» вне зависимости от «внешних впечатлений» [2, с. 6]. В этом контексте он выделяет первоначальные и производные права.

Ключевым первоначальным правом он считал право человека на «самого себя», то есть нравственную возможность распоряжаться самим собой. В данном контексте А. П. Куницын особо выделял право «производить деяния» по собственному «произволу» и «усмотрению» [3, с. 5]. Признавая вслед за А. Н. Радищевым «чувственную природу человека», стремящегося на подсознательном уровне действовать правомерно, он предусмотрел необходимость ограничивать свободу человека.

А. П. Куницын полагал, что проявления свободы человека имеют следующие ограничения: «свобода других лиц»; «количество принадлежащих ему прав»; «физические и нравственные силы, потребные для употребления права» [2, с. 31]. Именно эти обстоятельства, по мысли ученого, позволяют оценить конкретное деяние как «правое» или «неправое». Как мы видим, А. П. Куницын предложил не просто известную еще А. Н. Радищеву концепцию «права» и «неправа», а сформулировал определенные критерии квалификации деяния на правомерное или противоправное.

А. П. Куницын полагал, что деяние, нарушающее права других лиц, «почитается несообразным с законом». Произвольное нарушение права другого человека он именовал «обида» [2, с. 24]. Он не предложил видовой терминологии правонарушающего поведения. Для сравнения следует обратиться к дефинициям уголовно-правовой науки.

О. И. Горегляд писал: «Преступление есть деяние противозаконное, умышленное и при том вредное государству, или частным людям» [4, с. 1]. Как мы видим, О. И. Горегляд в своей дефиниции отразил признаки противоправности, вины, вреда и к числу потерпевших отнес не только частных лиц, но и государство. В первой половине XIX в. существовало и более широкое определение преступления.

Г. И. Солнцев писал: «...преступление есть внешнее, свободное, положительными законами воспрещаемое деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредством или непосредственно, нарушающее и правомерное наказание за собою для преступника влекущее» [15, с. 54]. В данном случае исследователь дополняет перечень признаков преступления наказуемостью. На первый взгляд кажется, что приведенные дефиниции понятия преступления являются более совершенными, чем точка зрения А. П. Куницына. Однако А. П. Куницын сформулировал ряд классификаций обид, которые охватывают признаки правонарушения, не отраженные им в понятии обиды.

Первая классификация базируется на непосредственном объекте противоправного деяния. Посягательство на первоначальные права

образует обиду «существенную». Нарушение же производных прав следует понимать как обиду «случайную» [2, с. 25]. Представляется, что речь здесь идет о степени общественной опасности. В отличие от А. Н. Радищева, раскрывавшего этот критерий через перечисление объектов правонарушения, А. П. Куницын акцентирует внимание исключительно на правах человека.

Вторая градация обид зиждется на количественном критерии лиц, права которых нарушены. А. П. Куницын выделил следующие виды: «общая обида» (нарушение прав всех членов общества); «частная обида» (нарушение прав многих лиц или сословия); «особенная обида» (нарушение права одного лица) [2, с. 25]. Анализируя эту классификацию, сложно сказать, выделял ли он посягательства против интересов государственной власти. Вместе с тем налицо стремление защитить интересы не только всего общества или отдельного человека, но и права сословий.

Наконец, А. П. Куницын предложил классифицировать обиды в зависимости от «качества деяния» правонарушителя: «положительная обида» («исполнение деяния», нарушающего права другого человека); «отрицательная обида» (нарушение права другого человека посредством «оставления известного деяния») [2, с. 25]. Здесь просматриваются еще отчетливо не выделяемые А. Н. Радищевым действие и бездействие. Следует сравнить эту градацию с видами преступлений, выделяемых наукой уголовного права в первой половине XIX в.

О. И. Горегляд выделял преступления уголовные, полицейские, общественные и частные. Уголовные преступления подлежали уголовному суду и строгому наказанию или денежному взысканию. Полицейские представляли собой малые проступки или нарушения установленного благочиния, которые подвергались полицейскому суду и легкому исправительному наказанию, или же без суда, одной денежной пени. Общественные нарушали права государя и государства, а также общественную тишину и спокойствие. Наконец, частные посягали на личные или вещественные права гражданина [4, с. 5]. Г. И. Солнцев выделял только уголовные и полицейские преступления, вкладывая в них такое же содержание, что и О. И. Горегляд [15, с. 60]. Эта классификация выглядит не очень убедительно по двум причинам.

Во-первых, представители науки уголовного права не сформулировали единого критерия деления деяний на виды. Здесь можно отметить сложное переплетение общественной опасности и процесса судопроизводства. Во-вторых, в этой позиции наличествует излишнее дробление. Так, непонятно, в чем со-

стоит принципиальное отличие между уголовными и общественными преступлениями. Таким образом, классификация А. П. Куницына выражена более лаконично, четко и информативно. Следует обратиться к признакам правонарушения в авторской интерпретации А. П. Куницына.

Признак противоправности без труда выводится на основе анализа ограничителей свободы человека. Вместе с тем он достаточно прогрессивно переосмыслил признак вины. По его мнению, обида может совершаться как по желанию правонарушителя, так и по «сцеплению действия с противозаконным последствием» [2, с. 25]. Помимо градации деяний на умышленные и неосторожные, он сформулировал и другие конструкции.

По мнению А. П. Куницына, в случае умышленного причинения обиды необходимо определить, в полном ли «употреблении разума» пребывал правонарушитель, на решимость которого могут влиять «сильные чувствования» и «воспламенения», порождаемые внешними факторами или силой его воображения [2, с. 25–26]. Представляется, что речь идет о психическом принуждении, формы которого также получили свое раскрытие.

Признавая психическое принуждение в качестве обстоятельства, исключающего наказуемость деяния, А. П. Куницын полагал, что важно определить причину возникновения у человека «воспламенений» и «сильных чувствований». Если они были порождены волей самого правонарушителя, то деяние следует вменять ему в вину. В случаях возникновения их против воли лица вина последнего исключается [2, с. 26]. Далее исследователь обращается к раскрытию неосторожных форм вины.

По его мнению, если человек, находясь в «полном употреблении разума», ненамеренно совершает действие, повлекшее нарушение права, то это называется «неосмотрительностью», а само нарушение права — «виною» [2, с. 26]. Форма неосмотрительности представляет собой общее родовое понятие, которое в каждом конкретном случае находит свое проявление в «невежестве» (недостаток сведений) или «заблуждении» (ложные сведения), которые могут быть преодолимыми и непреодолимыми.

Незнание и заблуждение преодолимы, когда виновное лицо проявило «надлежащее старание» для получения сведения, недостаток или несовершенство которого обусловило нарушение права. В свою очередь незнание и заблуждение непреодолимы в случаях, когда виновное лицо не проявило «надлежащего старания» для приобретения права [2, с. 27]. Непреодолимые невежество или заблуждение не вменяются в вину. Преодолимые же могут

быть вменены в зависимости от степени возможности преодоления и проявленного старания. Таким образом, речь идет о прообразе небрежности. Эти наработки были весьма прогрессивны.

О. И. Горегляд считал, что неумышленные деяния вообще не вменяются в вину [4, с. 1]. Г. И. Солнцев также не сформулировал четкого понимания неумышленной формы вины, сводя ее лишь к случайным деяниям, освобождающим от наказания [15, с. 59]. А. П. Куницын сформулировал представление об обстоятельстве, исключаящем преступность деяния.

По его мнению, право человека совершать определенные деяния возлагает на окружающих обязанность не препятствовать их совершению. Вред, ставший результатом законных деяний, исключает для пострадавшего возможность «противиться их совершению» [2, с. 35]. Данную доктринальную конструкцию сложно однозначно интерпретировать. Вероятно, речь идет об обоснованном применении силы к правонарушителю. Упоминание также получила известная А. Н. Радищеву конструкция необходимой обороны.

А. П. Куницын полагал, что в случаях когда сохранение жизни человека возможно лишь посредством «умерщвления несправедливого нападающего», закон разума признает справедливым сохранение жизни невиновного человека через «пожертвование жизни виновного» [2, с. 32–33].

Как мы видим, право необходимой обороны напрямую не связано с крепостническим строем. Вместе с тем пределы его осуществления по-прежнему не получили своего выра-

жения. Рассмотрев теорию правонарушения и юридической ответственности А. П. Куницына, следует отметить, что нового она привнесла в отечественную доктринальную юридическую мысль по сравнению с рассмотренными ранее постулатами А. Н. Радищева:

– классификация правового поведения была дополнена условиями, ограничивающими свободу совершения того или иного поступка, и не сводилась лишь к соблюдению или несоблюдению закона;

– была предложена более совершенная классификация противоправных деяний в зависимости от степени общественной опасности, количества нарушенных прав и неизвестной А. Н. Радищеву градации форм деяния на действия и бездействия;

– формулируются конструкции психического принуждения и видов небрежности, именуемой автором «неосмотрительностью»;

– получила свое развитие неосторожность как форма вины посредством выделения видов невежества и заблуждения, которые могут быть как преодолимыми, так и непреодолимыми;

– конструкция необходимой обороны не сводилась лишь к посягательствам помещиков на своих крепостных. Однако более подробного развития в контексте пределов своего осуществления она не получила;

– учение А. П. Куницына о субъективной стороне правонарушения выглядит более четким и структурированным по сравнению с воззрениями современных ему классиков науки уголовного права, которые достаточно поверхностно подходили к пониманию неосторожных форм вины.

Список литературы:

1. Гимишян Л. С. Государственно-правовые воззрения А. П. Куницына: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
2. Куницын А. П. Право естественное. Москва, 2011.
3. Куницын А. П. Энциклопедия прав: Изображение системы политических наук. Москва, 2010.
4. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. Сочинение Коллежского Ассессора Осипа Горегляда. Санкт-Петербург, 1815.
5. Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века – первая четверть XIX века). Москва, 1946.
6. Покровский С. А. Государственно-правовые воззрения Радищева. Москва, 1956.

References:

1. Gimishyan L. S. Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya A. P. Kunicyna: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2004.
2. Kunicyn A. P. Pravo estestvennoe. Moskva, 2011.
3. Kunicyn A. P. Enciklopediya prav: Izobrazhenie sistemy politicheskikh nauk. Moskva, 2010.
4. Opyt nachertaniya rossijskogo ugovolnogo prava. Ch. 1. O prestupleniyah i nakazaniyah voobshche. Sochinenie Kollezhsckogo Asessora Osipa Goreglyada. Sankt-Peterburg, 1815.
5. Osherovich B. S. Ocherki po istorii russkoj ugovolno-pravovoj mysli (vtoraya polovina XVIII veka – pervaya chetvert' XIX veka). Moskva, 1946.
6. Pokrovskij S. A. Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya Radishcheva. Moskva, 1956.

7. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений в 3 т. Москва; Ленинград, 1938. Т. 1.
8. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Полное собрание сочинений: в 2 т. Санкт-Петербург, 1909. Т. 2.
9. Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
10. Радищев А. Н. О добродетелях и награждениях // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
11. Радищев А. Н. О законоположении // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
12. Радищев А. Н. Проект для разделения Уложения Российского // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
13. Радищев А. Н. Проект Гражданского уложения // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
14. Радищев А. Н. О ценах за людей убиенных // Полное собрание сочинений: в 3 т. Москва; Ленинград, 1952. Т. 3.
15. Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, проф. Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1907.
16. Семенников В. П. Радищев. Москва; Петроград, 1923.
17. Смирнов Ф. Н. Общественно-политические и правовые взгляды А. П. Кунцына: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1965.
7. Radishchev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1938. T. 1.
8. Radishchev A. N. O cheloveke, ego smertnosti i bessmertii // Polnoe sobranie sochinenij: v 2 t. Sankt-Peterburg, 1909. T. 2.
9. Radishchev A. N. Opyt o zakonodavstve // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
10. Radishchev A. N. O dobrodetelyah i nagrazhdeniyah // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
11. Radishchev A. N. O zakonopolozhenii // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
12. Radishchev A. N. Proekt dlya razdeleniya Ulozheniya Rossijskogo // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
13. Radishchev A. N. Proekt Grazhdanskogo ulozheniya // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
14. Radishchev A. N. O cenah za lyudej ubiennyh // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moskva; Leningrad, 1952. T. 3.
15. Rossijskoe ugovolnoe pravo, izlozhennoe Gavriilom Solncevym. Kazan', 1820 / pod redakciej i s vstupitel'noj stat'ej o G. I. Solnceve G. S. Fel'dshtejna, professora Demidovskogo yuridicheskogo liceya. Yaroslavl', 1907.
16. Semennikov V. P. Radishchev. Moskva; Petrograd, 1923.
17. Smirnov F. N. Obshchestvenno-politicheskie i pravovye vzglyady A. P. Kunicyna: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 1965.

Для цитирования:

Егоров Александр Александрович. Теория правонарушения и юридическая ответственность в трудах классиков дореволюционной российской юриспруденции А. Н. Радищева (1749–1802) и А. П. Куницына (1783–1840) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 149–158.

For citation:

Egorov Alexandr Alexandrovich. The Theory of Offense and Legal Responsibility in the Works of the Classics of Pre-Revolutionary Russian Jurisprudence A. N. Radishchev (1749–1802) and A. P. Kunitsyn (1783–1840) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 149–158.

РОЛАНД СЕРГЕЕВИЧ МУЛУКАЕВ,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ROLAND SERGEEVICH MULUKAEV,
Chief Researcher of the Scientific Center,
Doctor of Law, Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ МАЛЫГИН,
профессор кафедры истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: al.malygin2018@yandex.ru

ALEKSANDR YAKOVLEVICH MALYGIN,
Professor of the Department of History of State and Law,
Doctor of Law, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
Russian Federation, 117997, Moscow,
Akademika Volgina St., 12
E-mail: al.malygin2018@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of the Teachings on Law and the State.

УДК 34

DOI 10.24412/2072-9391-2022-161-159-166

Дата поступления: 13 января 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 17 марта 2022 г.

Войска НКВД СССР в решениях и материалах Государственного комитета обороны

NKVD Troops of the USSR in Decisions and Materials of the State Defense Committee

Аннотация

Актуальность: Великая Отечественная война – одно из величайших событий отечественной истории. Опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны, неоценим. Составной частью этого опыта является деятельность органов внутренних дел, войск Народного комиссариата внутренних дел СССР. Его изучение имеет не только познавательное, но и практическое значение. Конкретные формы и методы деятельности войск Народного комиссариата внутренних дел СССР в условиях военного времени заслуживают внимания и глубокого изучения.

Постановка проблемы: в статье поставлена проблема раскрытия одной из многогранных сторон деятельности высшего государственного органа СССР в годы Великой Отечественной войны – Государственного комитета обороны по руководству деятельностью органов внутренних дел, войск На-

Abstract

The relevance: the Great Patriotic War is one of the greatest events in Russian history. The experience gained during the Patriotic War is invaluable. An integral part of this experience is the activity of the internal affairs bodies, the troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR. Its study has not only cognitive, but also practical significance. The specific forms and methods of activity of the troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in wartime conditions deserve attention and in-depth study.

The problem statement: the article raises the problem of revealing one of the multifaceted aspects of the activities of the supreme state body of the USSR during the Great Patriotic War – the State Defense Committee for the management of the activities of the internal Affairs bodies, the troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR and revealing the sig-

родного комиссариата внутренних дел СССР и раскрытия значения этой деятельности для обеспечения победы над гитлеровской Германией.

Цель исследования: восполнить имеющийся пробел в литературе по истории Великой Отечественной войны, показать многогранный всеохватывающий характер деятельности Государственного комитета обороны.

Методы исследования: основной метод, использованный в статье, – метод материалистической диалектики и основанный на нем принцип историзма.

Результаты и ключевые выводы: 1) документальный материал статьи раскрывает ранее практически не исследованную важную составляющую деятельности Государственного комитета обороны – руководство войсками Народного комиссариата внутренних дел СССР; 2) раскрывается конкретное содержание основных направлений деятельности войск Народного комиссариата внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Государственный комитет обороны (ГКО); Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД); войска Народного комиссариата внутренних дел СССР.

nificance of this activity to ensure victory over Nazi Germany.

The purpose of the study is to fill the existing gap in the literature on the history of the Great Patriotic War, to show the multifaceted all-encompassing nature of the activities of the State Defense Committee.

The research methods: the main method used in the article is the method of materialistic dialectics and the principle of historicism based on it.

The results and key findings: 1) the documentary material of the article reveals a previously almost unknown important component of the activities of the State Defense Committee – the leadership of the troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR; 2) the material of the article reveals the specific content of the main activities of the troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; State Defense Committee (GKO); People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR; troops of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR.

Вопросам организации и деятельности Государственного комитета обороны (далее – ГКО) посвящено достаточное число публикаций. Наибольший интерес представляют издания документальных источников. В числе первых вышла работа Н. Я. Комарова [8], значительный массив документов помещен в исследовании Ю. А. Горькова [6]. После рассекречивания основной массы материалов ГКО были опубликованы их аннотированные каталоги в двух томах (всего более 2 500 страниц)¹. Сейчас постановления и распоряжения ГКО за все время его существования (с 30 июня 1941 г. до 4 сентября 1945 г.) доступны на сайте sovdoc.rusarchives.ru. Отдельные решения ГКО (всего 87) помещены в различных изданиях².

Из всего массива монографий, пособий, лекций, статей, в которых при освещении истории участия войск Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) в Великой Отечественной войне достаточное внимание уделяется ГКО, можно выделить сочинения А. Е. Алексеенкова [1], С. В. Глызина [5], С. Г. Лысенкова и В. П. Сидоренко [10], С. К. Павлова [14], Н. Н. Старикова [15] и другие издания [например: 3; 2]. Несколько публикаций, посвященных проблемам руководства ГКО органами внутренних дел, подготовлено авторами настоящей статьи [11–13].

Исследования истории внутренних войск активизировались в последние годы [9; 4; 7]. Однако внимание авторских коллективов не сосредоточивалось на комплексной ха-

Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. Москва, 1995; Лубянка в дни битвы за Москву: материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. Москва, 2002; Войска НКВД в битве за Москву. Москва, 2004; «Вождь». И. В. Сталин в документах и фотографиях. 1917–1953. Историко-документальный проект: в 5 кн. Кн. 4: Вторая мировая: провалы управления и достижения мобилизации. 1939–1945 / отв. ред. А. К. Сорокин. Москва, 2019.

¹ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2 т. Москва, 2015.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Москва, 1995–2007; 1941 год: в 2 кн. / под общ. ред. А. Н. Яковлева. Москва, 1998;

рактики разносторонней деятельности именно Государственного комитета обороны по руководству войсками НКВД СССР.

Образованный 30 июня 1941 г. ГКО СССР — универсальный и в то же время уникальный орган. Это единственный орган в истории нашего Отечества, деятельность которого в условиях тяжелой войны охватывала все стороны жизни государства, объединяла их деятельность, подчиняя ее одной цели — достижению победы.

Характерным примером в этом плане является деятельность ГКО по руководству органами НКВД СССР. Как и деятельность других органов Советского государства, деятельность органов внутренних дел, его войсковых подразделений претерпела существенные изменения, обуславливавшиеся потребностями достижения победы в войне.

Войска НКВД СССР включались в число субъектов превентивных мероприятий повышения обороноспособности и укрепления порядка в условиях наиболее напряженной обстановки в связи с приближением врага к столице Союза ССР. Так, Постановлением ГКО от 12 октября 1941 г. НКВД СССР обязывался «взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин — Ржев — Можайск — Тула — Коломна — Кашира». Организованному при НКВД СССР штабу охраны Московской зоны в оперативном отношении были подчинены расположенные в зоне милиция, районные органы НКВД СССР, истребительные батальоны, заградительные отряды и войска НКВД СССР (6 тысяч человек по особому расчету) [15, д. 22, л. 67–68]. Постановление ГКО от 22 октября 1941 г. предусматривало создание 48 городских комитетов обороны в целях «сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка». В их состав входили: а) первый секретарь обкома или секретарь горкома ВКП(б) (председатель); б) председатель облисполкома или председатель горисполкома; в) начальник областного НКВД или начальник городского отдела НКВД СССР; г) комендант города. В распоряжение последнего передавались милиция, добровольческие рабочие отряды и войска НКВД СССР [15, д. 23, л. 78–79].

Практически с первых дней войны на войска НКВД возлагались все новые обязанности.

В начале августа 1941 г. НКВД СССР представил в ГКО проект постановления об охране важнейших промышленных предприятий. Дело в том, что с началом войны многие ведомства и партийные комитеты начали обращаться с просьбами о принятии под охра-

ну войсками НКВД промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов и других учреждений. Между тем удовлетворение уже поступивших заявок требовало увеличения войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности более чем на 60 тысяч человек.

Наркомат внутренних дел СССР полагал, что чаще всего эти просьбы были продиктованы стремлением снять с себя ответственность за охрану соответствующих объектов, тогда как «при внимательном и серьезном отношении к делу» вполне можно обеспечить их должную охрану за счет укрепления имеющейся на этих объектах военизированной или вахтерской охраны.

Вместе с тем НКВД СССР считал возможным принять дополнительно под охрану войск НКВД СССР отдельные имеющие особое важное военно-оборонное значение предприятия Наркомата авиационной промышленности, Наркомата нефтяной промышленности, Наркомата электростанций и Главнефтебита.

В представленный НКВД СССР проект И. В. Сталин внес ряд поправок. Так, к примеру, в три раза (до 10 тысяч 600 человек) было уменьшено предложение об увеличении численности войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности. Именно эта цифра вошла в окончательный текст постановления, которым Наркомат обороны обязывался «призвать дополнительно для войск НКВД 10 тысяч 600 человек, в том числе 1 тысячу 206 человек младшего начсостава и 1 тысячу 6 человек среднего и старшего начсостава по заявкам НКВД СССР, обеспечив этот контингент оружием, боеприпасами, обмундированием и снаряжением по штатам и табелям НКВД СССР» [15, д. 11, л. 98–99, 104–108].

Большое внимание войскам НКВД отводилось постановлением ГКО от 14 декабря 1941 г. о комплексе мероприятий по улучшению охраны железных дорог, инициированным Наркоматом юстиции СССР в связи с ростом хищений на транспортных коммуникациях. Войска НКВД по охране железнодорожных сооружений переименовывались в войска НКВД по охране железных дорог, на которые возлагалась охрана станционных и линейных железнодорожных сооружений, грузов, денежных касс и сопровождение вагонов с важнейшими грузами.

Численность войск НКВД увеличивалась на 40 тысяч человек, из которых 33 тысячи 220 человек укомплектовывались личным составом упраздняемой стрелковой ох-

раны Наркомата путей сообщения [15, д. 29, д. 20–26].

Ответственные задачи ставились перед войсками НКВД в освобождаемых от врага городах. По сложившейся к этому времени практике там из личного состава частей РККА, освободивших те или иные населенные пункты, оставлялись гарнизоны. Очевидно, что тем самым ослаблялись армейские подразделения, двигавшиеся вперед. Постановлением ГКО от 4 января 1942 г. подобный порядок признавался нетерпимым. Впредь в освобождаемых Красной Армией городах должны были выставляться гарнизоны из войск НКВД СССР (рота, батальон, полк — в зависимости от значения и размеров города и области).

На них возлагалось «несение гарнизонной службы и оказание органам НКВД помощи в работе по изъятию вражеской агентуры, предателей и других антисоветских элементов» [15, д. 32, л. 11–13].

В представлении НКВД СССР, направленном в ГКО 26 февраля 1942 г., говорилось, что на тот момент численность внутренних войск НКВД СССР, предназначенных для несения гарнизонной службы в городах, освобождаемых от войск противника, и для обеспечения оперативных нужд НКВД СССР во внутренних областях и нацреспубликах составляла 133 тысячи 842 человека. Из них к несению гарнизонной службы в городах, освобождаемых от противника, предназначалось 75 тысяч 307 человек, 23 тысячи 257 человек находились в подчинении армейского командования и выполняли боевые задачи, остальные были расквартированы в Москве (22 тысячи 34 человека) и в областях союзных и автономных республик (13 тысяч 244 человека).

НКВД СССР просил увеличить численность внутренних войск на 100 тысяч человек «в целях создания резерва внутренних войск для дальнейшего выделения гарнизонов в освобождаемые от противников города, а также для обеспечения внутренних областей и нацреспублик частями внутренних войск». Однако председатель ГКО И. В. Сталин внес правку, и вместо 100 тысяч человек постановлением ГКО от 7 марта 1942 г. была утверждена цифра в 50 тысяч человек [15, д. 41, л. 5–8].

Расширение круга стоявших перед войсками НКВД СССР задач потребовало дальнейшего организационного укрепления этих войск. 14 октября 1942 г. ГКО утвердил представленный НКВД СССР проект постановления «О формировании армии войск Наркомата внутренних дел». Структурно армия состояла из 6 стрелковых дивизий (70 тысяч человек). Ее комплектование должно было произ-

водиться за счет численности как самих войск НКВД СССР (55 тысяч человек: 29 750 — из погранвойск, 16 750 — из внутренних войск и 8 500 — из войск по охране железных дорог), так и направлением из Наркомата обороны 15 тысяч человек «рядового и начальствующего состава артиллерии, связи, инженерных войск и др. по заявке НКВД СССР».

Дивизии армии войск НКВД СССР намечалось формировать в городах Хабаровске, Чите, Новосибирске, Челябинске, Ташкенте, Свердловске. В последнем дислоцировалось командование армии.

Примечательно, что постановление ГКО устанавливало особый статус армии войск НКВД: «Армию зачислить в резерв Главного Командования и приравнять во всех отношениях к гвардейским частям»³.

Грандиозные задачи перед НКВД СССР встали в связи с освобождением от врага территории Советского Союза и восстановлением границы. 6 апреля 1944 г. в ГКО поступило подписанное наркомом внутренних дел СССР и заместителем начальника Генштаба РККА отношение с обоснованием необходимости восстановления охраны границ СССР и укрепления в связи с этим войск НКВД СССР. В документе говорилось, что до войны западная граница Союза ССР охранялась 38 пограничными отрядами, общей численностью 71 тысяча 859 человек. С началом войны эти отряды были переформированы в пограничные полки войск НКВД СССР и обеспечивали охрану тыла действующей Красной Армии. Весной 1944 г. имелось 47 пограничных полков общей численностью 73 тысячи 281 человек. Теперь необходимо было восстановить охрану государственной границы СССР пограничными войсками НКВД СССР.

Государственный комитет обороны постановил: «по мере освобождения территории Союза ССР от войск противника и продвижения частей Красной Армии за линию государственной границы — восстанавливать охрану границы пограничными войсками НКВД с использованием для этой цели пограничных полков НКВД, несущих охрану тыла дей-

³ В феврале 1943 г. армия войск НКВД была передана в действующую армию и стала именоваться 70-й армией в составе Центрального фронта. Входившие в состав армии дивизии были награждены орденами и медалями и удостоены почетных наименований. Во время Курской битвы она упорно противостояла ударной группировке 9-й немецкой армии, пытавшейся прорваться к Курску, а с переходом советских войск в контрнаступление участвовала в Орловской операции. Впоследствии 70-я армия успешно громила врага в Люблин-Брестской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. К концу войны все 6 дивизий, включенных в состав 70-й армии при ее формировании, были награждены орденами и удостоены почетных наименований. Следует отметить, что за годы войны из состава войск НКВД было сформировано и передано в Красную Армию 29 дивизий [15, д. 32, л. 11–13].

ствующей Красной Армии; для охраны тыла действующей Красной Армии сформировать 35 полков войск НКВД общей численностью 57000 человек». На такое же число увеличивалась штатная численность войск НКВД.

Наркомат обороны СССР обязывался обеспечить пограничные войска НКВД СССР необходимым вооружением, средствами связи, транспортом и т. п. [15, д. 305, л. 149–153]

Скоро выяснилось, что передача всех подразделений войск НКВД СССР, занимавшихся охраной тыла действующей армии, в пограничные войска оказалась неоправданной. Складывавшаяся на полях сражений обстановка показывала, что различного рода угрозы тылам действующей армии сохранились. Поэтому 10 октября 1944 г. ГКО издал постановление «О сформировании 7 полков войск Наркомата внутренних дел для охраны тыла фронтов, действующих за границей СССР» [15, д. 394, л. 105–106].

В связи с встретившимися трудностями укомплектования конвойных войск за время войны ГКО пришлось дважды давать указания на этот счет. 12 января 1944 г. последовало распоряжение «О мерах по укомплектованию конвойных войск Наркомата внутренних дел», которым Наркомат обороны обязывался выделить НКВД СССР «8000 человек, годных к нестроевой службе, из числа запасных бригад и лиц, выходящих из госпиталей после выздоровления» [15, д. 265, л. 71]. 5 мая 1944 г. Л. П. Берия обратился в ГКО с письмом, в котором обосновывалась необходимость увеличения численности конвойных войск на 5 тысяч человек, «годных к нестроевой службе и выздоравливающих красноармейцев» для охраны и конвоирования военнопленных, «дополнительно выделяемых на работы Наркомуглю (20 тыс. чел.) и Наркомстрою (в Севастополе — 10 тыс. чел. и в Николаеве — 5 тыс. чел.)» [15, д. 330, л. 84–85].

На завершающем этапе войны ГКО все чаще выносил решения о передаче под охрану войск НКВД СССР особо важных объектов. В качестве примера можно привести следующие: постановление от 24 июня 1944 г. «Об организации военизированной охраны Наркомата внутренних дел на взрывоопасных заводах Наркомата боеприпасов» [15, д. 346, л. 57–58]; распоряжение от 4 ноября 1944 г. «О принятии под охрану Наркомата внутренних дел взрывоопасных цехов и складов взрывчатых веществ при заводах № 12, № 15, № 9, № 114, № 255, № 503, № 577, № 582, № 580, № 594, № 612, № 850 Наркомата боеприпасов» [15, д. 410, л. 110, 116–117]; распоряжение от 1 декабря 1944 г. «О переводе Центрального конструкторского бюро № 17 Нар-

комата авиационной промышленности и его опытного завода, организованного на базе завода № 122 Наркомата авиационной промышленности, под охрану войск Наркомата внутренних дел» [15, д. 420, л. 16–17]; распоряжение «О принятии под охрану войск Наркомата внутренних дел завода “Платиноприбор” Управления Гознака Наркомата финансов» [15, д. 429, л. 113]; распоряжение от 6 марта 1945 г. «О мерах по обеспечению охраны строящихся импортных заводов Наркомата нефтяной промышленности», предусматривавшее увеличение штатной численности войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности на 796 единиц [15, д. 457, л. 166].

Большое внимание уделялось совершенствованию правительственной связи, организация которой возлагалась на НКВД СССР. 31 января 1944 г. ГКО издал постановление «О поставке оборудования, аппаратуры, автомобильного транспорта и материалов для фронтовых и вновь организуемых станций правительственной связи Наркомата внутренних дел в освобождаемых от немецких оккупантов городах и об укомплектовании войск правительственной связи Наркомата внутренних дел личным составом», которым, кроме мероприятий по разработке соответствующего оборудования (телеграф, телефон), предусматривалось укрепление войск правительственной связи НКВД (с помощью Наркомата обороны), направление офицеров-специалистов связи (325 человек), 2 тысячи лошадей, почти 800 автомобилей [15, д. 275, л. 51–61].

23 марта 1945 г. ГКО принял постановление «Об увеличении численности войск правительственной связи Наркомата внутренних дел» на 13 тысяч человек «для содержания дополнительно сформированных частей войск правительственной связи, ввиду удлинения линий “ВЧ” связи от Москвы до штабов фронтов и армий». А 29 марта 1945 г. состоялось постановление «Об усилении правительственной ВЧ-связи Наркомата внутренних дел с Дальним Востоком». Наряду с детальным указанием о снабжении этих войск различного вида довольствием (например, палатки, хозяйственно-вьючные седла и т. п.) постановление предусматривало для усиления правительственной ВЧ-связи с Дальним Востоком «дополнительно сорок рот правительственной связи численностью 5500 человек, увеличив на это количество общую численность войск НКВД СССР». Наркомат обороны СССР должен был передать в НКВД СССР 200 офицеров связи, 200 общевойсковых офицеров, 800 сержантов и 4 тысячи 300 красно-

армейцев. Компенсировалось это сокращение штатной численности РККА следующим образом. НКВД СССР и Прокуратуре СССР разрешалось «освободить в течение II квартала 1945 г. и передать НКО СССР 5500 человек, годных для службы в Красной Армии, из числа лиц, находящихся под следствием и осужденных за мелкие бытовые преступления и за самовольный уход с предприятий оборонной промышленности» [15, д. 464, л. 6–23].

Весной 1945 г. начали осуществляться мероприятия, направленные на техническое обеспечение войск НКВД СССР. В их числе можно назвать комплекс мер, предусмотренных постановлением ГКО от 22 апреля 1945 г. «Об обеспечении восстановления и строительства пограничных застав, зданий войск Наркомата внутренних дел и органов Наркомата внутренних дел — Наркомата государственной безопасности». Планом строительства войск и органов НКВД СССР на 1945 г. предусматривалось выделение 390 млн руб., а органов НКГБ СССР — 45 млн руб. Рабочие, служащие и инженерно-технический персонал, работавший на восстановлении и строительстве пограничных застав, зданий войск НКВД СССР и органов НКВД/НКГБ СССР, а также транспорт и оборудование, находившиеся на указанном строительстве, освобождались от мобилизации в Красную Армию [15, д. 484, л. 53–62]. 24 апреля 1945 г. ГКО отдал распоряжение «О плане постройки кораблей и катеров на заводах Наркомата судостроительной промышленности и Наркомата лесной промышленности и передаче их Наркомату внутренних дел для организации охраны морских границ СССР» [15, д. 485, л. 67–68].

По окончании войны начался массовый вывоз из Германии в СССР различного оборудования, материалов, целых предприятий и производств. В целях наиболее эффективной охраны этих ценностей было признано целесообразным организовать ее следующим образом: на железных дорогах Германии, Польши, Венгрии и Румынии силами Управления тыла Красной Армии, а на железных дорогах СССР — войсками НКВД СССР и вооруженной охраной НКПС СССР, как это предусматривалось постановлением ГКО от 31 мая 1945 г. «Об охране и сопровождении железнодорожных транспортов с оборудованием и материалами, вывозимыми с немецких предприятий» [15, д. 499, л. 41–57, 255–257].

В наиболее напряженный период первого этапа войны, когда потери Красной Армии были особенно велики, во второй половине 1942 г. были приняты два постановления, направленные на то, чтобы в кратчайшие сроки укомплектовать действующие войска до норм

положенности с таким расчетом, чтобы пополнение производилось за счет отвечающих необходимым требованиям лиц.

Как докладывал Генштаб РККА, на июль — сентябрь 1942 г. требовалось 2 миллиона 40 тысяч человек. За счет имевшихся резервов можно было привлечь 870 тысяч человек. Недостающие 1 миллион 170 тысяч человек предлагалось пополнить различными путями, в том числе используя потенциал НКВД СССР. Например, с 20 июля должен был начаться призыв граждан 1924 года рождения (650 тысяч человек), из которых 250 тысяч направлялись в различные рода войск. В войска НКВД СССР — 100 тысяч человек. Такое же число обученного рядового и младшего начальствующего состава из войск НКВД СССР направлялось для укомплектования действующей армии.

Из числа мужчин до 40 лет, содержащихся в лагерях НКВД, предполагалось отобрать 50 тысяч человек, годных для службы в армии.

Намечалось к призыву 50 тысяч из 423 тысяч человек, забронированных за милицией, лагерями, исправительно-трудовыми колониями и учреждениями НКВД СССР с заменой их негодными к строевой службе после ранений, нестроевыми военнообязанными и женщинами.

В эти цифры были внесены правки, и постановлением ГКО от 26 июля 1942 г. предусматривалось, что призывников 1924 года рождения в войска НКВД СССР направляется 75 тысяч человек. (Столько же передавалось из войск НКВД СССР в РККА, в том числе из конвойных войск — 4 320, из войск по охране железных дорог — 6 673, из войск по охране особо важных предприятий промышленности — 5 414, из погранвойск — 7 тысяч. Остальные — из стрелковых дивизий и иных частей внутренних войск.) Число призываемых, забронированных за милицией, лагерями, исправительно-трудовыми колониями и учреждениями НКВД СССР с заменой их негодными к строевой службе после ранений, нестроевыми военнообязанными и женщинами, также сокращалось до 35 тысяч человек, равно как и число предполагаемых к досрочному освобождению из мест лишения свободы и передачи в армию — до 30 тысяч человек [15, д. 83, л. 70–87].

14 октября 1942 г. ГКО принял решение выделить войскам НКВД СССР 50 тысяч призывников 1925 года рождения и 14 тысяч специалистов рядового и младшего начальствующего состава. Однако постановлением ГКО от 20 декабря 1942 г. эта цифра была понижена до 20 тысяч человек рядового состава, годного к строевой службе. Этим же по-

становлением НКВД СССР и Прокуратура СССР обязывались «пересмотреть до 25 января 1943 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР заключенных мужчин в возрасте до 40 лет, осужденных за бытовые и имущественные преступления, с целью досрочного освобождения и передачи в Армию 30000 человек, годных к несению строевой службы» [15, д. 117, л. 62–70].

Основное внимание авторы сосредоточили на изложении решений ГКО СССР, ко-

торыми определялись конкретные задачи НКВД СССР и его органов по обеспечению мероприятий, связанных с потребностями действующей Красной Армии и укреплении тыла. Эти сведения будут способствовать более глубокому и полному раскрытию роли ГКО и НКВД СССР по решению конкретных задач, направленных на достижение главной цели военного времени — победы над гитлеровской Германией. Этот опыт представляет не только исторический интерес, но и сохраняет свое практическое значение.

Список литературы:

1. Алексеев А. Е. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург, 2005.
2. Внутренние войска. Исторический очерк / В. П. Баранов [и др.] Москва, 2007.
3. Внутренние войска. История и современность. Популярный очерк / под общ. ред. С. Ф. Кавуна. Москва, 2001.
4. Войска НКВД в Великой Отечественной войне: военно-исторический труд в трех томах / Ю. А. Марценюк [и др.]. Москва, 2015.
5. Глызин С. В. Войска называются внутренними. Москва, 2007.
6. Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. Москва, 2002.
7. История внутренних войск МВД России: военно-исторический труд в пяти томах / В. Ю. Новожилов [и др.]. 3-е изд., доп. Москва, 2016.
8. Комаров Н. Я. Государственный комитет обороны постановляет. Документы, воспоминания, комментарии. Москва, 1990.
9. Краткая история внутренних войск: учебное пособие / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк [и др.]; под ред. В. В. Золотова. Москва, 2015.
10. Лысенков С. Г., Сидоренко В. П. Внутренние войска. Страницы истории. Санкт-Петербург, 2001.
11. Малыгин А. Я. К вопросу о руководстве Государственным комитетом обороны органами внутренних дел в начальный период Великой Отечественной войны // «Поклонимся великим тем годам...» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник материалов всероссийской научной конференции. Москва, 2020.
12. Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Вопросы руководства милицией в решениях Государственного комитета обороны // Труды

References:

1. Alekseenkov A. E. Vnutrennie vojska v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Sankt-Peterburg, 2005.
2. Vnutrennie vojska. Istoricheskij ocherk / V. P. Baranov [i dr.] Moskva, 2007.
3. Vnutrennie vojska. Istoriya i sovremennost'. Populyarnyj ocherk / pod obshch. red. S. F. Kavuna Moskva, 2001.
4. Vojska NKVD v Velikoj Otechestvennoj vojne: voenno-istoricheskij trud v trekh tomah / Yu. A. Marcenyuk [i dr.]. Moskva, 2015.
5. Glyzin S. V. Vojska nazyvayutsya vnutrennimi. Moskva, 2007.
6. Gor'kov Yu. A. Gosudarstvennyj komitet oborony postanovlyat (1941–1945). Cifry, dokumenty. Moskva, 2002.
7. Istoriya vnutrennih vojsk MVD Rossii: voenno-istoricheskij trud v pyati tomah / V. Yu. Novozhilov [i dr.]. 3-e izd., dop. Moskva, 2016.
8. Komarov N. Ya. Gosudarstvennyj komitet oborony postanovlyat. Dokumenty, vospominaniya, kommentarii. Moskva, 1990.
9. Kratkaya istoriya vnutrennih vojsk: uchebnoe posobie / S. V. Bunin, Yu. A. Marcenyuk [i dr.]; pod red. V. V. Zolotova. Moskva, 2015.
10. Lysenkov S. G., Sidorenko V. P. Vnutrennie vojska. Stranicy istorii. Sankt-Peterburg, 2001.
11. Malygin A. Ya. K voprosu o rukovodstve Gosudarstvennym komitetom oborony organami vnutrennih del v nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny // «Poklonimsya velikim tem godam...» (k 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne): sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2020.
12. Malygin A. Ya., Mulukaev R. S. Voprosy rukovodstva miliciej v resheniyah Gosudarstvennogo komiteta oborony // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 2 (58).
13. Malygin A. Ya., Mulukaev R. S. Oboronno-proizvodstvennaya deyatel'nost' GULAG NKVD SSSR v 1941–1945 gg. v materialah

Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58).

13. Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Оборонно-производственная деятельность ГУЛАГ НКВД СССР в 1941–1945 гг. в материалах Государственного комитета обороны // Вопросы истории. 2021. № 5–2.
14. Павлов С. К. История строительства внутренних войск. Москва, 2007.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2.
16. Стариков Н. Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. Москва, 2014.

Gosudarstvennogo komiteta oborony // Voprosy istorii. 2021. № 5–2.

14. Pavlov S. K. Istoriya stroitel'stva vnutrennih vojsk. Moskva, 2007.
15. Russian State Archive of Socio-Political History. F. 644. Op. 2.
16. Starikov N. N. Vojska NKVD na fronte i v tylu. Moskva, 2014.

Для цитирования:

Роланд Сергеевич Мулукаев, Александр Яковлевич Малыгин. Войска НКВД СССР в решениях и материалах Государственного комитета обороны // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 159–166.

For citation:

Roland Sergeevich Mulukaev, Alexander Yakovlevich Malygin. NKVD Troops of the USSR in Decisions and Materials of the State Defense Committee // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1 (61). P. 159–166.